332.4
Б-40

92364

О НѢКОТОРЫХЪ ЯВЛЕНІЯХЪ

ДЕНЕЖНАГО ОБРАЩЕНІЯ

ВЪ РОССІИ.

332.4
Б-40

О НѢКОТОРЫХЪ ЯВЛЕНІЯХЪ

ДЕНЕЖНАГО ОБРАЩЕНІЯ

ВЪ РОССІИ

ВЪ СВЯЗИ СЪ ПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ, ТОРГОВЛЕЮ И КРЕДИТОМЪ.

В. БЕЗОБРАЗОВА.

БИБЛІОТЕКА
Финансовой Академіи
Министерства Финансов СССР
Инв. № 17404

Министерство Финансов СССР
Всесоюзная Высшая
ФИНАНСОВАЯ ШКОЛА
БИБЛИОТЕКА
ИНВ № 67704

МОСКВА.
Въ университетской типографіи
(КАТКОВЪ и К°.)
1863.

92364.

Министерство
№ 1
НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Финансов СССР

Одобрено цензурой. Москва. 16 февраля 1863 года.

Ниже будутъ изложены нѣкоторыя наблюденія сдѣланныя нами въ 1862 году относительно нашего *денежнаго обращенія* и тѣ общіе выводы, которые, по нашему убѣжденію, могутъ быть сдѣланы на основаніи этихъ наблюденій. При этомъ мы должны будемъ коснуться нашихъ коммерческихъ, промышленныхъ и кредитныхъ обстоятельствъ, на сколько они находятся въ непосредственной связи съ главнымъ предметомъ этихъ изслѣдованій и насколько позволятъ собранныя нами свѣдѣнія. Наши наблюденія преимущественно сосредоточены въ области украинскаго ярмарочнаго торга, то-есть въ губерніяхъ: Курской, Харьковской и Полтавской [1], и отчасти также въ Москвѣ, какъ центрѣ мануфактурной и коммерческой дѣятельности сѣверной, промышленной полосы Россіи, и центрѣ внутренняго денежнаго и кредитнаго обращенія. Такимъ образомъ, сообщае-

[1] Въ особенности на ярмаркахъ: Коренной (близь Курска), въ первой половинѣ іюня; Ильинской (въ Полтавѣ), во второй половинѣ іюля; и Успенской (въ Харьковѣ), во второй половинѣ августа.

мыя нами свѣдѣнія преимущественно почерпнуты изъ того коммерческаго движенія, которое, отправляясь изъ сѣверной мануфактурной полосы, охватываетъ всю нашу украйну. Это обстоятельство не можетъ однако, по нашему мнѣнію, придать какой-либо совершенно исключительный характеръ описываемымъ нами явленіямъ, и не препятствуетъ сдѣлать нѣкоторые общіе выводы по вопросамъ денежнаго обращенія и народнаго хозяйства. Ибо, *вопервыхъ*, область нашихъ наблюденій уже сама по себѣ, по своему пространству, весьма обширна, и то коммерческое движеніе, посреди котораго мы находились, состоящее въ размѣнѣ между нашею сѣверною, мануфактурною полосой и южною, земледѣльческою, едва ли не главная отрасль нашей внутренней торговли. *Вовторыхъ*, мануфактурная производительность сѣверной полосы непосредственно зависитъ отъ украинскаго рынка [2], и этотъ рынокъ могущественно обусловливаетъ собою направленіе капиталовъ и народнаго труда во всемъ нашемъ отечествѣ. *Втретьихъ*, украинскій рынокъ находится въ тѣсной связи съ нашею иностранною торговлей на юго-западной, южной и отчасти юго-восточной границахъ. *Вчетвертыхъ*, свѣдѣнія наши, хотя и *преимущественно*, однако *неисключительно*, собраны въ этой области; мы старались пользоваться свѣдѣніями собранными другими въ другихъ мѣстностяхъ Россіи. Наконецъ, *впятыхъ*, мы не думаемъ, чтобы тѣ общіе факты, которые главнымъ образомъ положены въ основаніе настоящаго труда, могли имѣть направленіе коренным образомъ различное въ разныхъ областяхъ Россіи. Извѣстія, печатно и изъ другихъ источниковъ доходящія до насъ изъ разныхъ краевъ Россіи, подкрѣпляютъ это наше убѣжденіе. Во всякомъ случаѣ, мы постоянно имѣли въ виду извѣстные намъ факты, собранные другими наблюдателями, тѣмъ болѣе когда они не согласовались съ нашими собственными наблюденіями [1]. Впрочемъ, сообщаемыя нами

---

[1] Этотъ рынокъ обнимаетъ собою главнымъ образомъ губерніи: Курскую, Черниговскую, Воронежскую, Полтавскую, Екатеринославскую и Харьковскую. Харьковъ—главный центръ этого рынка.

[2] Когда въ нашемъ изложеніи мы не будемъ называть мѣстность, къ которой относятся сообщаемые факты, то при этомъ должно разумѣть выше нами обозначенную украинскую область. Гдѣ мы не будемъ обозначать источниковъ нашихъ свѣдѣній, тамъ, значитъ, они почерпнуты изъ собственныхъ нашихъ наблюденій

свѣдѣнія могутъ быть пополняемы и опровергаемы свѣдѣніями изъ другихъ мѣстностей Россіи, нами не посѣщенныхъ, чего мы отъ всей души желаемъ, нисколько не считая непогрѣшимыми и собственныя наши наблюденія.

Во всемъ нашемъ изложеніи мы будемъ постоянно стараться идти отъ фактовъ къ общимъ выводамъ, чтобы, по возможности безъ всякой предвзятой мысли, провѣрить всемірныя истины науки нашимъ домашнимъ опытомъ. Но сообщая факты, мы должны будемъ безпрестанно входить въ разсужденія, и даже весьма пространныя; безъ нихъ, факты сами по себѣ не имѣли бы никакого смысла на почвѣ такой науки какъ экономическая. Вмѣстѣ съ тѣмъ, порядокъ изложенія и чрезвычайная сложность всѣхъ явленій относящихся къ денежному обращенію заставляютъ насъ разсмотрѣть отдѣльно разныя его стороны, и сосредоточить около каждой изъ нихъ особую категорію фактовъ и выводовъ. Мы могли это сдѣлать, потому что каждое изъ разныхъ ненормальныхъ условій денежной системы, дѣйствительно, влечетъ за собою *преимущественно* извѣстный рядъ болѣзненныхъ явленій въ народномъ хозяйствѣ. Такимъ образомъ мы разсмотримъ отдѣльно послѣдствія: 1) неразмѣнности кредитныхъ билетовъ и насильственнаго ихъ курса; 2) излишества ихъ въ народномъ обращеніи; и 3) самой цѣли выпуска ихъ въ обращеніе, то-есть для покрытія государственныхъ расходовъ.

Разсмотрѣніе этихъ трехъ недостатковъ нашего денежнаго обращенія дастъ намъ возможность ближе вникнуть въ послѣдствія различныхъ государственныхъ мѣръ принятыхъ къ ихъ отвращенію: 1) открытія размѣна кредитныхъ билетовъ на звонкую монету въ государственномъ банкѣ; 2) прекращенія самаго выпуска ихъ иначе какъ въ обмѣнъ на золото и серебро; и 3) выпуска кредитныхъ билетовъ въ обращеніе черезъ посредство государственнаго банка. Соотвѣтственно такому раздѣленію нашего изслѣдованія на три части, безпроцентныя кредитныя бумаги будутъ постепенно разсматриваемы въ тройкомъ ихъ значеніи: 1) какъ узаконенная государственная монета; 2) какъ представитель цѣнности и орудіе оборота; и 3) какъ кредитная бумага. Хотя, вслѣдствіе принятаго нами раздѣленія, у насъ составились

три особыя группы явленій, а также и вопросовъ преимущественно относящихся къ каждой изъ трехъ сторонъ денежнаго обращенія; однако, само собою разумѣется, всѣ эти явленія и вопросы находятся въ самой тѣсной между собою зависимости, и всѣ вмѣстѣ взятыя составляютъ одно явленіе жизни и одинъ вопросъ. Отрѣшая по необходимости одни отношенія этого явленія отъ другихъ, чтобы не потеряться въ безграничной сложности этихъ отношеній, мы должны будемъ, въ заключеніе, связать всѣ наши отдѣльныя изысканія въ одно цѣлое. Но это цѣлое можетъ получить для насъ смыслъ только по разсмотрѣніи каждой его части порознь.

I. Колебанія денежной единицы и открытіе размѣна кредитныхъ билетовъ.

Въ 1858 году [1] правительство пріостановило во всѣхъ казначействахъ установленный закономъ размѣнъ государственныхъ кредитныхъ билетовъ на звонкую монету, по нарицательной ихъ цѣнѣ. Съ этого времени до 1-го мая 1862 г. размѣнъ не былъ открываемъ, и кредитные билеты пользовались у насъ, что̀ называется, *насильственнымъ* курсомъ, то-есть несмотря на неразмѣнность ихъ, они, какъ государственная монета, продолжали имѣть по закону хожденіе наравнѣ съ звонкою монетою, и пріемъ ихъ по платежамъ какъ въ казну, такъ и между частными лицами, по нарицательной цѣнѣ, былъ обязателенъ [2].

---

[1] Этимъ годомъ обозначается большею частію прекращеніе размѣна во всѣхъ печатныхъ источникахъ и между прочимъ во всеподданнѣйшей запискѣ г. министра финансовъ, 2 ноября 1862 г. Сколько намъ извѣстно, не было принято никакой общей по этому предмету мѣры, а былъ рядъ разновременныхъ административныхъ, словесныхъ, распоряженій, которыми размѣнъ былъ нѣсколько разъ, начиная съ восточной войны, то стѣсняемъ, то расширяемъ, и совершенно прекращенъ въ 1857 г. По нашимъ изысканіямъ, относительно начала лажа и спекуляціи на звонкую монету, изложеннымъ ниже, совершенное прекращеніе размѣна должно отнести къ самому началу 1857 г., до котораго не было у насъ вовсе лажа.

[2] Мы отличаемъ *насильственный* курсъ бумажныхъ денегъ отъ *обязательнаго*, или узаконеннаго; первый есть соединеніе втораго съ *неразмѣнностью*.

Высочайшимъ указомъ 25 апрѣля 1862 г. принята мѣра первостепенной важности относительно нашего денежнаго обращенія: открытъ размѣнъ кредитныхъ билетовъ въ государственномъ банкѣ на золото и серебро по курсу объявленному съ 1-го мая: 570 к. за полуимперіалъ и 110½ к. за цѣлковый, а съ 1 августа по 560 к. за полуимперіалъ и по 108 к. за цѣлковый. Важность этой мѣры, съ точки зрѣнія теоріи денежнаго обращен я, была очевидна; ибо для каждаго, сколько-нибудь знакомаго съ условіями нормальной денежной системы, было несомнѣнно, что свободный размѣнъ кредитныхъ билетовъ въ государственномъ банкѣ, хотя бы по курсу ниже нарицательной ихъ цѣны относительно звонкой монеты, долженъ совершенно измѣнить характеръ народнаго денежнаго обращенія, никакъ не подчиняющагося строгости насильственнаго курса какой-нибудь монеты.

Во всей Европѣ, гдѣ уже начинали зорко слѣдить за потрясеніями въ нашемъ денежномъ обращеніи и громко возвѣщать недостатки нашей денежной системы, — мѣра эта была оцѣнена по всей справедливости, и главные органы финансовой литературы тотчасъ взвѣсили важныя послѣдствія ея для нашего государственнаго кредита и народнаго хозяйства. Но что̀ можно было предвидѣть въ теоріи, то любопытно было прослѣдить въ самой дѣйствительности, тѣмъ болѣе что теорія можетъ постигнуть только общій характеръ явленія, а всѣ его частности и видоизмѣненія зависятъ отъ безчисленныхъ обстоятельствъ мѣста и времени, и ихъ можно узнать только изъ опыта.

Когда мы въ разныхъ посѣщенныхъ нами мѣстахъ начинали спрашивать: *какія замѣчаются въ нашемъ денежномъ обращеніи послѣдствія открывшагося размѣна?* — то мы получали отъ всѣхъ, даже отъ прямыхъ участниковъ нашихъ торговыхъ оборотовъ и ежечасныхъ свидѣтелей разныхъ денежныхъ операцій, неизмѣнный отвѣтъ: *никакихъ послѣдствій*. За этимъ отвѣтомъ тотчасъ слѣдовали жалобы на застой въ торговлѣ, безденежье и исчезновеніе звонкой монеты, неизмѣнно повторяющіяся на всѣхъ концахъ Россіи въ послѣднее время. Тщетно было обращаться съ нашимъ вопросомъ къ прямымъ участникамъ самаго дѣла, то есть къ *торговцамъ денегъ*, къ такъ-называемымъ

мѣняламъ и *столешникамъ* [1]; безмолвіе послѣднихъ можетъ на первыхъ порахъ привести въ уныніе самаго неутомимаго изслѣдователя, а уклончивые и иной разъ до наглости лукавые отвѣты могутъ отнять охоту отъ продолженія усилій, начатыхъ съ самою добросовѣстною цѣлію [2].

---

[1] *Столешниками* называютъ въ Украйнѣ мѣнялъ, которые торгуютъ монетой за столиками, большею частію на площадяхъ. Названіе: *мѣняло*, совершенно неизвѣстно въ Украйнѣ, начиная съ Курской губерніи.

[2] На вопросъ сдѣланный нами одному мѣнялѣ (къ столу котораго мы подошли безъ всякаго предварительнаго съ нимъ знакомства) на Коренной ярмаркѣ: почему полуимперіалы понизились въ цѣнѣ, и между прочимъ весьма быстро, въ теченіи двухъ дней, передъ концомъ ярмарки?—онъ отвѣчалъ: потому что ихъ очень мало въ продажѣ. Не смотря на всѣ наши убѣжденія, что товаръ никогда не можетъ упасть въ цѣнѣ вслѣдствіе уменьшенія количества его у продавцовъ, и что послѣднее обстоятельство напротивъ производитъ обыкновенно вздорожаніе товара, нашъ собесѣдникъ упорно стоялъ на своемъ и доказывалъ намъ., что полуимперіаловъ осталось у мѣнялъ такъ мало къ концу ярмарки, что они спускали ихъ, по какой бы то ни было цѣнѣ. Этотъ случай можетъ послужить примѣромъ какъ безплодно у насъ собираніе свѣдѣній подобнымъ способомъ, то-есть чрезъ прямые и открытые *распросы*, безъ всякаго предварительнаго знакомства съ лицами, отъ которыхъ желаешь получить какія-нибудь свѣдѣнія. А между тѣмъ бо́льшая часть нашихъ офиціяльныхъ статистическихъ свѣдѣній сходна съ приведеннымъ выше отвѣтомъ мѣнялы. У насъ невозможно производить изслѣдованіе общественныхъ вопросовъ простымъ обращеніемъ изслѣдователя ко всѣмъ прикосновеннымъ къ вопросу лицамъ, подобно тому какъ это дѣлается въ другихъ странахъ, гдѣ заинтересованныя лица свыклись съ *публичными изслѣдованіями* и знаютъ пользу, которую они приносятъ разрѣшенію государственныхъ и ученыхъ вопросовъ. У насъ еще невѣдомы изслѣдованія возбуждаемыя единственно интересомъ дѣла и направленныя единственно къ раскрытію истины, со всѣхъ ея сторонъ, а не къ полученію *нужныхъ* отвѣтовъ и къ достиженію тѣхъ или другихъ личныхъ цѣлей. Поэтому всякаго рода изысканія въ кругу нашихъ общественныхъ вопросовъ приходится производить домашнимъ порядкомъ, чрезъ личныя связи, знакомства и взаимныя частныя одолженія, приходится трудиться на удачу, и долго охотиться за какою-нибудь случайною находкой. Этотъ способъ, единственно возможный у насъ, требуетъ чрезвычайно много времени для каждаго изысканія. Впрочемъ, замѣтимъ здѣсь кстати, наши торговцы деньгами, или мѣнялы, самые неподатливые на распросы люди, и мы немногаго бы добились, еслибъ обстоятельства не свели насъ съ коммерческими людьми, оказавшими самую искреннюю готовность содѣйствовать нашимъ занятіямъ. Многія особенности нашего быта и самаго характера нашихъ торговцевъ деньгами, а также и предразсудки относительно этого промысла, существующіе не только у насъ, но отчасти и вездѣ,—окружили этотъ

При этихъ неудачныхъ попыткахъ добиться толку, при этихъ отрицательныхъ отвѣтахъ, безмолвіи и полнѣйшемъ равнодушіи людей прямо заинтересованныхъ въ событіи,— можно было подумать, что это событіе исчезло безъ слѣда посреди совершенно иныхъ заботъ нашего практическаго міра, и что не понимая живыхъ интересовъ дѣйствительности, чуждые ей въ нашихъ отвлеченныхъ умствованіяхъ, мы преувеличивали важность событія. Но не разъединеніе теоріи съ практикой, даже не упорство въ безмолвіи и не равнодушіе общественной среды были причиною того, что вопросъ нашъ оставался безъ отвѣта. Дальнѣйшія наши усилія къ той же цѣли, но иначе направленныя, были болѣе успѣшны. Дѣло въ томъ, что общій вопросъ нужно было раздѣлить на нѣсколько частныхъ вопросовъ и затѣмъ не только спрашивать, но и самому наблюдать тѣ факты, въ которыхъ должны были проявиться послѣдствія занимавшаго насъ случая. Иначе и быть не можетъ. Общій вопросъ имѣетъ значеніе только для мыслителя, а не для человѣка практически въ немъ заинтересованнаго, который большею частію чувствуетъ и знаетъ только частные случаи вопроса, а не общую его формулу. Это въ особенности относится къ нашему коммерческому міру, который вообще слишкомъ чуждъ сознательнаго анализа экономическихъ вопросовъ, да и весьма недовѣрчивъ къ людямъ являющимся съ разспросами. Вслѣдствіе многихъ особенностей нашего народнаго воспитанія, наши практическія сферы, если заражаются идеями, то гораздо легче идеями *непрактическими* чѣмъ практическими. Но не говоря уже о свойствахъ общественной среды, самыя свойства предмета подобнаго денежному обращенію

промыселъ и занимающихся имъ людей какимъ-то особеннымъ сумракомъ и таинственностью. Для обоюдной пользы какъ этихъ, людей такъ и публики, желательно чтобъ исчезъ тотъ странный предразсудокъ въ понятіяхъ общества, по которому торговля монетой какъ будто заключаетъ въ себѣ что-то нравственно отличное отъ всякаго другаго промысла, и непремѣнно сопряжена съ плутнями. Къ сожалѣнію, сами торговцы деньгами окружаютъ свои занятія такою таинственностью, что заставляютъ публику дѣлать на этотъ счетъ всякаго рода предположенія. Но эта таинственность отчасти и вынуждена вслѣдствіе разныхъ административныхъ преслѣдованій, не рѣдко случающихся у насъ, противъ торговли деньгами.

не таковы, чтобы можно было ожидать прямаго и сознательнаго отвѣта. Явленія денежнаго обращенія примѣшиваются ко всѣмъ фактовъ промышленной жизни, но не составляютъ какихъ-либо отдѣльныхъ спеціальныхъ фактовъ, и потому за причины и движущія силы денежныхъ явленій всегда легко могутъ быть приняты причины и силы совершенно другихъ явленій. Такъ цѣны столько же зависятъ отъ условій денежнаго обращенія, какъ и отъ всѣхъ условій производства, торговли и кредита. Поэтому, когда монета бываетъ даже главною причиной какихъ-либо измѣненій въ цѣнахъ, практическіе люди гораздо болѣе расположены искать этой причины въ самомъ товарѣ, который находится въ ихъ рукахъ, котораго свойства имъ извѣстны, нежели въ деньгахъ, которыхъ свойства и законы имъ совершенно невѣдомы. Недуги денежнаго обращенія такъ же трудно сознаются самими людьми страдающими отъ этого недуга, какъ трудно убѣждается человѣкъ, нежданно получившій въ свое распоряженіе массу бумажныхъ денегъ, что эта масса не только не обогатитъ, но окончательно раззоритъ его. Поэтому приговоръ, не рѣдко произносимый въ разныхъ слояхъ публики, что никакихъ послѣдствій операціи размѣна у насъ *не оказывается*, не долженъ никого вводить въ заблужденіе.

Послѣ этихъ замѣчаній, неизлишнихъ какъ намъ кажется, мы возвратимся къ нашему предмету и сообщимъ наши наблюденія сперва относительно явленій предшествовавшихъ размѣну, а потомъ относительно явленій послѣдовавшихъ за этою мѣрою.

Хожденіе кредитныхъ билетовъ наравнѣ съ звонкою монетою (то-есть отдача частными лицами, во взаимныхъ платежахъ, полуимперіала за 5 р. 15 к. и цѣлковаго за 1 р. кредитными билетами) было, какъ всякій знаетъ, только воображаемое, а не дѣйствительное. Не однимъ, однако, всѣми замѣченнымъ фактомъ изчезновенія звонкой монеты изъ обращенія въ послѣдніе годы не допускалось хожденіе кредитныхъ билетовъ наравнѣ съ звонкою монетой. Были факты болѣе положительнаго и болѣе рѣшительнаго характера. Вопервыхъ, у насъ, въ частныхъ сдѣлкахъ, цѣны на звонкую монету, сравнительно съ кредитными

билетами, стояли свыше цѣнъ установленныхъ закономъ. Эти цѣны въ послѣднее время даже публиковались въ газетахъ, по биржевымъ свѣдѣніямъ. Не только частныя извѣстія, но точныя свѣдѣнія со всѣхъ нашихъ рынковъ,—не только биржевыхъ, портовыхъ и столичныхъ,—но даже съ рынковъ весьма удаленныхъ отъ главныхъ коммерческихъ центровъ, доказываютъ, что цѣны на звонкую монету въ частныхъ сдѣлкахъ никогда въ послѣдніе годы не совпадали съ узаконенною цѣною, что они измѣнялись, и что звонкая монета принималась при разчетахъ, въ частныхъ сдѣлкахъ, по этимъ измѣнявшимся, *колеблющимся*, цѣнамъ. Всѣ собственныя наши наблюденія не только на коммерческихъ пунктахъ, но даже въ самыхъ глухихъ мѣстахъ, удостовѣряютъ въ этомъ фактѣ, если только можетъ быть здѣсь какое-нибудь сомнѣніе. Положительное воспрещеніе закономъ всякихъ сдѣлокъ заключенныхъ съ условіемъ пріема звонкой монеты по цѣнамъ *вольнымъ*, и совершенная необезпеченность правъ собственности возникающихъ изъ подсбныхъ сдѣлокъ, затмѣвали полную очевидность этого факта Этого мало: вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ, тотъ фактъ, что звонкая монета изчезла, получилъ преобладаніе надъ фактомъ вздорожанія звонкой монеты сравнительно съ кредитными билетами [1].

Тѣмъ не менѣе, существовали и *вольныя* рыночныя, или курсовыя цѣны на *звонкую монету*. Золотая и серебряная монета была отдаваема и принимаема въ частныхъ сдѣлкахъ по цѣнамъ, которыя, сравнительно съ кредитными билетами, превышали цѣну установленную закономъ или нарицательную, то-есть,другими словами, звонкая монета имѣла *лажъ* сравнительно съ кредитными билетами [2]. Всѣ наши изысканія не только

---

[1] Единственная форма, въ которой сдѣлки на звонкую монету могли совершаться законнымъ образомъ, и потому не лишались покровитедьства закона, были *сохранныя записки*, которыя и были весьма употребительны для воспрещенныхъ срочныхъ сдѣлокъ на звонкую монету. Всякая иная форма не защищала кредитора отъ нарушенія условія со стороны должника.

[2] *Лажемъ* называется вообще разница въ цѣнѣ существующей въ народномъ обращеніи на какую-нибудь монету, сравнительно съ цѣною установленною для нея закономъ.

подтвердили повсемѣстность этого факта въ теченіи послѣднихъ шести лѣтъ, но и раскрыли внутри Россіи цѣлый послѣдовательный рядъ явленій, сюда относящихся, какъ увидимъ ниже. Вмѣстѣ съ лажемъ, во внутреннемъ денежномъ обращеніи непомѣрно поднялась международная цѣна на нашу звонкую монету, то-есть, иностранный вексельный курсъ. При переводѣ нашихъ денегъ за границу, цѣна нашего рубля на иностранныхъ биржахъ или въ векселяхъ, по которымъ онъ тамъ уплачивался, была гораздо выше относительной цѣны этого рубля на иностранную монету (то-есть, по содержащемуся въ немъ драгоцѣнному металлу) съ добавочными расходами на перевозку этого рубля въ натурѣ. Это послѣднее обстоятельство и доказывало, что иностранный вексельный курсъ измѣнялся или возвышался *не единственно* подъ вліяніемъ пропорціи векселей одной страны относительновекселей другой или обстоятельствъ международной торговли. Если можетъ-быть сомнѣніе въ этомъ послѣднемъ отношеніи, то оно должно разсѣяться какъ скоро становится извѣстнымъ одновременное съ высокимъ вексельнымъ курсомъ существованіе внутренняго лажа.

Самое существованіе внутренняго лажа, въ которомъ почти никто не сомнѣвается, еще не такъ важно для цѣли нашихъ изслѣдованій. Для насъ болѣе важны условія, границы и движеніе этого факта.

Всѣ свѣдѣнія, какія намъ самимъ удалось собрать и какія намъ извѣстны изъ другихъ источниковъ, свидѣтельствуютъ, что вздорожаніе *вольныхъ* цѣнъ звонкой монеты, сверхъ цѣны узаконенной, обнаружилось у насъ рѣшительнымъ образомъ только въ послѣднія шесть лѣтъ, и до конца 1856 или начала 1857 г. постояннаго лажа во внутреннемъ обращеніи у насъ не было. Въ этомъ положительно убѣждаетъ насъ тотъ фактъ, почерпнутый нами изъ самыхъ непосредственныхъ источниковъ, что за шесть лѣтъ передъ симъ у насъ не было систематической спекуляціи на звонкую монету или на лажъ (какъ увидимъ ниже). Сверхъ этого мы пріобрѣли убѣжденіе, что не смотря на безпрестанныя колебанія и мѣстныя различія вольныхъ цѣнъ на звонкую монету, онѣ однако постоянно въ эти шесть лѣтъ возвышались, и въ общей сложности были самыя высшія въ 1862 г.

не задолго до указа 25 апрѣля. Таковъ общій результатъ свѣдѣній о цѣнахъ звонкой монеты на биржахъ С.-Петербургской, Московской, Одесской, въ большихъ ярмарочныхъ центрахъ, каковъ Харьковъ, и даже на второстепенныхъ коммерческихъ пунктахъ.

Такимъ образомъ, въ 1862 г., цѣна полуимперіала на кредитные билеты въ 3 руб. была довольно обыкновенная, и мы принимаемъ общій уровень лажа въ этомъ году въ 14% и даже почти въ 15% (то-есть серебряный рубль 114—115 кредитными билетами.) Были цѣны и ниже, но были и гораздо выше, ибо случалось что полуимперіалъ продавался по 6 р. 10 к. и 6 р. 20 к.

Вопросъ о размѣрѣ вольныхъ цѣнъ, или курсовъ, на звонкую монету въ 1862 г., *предшествовавшихъ* открытію размѣна въ государственномъ банкѣ, весьма важенъ, какъ увидимъ ниже. Объ этихъ цѣнахъ ходятъ весьма различныя мнѣнія, и разногласіе кажется намъ весьма естественнымъ. Кромѣ негласности этихъ цѣнъ и чрезвычайныхъ колебаній ихъ, есть еще одна особенная причина разногласія и шаткости сужденій объ этомъ предметѣ. На звонкую монету были у насъ, какъ на всякій товаръ, *разныя категоріи* цѣнъ, которыя никакъ не слѣдуетъ между собою смѣшивать и изъ которыхъ надо избрать какую-нибудь одну, чтобы говорить о цѣнахъ и сравнивать ихъ между собою; такъ были, какъ будетъ объяснено ниже, *покупныя* и *продажныя*, *гуртовыя* и *розничныя* цѣны на звонкую монету. Всѣ эти цѣны весьма между собою не сходны, и это даетъ поводъ ко многимъ недоразумѣніямъ. За норму цѣнъ звонкой монеты въ народномъ обращеніи необходимо брать ея *продажныя* цѣны, то-есть, тѣ цѣны, по которымъ публика получала монету отъ торговцевъ. Такъ мы и будемъ дѣлать, и такъ вообще дѣлается въ сужденіяхъ о цѣнѣ на всякій товаръ. Эти продажныя цѣны значительно отличались отъ покупныхъ, по которымъ напримѣръ мѣнялы брали монету у публики. Но, кромѣ этого различія въ цѣнахъ, есть еще другія. Всѣмъ извѣстно напримѣръ, что когда можно было получить 5 штукъ полуимперіаловъ въ мѣняльной лавкѣ за 5 р. 80 к., это еще не значило, что можно было тутъ же получить по этой цѣнѣ 100 штукъ; можетъ-быть, чтобы достать 100 штукъ

нужно было заплатить по 5 р. 90 к. Далѣе, еслибы потребовалось 1000 штукъ и пришлось бы заказывать ихъ, отыскавъ настоящихъ торговцевъ этой спеціальности, то можетъ-быть въ такой значительной сдѣлкѣ и при обѣщаніи имѣть всегда дѣло съ однимъ и тѣмъ же лицомъ, можно было бы сторговать червонцы и гораздо дешевле, чѣмъ обошлись пять штукъ купленныхъ въ лавкѣ, и т. д. Мы знаемъ, что главные московскіе заготовители звонкой монеты продавали ее своимъ обычнымъ покупателямъ (сибирскимъ купцамъ) въ апрѣлѣ 1862 г. по 114 за серебряный рубль (въ золотѣ и серебрѣ) и сами покупали на рынкахъ весьма отдаленныхъ отъ Москвы (въ Екатеринославской губерніи на Егорьевской ярмаркѣ въ Елисаветградѣ) по 112½%. Эту цѣну монеты, въ самой *нормальной* сдѣлкѣ, мы и беремъ за основаніе нашихъ сужденій. Итакъ, не смотря на значительныя и безпрестанныя колебанія цѣнъ звонкой монеты, онѣ постоянно возрастали въ послѣднія шесть лѣтъ до изданія указа 14 апрѣля. Чрезвычайную колеблемость торговыхъ цѣнъ на звонкую монету, какъ товара, должно приписать какъ общимъ причинамъ непостоянства и неправильности у насъ цѣнъ на всѣ безъ изъятія предметы, такъ и особеннымъ условіямъ этого товара, препятствовавшимъ открытому торгу и не допускавшимъ совершенно открытаго лажа на монету. Характеръ торга былъ именно таковъ (какъ мы увидимъ ниже), что ему были особенно свойственны цѣны случайныя и исключительныя, чрезвычайно разнившіяся отъ общихъ нормъ и общаго движенія цѣнъ. Благодаря этой случайности цѣнъ, люди знавшіе только сдѣлки, въ которыхъ состоялись именно эти цѣны, легко могли ошибиться относительно общаго движенія цѣнъ, и думать, что цѣны падаютъ, когда въ общемъ своемъ ходѣ онѣ возрастали. Весь механизмъ операцій на звонкую монету былъ таковъ, что въ нихъ всего менѣе могли преобладать такъ-называемыя *ходячія* или открытыя цѣны, по которымъ въ данномъ мѣстѣ и въ данное время можетъ быть продаваема или покупаема звонкая монета. Такимъ образомъ полуимперіалы могли быть приняты въ платежъ за товаръ между двумя купцами по 5 р. 90 к., тогда какъ наканунѣ другими лицами они могли быть куплены по 6 р.; цѣлковые

могли быть пріобрѣтены спекулянтомъ за 110 k. кредитными билетами у помѣщика или крестьянина, не болѣе какъ въ десяти верстахъ разстоянія отъ города или биржи, гдѣ въ то же самое время столешники покупали цѣлковые за 114 и т. д. [1]. *Негласность* торговли деньгами и исключительное положеніе ея *внѣ закона* (то-есть внѣ всякой охраны суда и полиціи [2]) препятствовали появленію ходячихъ и открытыхъ цѣнъ, составляющихъ принадлежность всякой другой торговли, и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно покровительствовали недобросовѣстности и даже положительному обману. Люди недобросовѣстные и безчестные, пользуясь легкомысліемъ и невѣжествомъ, часто получали и сбывали товаръ по самымъ *несообразнымъ* цѣнамъ. Кромѣ наконецъ всѣхъ указанныхъ причинъ, производившихъ чрезвычайное разнообразіе въ цѣнахъ на звонкую монету, въ общемъ движеніи цѣнъ были рѣзкія отклоненія, происходившія уже не въ отдѣльныхъ случаяхъ, а на цѣлыхъ пространствахъ Имперіи и въ теченіи продолжительныхъ періодовъ времени. Такъ напримѣръ выселеніе изъ Крыма въ 1860 г. Татаръ, закупавшихъ звонкую монету, причинило внезапное вздорожаніе золота на всемъ югѣ. Послѣ этого исключительнаго вздорожанія, о которомъ мы въ особенности много слышали, цѣна на золото естественно должна была временно понизиться. Точно также могли дѣйствовать исключительныя, независимыя

---

[1] Кромѣ упомянутыхъ выше причинъ непостоянства и неправильности въ движеніи цѣнъ на монету, здѣсь должно мимоходомъ упомянуть и о низкомъ уровнѣ экономическаго образованія массъ, въ особенности проявляющагося въ торгѣ *монетою*, въ этой отрасли торговли наиболѣе требующей спеціальныхъ и техническихъ свѣдѣній. Такъ, напримѣръ, укажемъ на одинъ фактъ замѣченный нами еще въ 1859 г. въ Ярославской губ. По выпускѣ низкопробной серебряной монеты, нашлись въ деревняхъ люди, которые повѣрили слухамъ, что старая полнопробная монета будетъ вскорѣ объявлена правительствомъ изъятою изъ обращенія, и нашлись крестьяне сбывавшіе эту монету съ уступкою даже *противъ нарицательной цѣны* ея на кредитные билеты, то-есть дешевле новой низкопробной монеты.

[2] Торговля деньгами не только не пользовалась общимъ покровительствомъ закона, но даже бывала предметомъ противузаконныхъ стѣсненій и преслѣдованій; такъ, напримѣръ, извѣстны случаи, въ которыхъ мѣняльныя лавки были закрываемы по произволу мѣстныхъ властей, безъ всякаго законнаго основанія.

Министерство Финансов СССР № 1 НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

БИБЛИОТЕКА Финансовой академии Министерства Финансов СССР Инв. № 7704

92364.

отъ лажа требованія звонкой монеты за границу для покрытія иностранныхъ долговъ, частныхъ и государственныхъ, или для приплаты за ввозъ иностранныхъ товаровъ [1].

Несмотря однако на всѣ колебанія, быструю измѣнчивость, мѣстное разнообразіе и многочисленныя случайныя исключенія, цѣны на звонкую монету, по отношенію къ кредитнымъ билетамъ, въ общей сложности возрастали, и въ 1862 г. лажъ достигъ того общаго уровня, который мы приблизительно приняли въ 14—15%. Случайныя мѣстныя и временныя причины, коммерческій обманъ и коммерческая неразвитость публики могутъ производить только мѣстныя и временныя измѣненія въ цѣнахъ на товаръ; въ общемъ же своемъ движеніи онѣ подчиняются общимъ причинамъ. То же самое было и относительно цѣнъ на звонкую монету или лажъ; онъ былъ созданъ одною общею причиною, которой дѣйствіе могло только видоизмѣняться отъ обстоятельствъ мѣста и времени, но въ общемъ своемъ направленіи лажъ не зависитъ ни отъ какихъ обстоятельствъ. На эту общую причину мы уже отчасти указали; въ послѣдствіи мы разсмотримъ ее поближе.

Теперь, по необходимости, возникаетъ вопросъ: *какія же были эти сдѣлки*, въ которыхъ существовали вольныя цѣны на звонкую монету, когда цѣна ея была опредѣлена закономъ? Сдѣлки эти неисчислимы и самыхъ разнообразныхъ видовъ.

Вопервыхъ, звонкая монета передается изъ рукъ въ руки, какъ орудіе расплаты, по всѣмъ вообще коммерческимъ сдѣлкамъ, не имѣвшимъ спеціяльной цѣли пріобрѣтенія именно звонкой монеты, и по всѣмъ вообще платежамъ, условленнымъ и исчисленнымъ на деньги, безъ опредѣленія вида денегъ. Во всѣхъ этихъ сдѣлкахъ и платежахъ, составляющихъ собственно денежное обращеніе, звонкая монета являлась лишь случайнымъ образомъ. Какъ способъ расплаты, какъ деньги или монета, она была вытѣснена изъ обращенія кредитными билетами, которые и сдѣлались у насъ монетою исключительно употребительною. Денежною единицею сталъ идеальный такъ-называемый серебряный рубль въ кредитныхъ билетахъ, который принимался

---

[1] Объ этомъ будетъ ниже.

за дѣйствительный серебряный рубль по всѣмъ платежамъ въ казну и которымъ выгоднѣе было чѣмъ звонкою монетою производить всѣ платежи также и между частными лицами. Когда звонкая монета случайнымъ образомъ переходила изъ рукъ въ руки въ качествѣ денегъ, она большею частію цѣнилась выше нарицательной своей цѣны, то-есть, имѣла курсъ, хотя могли быть, и дѣйствительно бывали, случаи отдачи звонкой монеты по узаконенной цѣнѣ. Но обращеніе ея въ качествѣ денегъ было вообще, какъ всѣмъ извѣстно, слишкомъ ничтожно. Невозможность открытаго публичнаго лажа на звонкую монету, преслѣдуемаго закономъ, препятствовала ея публичному обращенію. Сверхъ того, лажъ, по своей измѣнчивости, при отсутствіи публичныхъ курсовъ на золото и серебро, дѣлалъ звонкую монету весьма неудобною для денежнаго обращенія. Невозможно было въ каждомъ случаѣ купли и продажи условливаться, кромѣ цѣны товара, еще о цѣнѣ денегъ, въ особенности въ розничной торговлѣ, составляющей главную артерію публичнаго денежнаго обращенія. Потому звонкая монета, какъ способъ платежей, служила преимущественно и почти исключительно въ сдѣлкахъ по оптовой торговлѣ, вообще во всѣхъ тѣхъ случаяхъ денежныхъ разчетовъ, крупныхъ и домашнихъ (то-есть не въ открытыхъ лавкахъ и заведеніяхъ), когда можно и удобно было заключить особое условіе о цѣнѣ звонкой монеты сравнительно съ кредитными билетами. Звонкая монета получила у насъ такимъ образомъ характеръ *товара*, то-есть, цѣнности измѣняющейся по отношенію къ постоянной опредѣленной закономъ цѣнности *денегъ*, единицею которыхъ служили кредитные билеты. На нарицательную цѣну послѣднихъ и исчислялись цѣны всѣхъ безъ изъятія предметовъ, всѣ коммерческія операціи, всѣ имущества и всѣ платежи обезпеченные силою закона. Это обстоятельство превращенія звонкой монеты въ *товаръ* имѣетъ первостепенную важность. Что звонкая монета была у насъ товаромъ. это не есть только логическій выводъ изъ всего предыдущаго, но понятіе весьма у насъ распространенное. Практическіе люди неоднократно высказывали намъ, что звонкая монета была у насъ товаромъ, и даже съ похвалою выставляли это явленіе, какъ бы созидающее новую отрасль торговли и народнаго богатства.

Какъ только возникли колебанія въ цѣнѣ звонкой монеты, какъ только она сдѣлалась товаромъ, она уже могла служить самостоятельнымъ предметомъ коммерческихъ сдѣлокъ, и потому:

Во-вторыхъ, вольныя цѣны на звонкую монету появлялись въ сдѣлкахъ нарочно расчитанныхъ и заключенныхъ для *пріобрѣтенія собственно звонкой монеты* какъ товара. Такихъ сдѣлокъ было у насъ много, не говоря уже о покупкахъ и продажахъ монеты въ мѣняльныхъ лавкахъ. Всѣ полученныя нами свѣдѣнія о такихъ сдѣлкахъ и прямыя показанія лицъ, въ нихъ участвовавшихъ, свидѣтельствуютъ, что операціи по пріобрѣтенію и продажѣ звонкой монеты были у насъ чрезвычайно распространены, гораздо болѣе чѣмъ даже можно было предполагать, и что въ нихъ участвовало множество лицъ, независимо отъ своихъ обычныхъ промысловъ и занятій. „Кто не искалъ золота и серебра?“ говорили намъ повсюду, гдѣ ни приходилось намъ касаться этого предмета. Въ производствѣ такихъ операцій намъ часто сознавались люди, которые, казалось были совершенно имъ чужды по роду своихъ занятій. Лица, стоявшія внѣ всякихъ коммерческихъ дѣлъ, старались воспользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы пріобрѣсти звонкую монету, и потомъ выгадать что-нибудь на ея цѣнѣ. Можно даже сказать, что люди посвятившіе себя обширнымъ коммерческимъ оборотамъ, то-есть товарнымъ, такъ-называемые первостатейные купцы и негоціянты (но не банкиры [1]), еще менѣе прочихъ занимались этимъ промысломъ. При тѣхъ чрезвычайныхъ колебаніяхъ и измѣнчивости цѣнъ, о которыхъ мы говорили выше, риски по сдѣлкамъ на звонкую монету были весьма велики для людей не занимавшихся спеціяльно этою торговлею, а случайно въ нее вовлеченныхъ. Между многими извѣстными намъ случаями мы укажемъ на одинъ примѣръ: одинъ гуртовой купецъ получилъ въ 1857 г. отъ своего покупателя въ Войскѣ Донскомъ полуимперіалы, въ платежѣ за товаръ, по 5 р. 35 к., и былъ очень доволенъ, что выторговалъ ихъ за эту цѣну, ибо полуимперіалы пріобрѣтались въ то время уже

---

[1] Банкиры были, кажется, весьма не чужды этимъ операціямъ.

выше этой цѣны; послѣ того онъ долженъ былъ переѣхать по своимъ дѣламъ въ другую мѣстность, гдѣ полуимперіялы понизились до 5 р. 25 к., и вынужденный сдѣлать уплату, онъ, не имѣя другой наличности, долженъ былъ спустить свои полуимперіялы по 5 р. 25 к. Но какъ цѣны на звонкую монету, въ общемъ своемъ движеніи, стремились къ повышенію, то всякій, кто не занимался спеціяльно спекуляціями на звонкую монету, былъ болѣе расположенъ къ пріобрѣтенію и *сбереженію* звонкой монеты нежели къ операціямъ на нее; копленіе звонкой монеты казалось дѣломъ самымъ вѣрнымъ и выгоднымъ для людей не посвященныхъ въ таинства этого товара. „Кто не придерживалъ у себя звонкой монеты?“ говорили намъ также повсемѣстно. Это придерживаніе, хотя бы оно происходило и въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ по отношенію къ цѣлой массѣ народонаселенія, можетъ составить весьма значительную сумму, отвлеченную отъ публичнаго обращенія. Сбереженіемъ и накапливаніемъ звонкой монеты занимались люди всѣхъ классовъ общества: крестьяне, купцы, помѣщики, чиновники и пр. Но точно также личныя обстоятельства заставляли каждаго весьма часто истрачивать эти сбереженія, и этимъ пользовалась *спекуляція*.

Теперь переходимъ къ послѣдней категоріи сдѣлокъ на звонкую монету. Чрезвычайныя колебанія и разнообразіе цѣнъ на звонкую монету породили цѣлый рядъ уже не случайныхъ, а *систематическихъ* спекулаціонныхъ операцій на этотъ товаръ, и потому:

Втретьихъ, вольныя цѣны на звонкую монету оказывались не только въ случайной, но и въ системистической спекуляціи.

Главнымъ центромъ этой систематической спекуляціи была Москва, а пространствомъ ея операцій была едва ли не вся Россія. Спекуляція успѣла, въ послѣднія шесть лѣтъ, организоваться весьма правильно, на подобіе другихъ отраслей торговли, и представляетъ собою цѣлый механизмъ особаго рода. Здѣсь, также какъ и въ другихъ отрасляхъ промышленности и торговли, было раздѣленіе труда и цѣлый рядъ операцій, начиная отъ самаго производства то-

вара до коммиссіоннаго оптоваго и банкирскаго торга. Въ общихъ чертахъ, этотъ механизмъ торга звонкою монетою таковъ, московскіе торговцы (большею частію серебряники) скупаютъ звонкую монету изнутри Россіи чрезъ мѣстныхъ торговцевъ, большею частію мѣнялъ и столешниковъ. Эти послѣдніе скупаютъ товаръ у публики, частію прямо въ своихъ постоянныхъ и временныхъ (ярмарочныхъ) лавкахъ, за своими столами въ городахъ и мѣстечкахъ, частію чрезъ множество мелкихъ агентовъ (въ Украйнѣ и Западной Россіи большею частію чрезъ Евреевъ), которые уже лично обходятъ всѣ сельскія захолустья, высматриваютъ монету, обшариваютъ и обметаютъ всѣ углы. Вотъ эти-то послѣдніе скупщики ищутъ преимущественно *случайныхъ* продавцовъ металла, и связываютъ систематическій торгъ звонкою монетою со второю описанною нами категоріею случайныхъ сдѣлокъ; они-то, въ особенности, пользуются исключительными обстоятельствами людей имѣющихъ мелкія сбереженія и вынуждаемыхъ сбывать ихъ, и они-то, при своемъ безпрестанномъ личномъ обращеніи со всѣми классами народа и преимущественно съ низшими, стараются изо всѣхъ силъ *сбивать* цѣны, и не упускаютъ ни одного *исключительнаго* случая къ пріобрѣтенію товара. Довольствуясь весьма ничтожнымъ *нормальнымъ* вознагражденіемъ за свои услуги отъ гуртовщиковъ, на которыхъ ставятъ товаръ, и ловко захватывая всякую случайную добычу съ исключительными барышами, разсѣянную по безчисленнымъ уголкамъ Россіи, они служатъ для механизма систематической спекуляціи тѣмъ всасывающимъ снарядомъ, который собираетъ мелкія, ничтожныя накопленія металла въ ручьи, рѣки и массы, текущія къ главнымъ внутреннимъ и внѣшнимъ центрамъ торга, къ Москвѣ, къ портамъ, къ нашимъ азіятскимъ и европейскимъ границамъ. Отчасти выполняютъ эту роль и мѣнялы и столешники, пользуясь тѣмъ что̀ проходитъ мимо ихъ лавокъ и столовъ; но они не обладаютъ тою подвижностью и не имѣютъ въ своемъ распоряженіи тѣхъ приманокъ и орудій для выметанія звонкой монеты изъ всѣхъ угловъ, какими располагаютъ мелкіе бродячіе торгаши. Въ рукахъ этихъ послѣднихъ есть безчисленное множество такихъ орудій; они

обращаются, напримѣръ, къ сельскимъ ростовщикамъ изъ крестьянъ, или сами получаютъ звонкую монету чрезъ обмѣнъ на разныя прихотливыя крестьянскія вещицы, чрезъ выдачу въ кредитъ хлѣба (такъ дѣйствуютъ Евреи въ западной и южной Россіи) и проч. Всѣмъ торгомъ на мѣстахъ распоряжаются у московскихъ гуртовщиковъ и оптовыхъ спекулянтовъ особые прикащики, настоящіе знатоки у насъ этого дѣла; они назначаются по одному на цѣлый коммерческій районъ (напримѣръ, одинъ на Украйну, другой на западную Россію), разъѣзжаютъ по ярмаркамъ, слѣдятъ за дѣйствіями мелочныхъ торговцевъ; иногда сами лично закупаютъ товаръ, собираютъ его отъ своихъ агентовъ, пересылаютъ и перевозятъ въ Москву, и ведутъ дѣятельную коммерческую переписку, чрезъ почту и телеграфы, съ своими довѣрителями и агентами. Въ Москвѣ товаръ собирается уже въ нѣсколькихъ рукахъ, сортируется, оцѣнивается и распредѣляется, согласно своему назначенію, и даже въ Москвѣ (какъ и въ Петербургѣ) прежде чѣмъ идти по своему окончательному назначенію, едва ли не проходитъ еще чрезъ одну инстанцію, то-есть, сосредоточивается еще въ меньшемъ количествѣ рукъ, занимающихся уже самыми крупными операціями на монету при высшихъ финансовыхъ соображеніяхъ по употребленію собранныхъ запасовъ, движенію и переводу монеты на разные коммерческіе центры, уже не одной Россіи, а Европы и Азіи. Къ сожалѣнію, эти высшія и международныя денежныя операціи извѣстны намъ только въ общихъ чертахъ, и не могли быть также тщательно изучены нами изъ *первыхъ источниковъ*, какъ внутренніе обороты. Въ числѣ операторовъ по торговлѣ звонкою монетою важное мѣсто занимаютъ, какъ можно предполагать по всѣмъ дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, *переплавщики* звонкой монеты. Этотъ промыселъ былъ весьма выгоденъ и не былъ сопряженъ ни съ какимъ коммерческимъ рискомъ, подобно прочимъ вѣтвямъ торга звонкою монетою. Переплавщики брали свои вѣрные проценты за переплавъ (отъ 2% до 4%); у нихъ запасались благородными металлами серебряники, исключая однако первостепенныхъ нашихъ мастеровъ, каковы Сазиковъ и Губкинъ, которые закупали матеріялъ за границей. Кромѣ переплава, при-

нявшаго у насъ, какъ кажется, въ послѣдніе года огромные размѣры, звонкая монета собиралась въ Москвѣ для продажи купцамъ торгующимъ съ Азіей, преимущественно кяхтинскимъ, и для отправленія за границу.

Размѣры всего описываемаго нами торга звонкою монетою были весьма обширны. Чтобы судить о величинѣ капиталовъ, дѣйствовавшихъ здѣсь, и запасовъ звонкой монеты, высасываемой спекуляціею изъ внутренности Россіи, достаточно сказать, что одинъ изъ главныхъ московскихъ домовъ закупалъ въ послѣднія шесть лѣтъ въ Украйнѣ ежегодно до 400.000 [1] золота и серебра, а всего въ шесть лѣтъ закупилъ до 2½ милліоновъ.

Эта цифра, достовѣрно намъ извѣстная, еще не позволяетъ опредѣлить, даже приблизительно, все то количество звонкой монеты, которое ежегодно закупалось спекуляціей; но она даетъ нѣкоторое понятіе о размѣрахъ этихъ операцій. Замѣчательно, что эти операціи, какъ намъ положительно извѣстно, производились только въ теченіи послѣднихъ шести лѣтъ, то-есть, съ 1856 г., а до этого времени ими никто не занимался, ибо звонкая монета была, какъ намъ объясняли, *въ изобиліи*. Въ Южной Россіи, кромѣ русской монеты, обращалось даже много иностранной. Это обстоятельство служитъ для насъ положительнымъ доказательствомъ, что до 1856—57 г. звонкая монета не могла быть предметомъ спекуляціи, то-есть, что на нее не было постояннаго лажа, что она обращалась *наравнѣ съ бумажною монетою*, и потому *не была товаромъ*.

Каждая категорія торговцевъ, на описанной нами лѣстницѣ, разумѣется пользовалась извѣстнымъ барышомъ на свой товаръ, то-есть, покупала его дешевле чѣмъ продавала, и лажъ на звонкую монету росъ, переходя изъ рукъ въ руки, съ низшей ступени на высшую, отъ мелкихъ скупщиковъ до первостатейныхъ негоціянтовъ. Такъ первыя гуртовыя (московскія) руки покупали, въ апрѣлѣ 1862

---

[1] Вотъ приблизительно въ какой постепенности слѣдуютъ украинскія ярмарки по количеству звонкой монеты свозившейся съ нихъ въ Москву: главное мѣсто занимаетъ Ильинская (въ Полтавѣ), потомъ Крещенская въ (Харьковѣ): за ними слѣдуютъ: Успенская, Кролевецкая, Вознесенская, Маслянская, Покровская, Елисаветградская, Введенская и Коренная.

года (и именно на Елисаветградской ярмаркѣ, въ Екатеринославской губерніи), полуимперіалы и цѣлковые по 112½ (то-есть 112½ k. кредитныхъ билетовъ на 100 k. звонкой монеты, по нарицательной цѣнѣ тѣхъ и другихъ), и продавали, преимущественно для Кяхты, за 114. Лица, которыя продавали эту звонкую монету гуртовщикамъ, разумѣется должны были заплатить за нее дешевле 112½, и такимъ образомъ первоначальные владѣльцы должны были продать, вѣроятно, не свыше 110. Изъ этого видно, что на каждой ступени операцій по торговлѣ деньгами, цѣна звонкой монеты была различная, начиная отъ первоначальныхъ производителей металлическихъ запасовъ, то-есть сберегателей и копителей мелкихъ суммъ въ массѣ народонаселенія, и постепенно возрастая до торговцевъ, продающихъ ее потребителямъ. Въ привсденномъ случаѣ, потребители были кяхтинскіе купцы, покупающіе звонкую монету въ большихъ массахъ; но запасы звонкой монеты могли переходить къ потребителямъ и малыми количествами, то-есть, снова раздробляясь и нисходя къ потребителямъ опять чрезъ мѣняльныя лавки и столешниковъ (какъ это и дѣлалось въ Москвѣ, гдѣ гуртовщики имѣютъ лавки и для раздробительной продажи [1]). Здѣсь судьба звонкой монеты была та же, какъ и всякаго другаго товара: цѣны ея росли отъ первоначальныхъ производителей, то-есть, сберегателей и копителей мелкихъ запасовъ звонкой монеты, до торговцевъ передающихъ товаръ непосредственно въ руки потребителей. На каждой ступени, цѣны увеличивались добавочнымъ процентомъ или вознаграж-

---

[1] Мѣнялы и столешники принимаютъ и отпускаютъ монету въ одно и то же время по разнымъ цѣнамъ, смотря потому у кого, кому и въ какихъ количествахъ они покупаютъ и продаютъ, то-есть смотря потому съ какою категоріею участниковъ торга они имѣютъ дѣло: съ производителями, торговцами того или другаго разряда, или потребителями. Извѣстно, что всего дешевле покупаютъ они у людей пришедшихъ съ одною или нѣсколькими монетами, залежавшимися почему-нибудь въ ихъ карманѣ, и не имѣющихъ понятія о торговлѣ деньгами (эти-то люди именно и есть производители по этой статьѣ), и всего дороже продаютъ они людямъ, которымъ понадобилась звонкая монета въ небольшомъ количествѣ для личнаго употребленія или израсходованія. Но мѣнялы и столешники имѣютъ дѣло и съ продавцами, и съ покупщиками монеты иного рода; для нихъ и цѣны другія.

деніемъ за услугу каждаго участника торга, вознагражденіемъ за трудъ (собиранія, распредѣленія, сортировки, оцѣнки, перевозки и т. д.), за рискъ и за проценты на капиталъ затраченный въ операціи. Дѣйствительно, самая большая разница въ цѣнѣ звонкой монеты оказывается въ тѣхъ цѣнахъ, по которымъ покупаютъ у публики и продаютъ публикѣ мѣнялы и столешники, и у ихъ прилавка встрѣчаются двѣ крайнія оконечности всего торга: закупъ товара у первоначальныхъ производителей и продажа потребителямъ [1]. По этому нѣтъ ничего удивительнаго, что столешники принимаютъ напримѣръ полуимперіалъ въ 5.40 р. и тутъ же его отпускаютъ въ 5.60 и даже 5.70; они должны брать въ свою пользу эту разницу, непонятную, по своей величинѣ, только для людей вообще не понимающихъ механизма торговли и образованія цѣнъ на товары.

Когда мы говорили о цѣнахъ на звонкую монету [1], то мы брали цѣны, по которымъ она обходилась потребителямъ или публикѣ, и по которымъ можетъ получить ее каждый желающій. Обстоятельства этого не слѣдуетъ упускать изъ виду при сужденіяхъ о нашемъ денежномъ обращеніи, какъ мы впрочемъ уже говорили выше и что̀ яснѣе увидимъ ниже.

Теперь спрашивается: спекуляція, пользовавшаяся колебаніями цѣнъ на звонкую монету, имѣла ли сама на нихъ вліяніе? Разумѣется имѣла, но никакъ не въ томъ объемѣ, какъ это могутъ думать люди разсуждающіе объ экономическихъ явленіяхъ только по самымъ наружнымъ ихъ признакамъ. Напримѣръ, въ Украйнѣ, постоянно говорилось про одного значительнаго торговца звонкою монетою, что онъ *ставитъ цѣны на золото и серебро*. Но гораздо болѣе эконо-

---

[1] Соединеніе гуртовой и розничной продажи въ однѣхъ рукахъ встрѣчается у насъ во всѣхъ отрасляхъ торговли.

[2] Когда говорится о цѣнѣ звонкой монеты, то слѣдуетъ разумѣть собственно золотую и крупную ссребряную монету, т. е. цѣлковые и отчасти полтинники, которые большею частію шли также какъ и цѣлковые. Четвертаки цѣнились всегда нѣсколько ниже. А двугривенные. пятіалтынные и гривенники цѣнились скорѣе какъ мелочь, какъ размѣнная монета, нежели какъ монета въ настоящемъ смыслѣ слова. Доказательствомъ этому служитъ то, что мелкая монета, если и пользуется лажемъ, то безъ всякаго различія полнопробной отъ низкопробной монеты. Этотъ лажъ есть собственно плата за *промѣнъ* одного сорта денегъ на другой; онъ существуетъ вездѣ и всегда, независимо отъ лажа на монету.

мическаго смысла скрывается въ извѣстномъ народномъ изреченіи: *Богъ строитъ цѣны.* Такъ и съ цѣнами на нашъ товаръ. Онѣ зависѣли отъ непреложной силы вещей, отъ раскрытія естественнаго экономическаго закона въ условіяхъ нашего денежнаго обращенія, которое можно было потрясти насильственнымъ курсомъ бумажныхъ денегъ, но безусловно подчинить этому курсу было невозможно. Прекращеніе размѣна и узаконенный курсъ кредитныхъ билетовъ создали вольный курсъ звонкой монеты и лажъ на нее въ сравненіи съ кредитными билетами Этимъ мы, впрочемъ, нисколько не отрицаемъ мѣстнаго и временнаго вліянія на цѣны; наша торговля звонкою монетою именно была такою, въ которой всего легче могли возникать временныя и мѣстныя монополіи, самовластное распоряженіе цѣнами и вообще такъ-называемое *кулачество.* Всѣ тѣ коммерческія явленія, которыми сопровождается неправильное развитіе торговли, замѣчаются у насъ по всѣмъ ея отраслямъ; здѣсь же они находили особенно благопріятныя для себя условія. Но не должно забывать и выгодныхъ для народнаго хозяйства послѣдствій спекуляціи. Всякая спекуляція, и въ особенности спекуляція обширная, дѣйствующая большими капиталами, усиливала конкурренцію скупщиковъ, парализировала владычество мѣстныхъ торгашей и обмана въ средѣ массы непосвященной въ тайны дѣла, и наконецъ содѣйствовала образованію до нѣкоторой степени *ходячихъ*, открытыхъ цѣнъ и курса звонкой монеты, весьма важнаго условія правильности всякой торговли. Корень зла собственно былъ не въ спекуляціи, а въ сущности самаго дѣла, ее породившаго.

Таково было въ общихъ чертахъ положеніе вещей застигнутое указомъ 25 апрѣля объ открытіи размѣна въ государственномъ банкѣ: состояніе и движеніе цѣнъ звонкой монеты, то-есть, отношеніе дѣйствительныхъ, вольныхъ ея цѣнъ къ узаконенной цѣнѣ или денежной единицѣ, выраженной въ кредитныхъ билетахъ, и таково съ тѣмъ вмѣстѣ было развитіе торговли деньгами. Мы нарочно дали такъ много мѣста этой части нашего изложенія, ибо тѣмъ яснѣе и короче можетъ быть отвѣтъ на первоначально поставленный нами вопросъ, къ которому мы теперь и возвращаемся:

kakія послѣдствія имѣло въ нашемъ денежномъ обращеніи открытіе размѣна 1-го мая 1862 г.?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ могъ бы быть легко *выведенъ*, на основаніи общихъ экономическихъ началъ, изъ самыхъ обстоятельствъ предшествовавшихъ размѣну и теперь намъ извѣстныхъ; но для насъ нѣтъ надобности прибѣгать къ такимъ чисто теоретическимъ способамъ изслѣдованія вопроса, ибо мы именно застигли обстоятельства цѣнъ и торга звонкой монеты внутри Россіи по открытіи размѣна и были самоличными наблюдателями этихъ явленій. Поэтому, оставляя пока въ сторонѣ общія начала, постараемся прослѣдить дѣйствіе размѣна въ самихъ явленіяхъ, послѣдовавшихъ за нимъ въ нашемъ денежномъ обращеніи, имѣя преимущественно въ виду двѣ его стороны, нами достаточно описанныя: *цѣны на звонкую монету сравнительно съ кредитными билетами* и *спекуляцію на эти цѣны*.

Прежде всего замѣтимъ, что самое *объявленіе курса* звонкой монеты, при размѣнѣ ея въ государственномъ банкѣ на кредитные билеты, *выше ея нарицательной цѣны* сравнительно съ нарицательною цѣною кредитныхъ билетовъ, вовсе не было, какъ это очевидно изъ всего вышесказаннаго, какою-либо новостью въ нашемъ денежномъ обращеніи; это было публичнымъ заявленіемъ и признаніемъ *факта давно существовавшаго* (именно въ теченіи шести лѣтъ). Если мы считаемъ нужнымъ упомянуть здѣсь объ этомъ, то только въ виду нѣкоторыхъ толковъ въ нашей публикѣ, что означенная мѣра правительства *создала курсъ*, *или лажъ звонкой монеты*, дотолѣ будто бы не существовавшій. Все положеніе вещей до открытія размѣна доказываетъ совершенную неосновательность этого мнѣнія. Итакъ, въ открытіи размѣна чрезъ государственный банкъ, самый курсъ звонкой монеты выше нарицательной ея цѣны, въ сравненіи съ кредитными билетами, не заключалъ въ себѣ *ничего новаго*. Новое заключалось въ другихъ обстоятельствахъ этой мѣры; потому на нихъ мы и обратимъ особенное вниманіе, чтобы разобрать послѣдствія самой мѣры.

Вопервыхъ, курсъ звонкой монеты ($110^1/_2$) въ размѣнѣ государственнаго банка былъ ниже существовавшихъ до размѣна вольныхъ курсовъ, какъ мы старались доказать

это выше. Разница курса государственнаго банка и вольныхъ цѣнъ звонкой монеты на кредитные билеты была даже, какъ мы это видѣли, довольно значительная, и именно $3^1/_2{}^0/_0$—$4^1/_2{}^0/_0$.

Здѣсь мы обратимъ вниманіе на одно особенное обстоятельство. Почему многимъ могло казаться, что курсъ объявленный для размѣна въ государственномъ банкѣ—выше существовавшихъ вольныхъ курсовъ, что онъ, какъ говорили, *слишкомъ высокъ*?

По свѣдѣніямъ полученнымъ нами изъ разныхъ мѣстъ, и въ томъ числѣ изъ Одессы, видно, что вслѣдъ за изданіемъ указа 14 апрѣля 1862 г. [1], возвѣстившаго открытіе размѣна, распространился слухъ, что размѣнъ будетъ открытъ по весьма низкому курсу и даже по нарицательной цѣнѣ звонкой монеты а кредитныхъ билетовъ. Цѣны на звонкую монету быстро упали, а потомъ, вслѣдъ за указомъ 25 апрѣля, опять быстро поднялись, но уже не до прежняго своего курса 114—115 (цифра принятая нами за общій уровень курсовъ до размѣна), а до $110^1/_2$.

Вслѣдствіе этого временнаго пониженія цѣнъ, онѣ дѣйствительно, въ моментъ обнародованія указа 25-го апрѣля, были нѣсколько ниже курса государственнаго банка; дѣйствительно, мы знаемъ, что на нѣкоторыхъ биржахъ курсъ полуимперіала стоялъ въ то время 560 [2], и думаемъ, что такъ могло быть на всѣхъ биржахъ. Слухи объ этой мѣрѣ подѣйствовали на цѣны сильнѣе чѣмъ самое исполненіе ея. Поэтому, послѣдствія размѣна начались собственно до его открытія. Но пониженіе курса до размѣна было не болѣе какъ одно изъ тѣхъ колебаній его, какихъ, какъ мы уже видѣли, было чрезвычайно много въ теченіи всего періода прекращенія размѣна: существенны однако не самыя колебанія курсовъ, а ихъ общее движеніе, ихъ *наклонность* къ повышенію или пониженію, могущая проявляться посреди самыхъ разнообразныхъ колебаній. Время предшествовавшее изданію указа 25 апрѣля и непосредственно слѣдовавшее за его обнародованіемъ есть

---

[1] Указъ о заключеніи займа.

[2] Такъ на С.-Петербургской биржѣ, гдѣ вообще курсы были, сколько намъ извѣстно, во весь періодъ лажа, ниже курсовъ другихъ биржъ.

эпоха самыхъ быстрыхъ и многочисленныхъ колебаній въ исторіи нашихъ курсовъ, вслѣдствіе самыхъ разнорѣчивыхъ слуховъ и толковъ объ ожидаемыхъ мѣрахъ правительства по денежной системѣ [1].

Изъ раскрытаго нами обстоятельства видно, что понятіе *о слишкомъ высокомъ курсѣ*, съ котораго будто бы начатъ размѣнъ 1-го мая, то-есть высокомъ сравнительно съ преобладавшими вольными курсами, можетъ быть сколько-нибудь оправдано только сравненіемъ курса государственнаго банка съ курсами, непосредственно предшествовавшими размѣну. Но возможно ли брать эти курсы за основаніе сужденій объ относительной высотѣ курса государственнаго банка?

Эти временно низкіе курсы не могутъ служить основаніемъ для подобныхъ сужденій, не только потому что они представляли мгновенное колебаніе посреди неуклоннаго возрастанія цѣнъ въ теченіи шести лѣтъ, но еще болѣе потому что это пониженіе цѣнъ было вызвано ожиданіемъ размѣна, и никоимъ образомъ не можетъ дать понятія о томъ каковы были бы курсы безъ этого событія.

Вопросъ объ относительной высотѣ курса, съ котораго былъ начатъ размѣнъ, имѣетъ значеніе не въ одномъ только интересѣ опроверженія мнѣнія, въ то время господствовавшаго, что слабое востребованіе звонкой монеты изъ государственнаго банка происходитъ единственно отъ слишкомъ высокаго курса размѣна. Вопросъ этотъ имѣетъ иное значеніе, болѣе важное чѣмъ интересъ минуты, теперь уже прошедшей. Отъ вопроса объ относительной высотѣ курса, съ котораго былъ начатъ размѣнъ, то-есть $110^1/_2$, значительно зависитъ, какъ мы увидимъ ниже, оцѣнка дальнѣйшихъ послѣдствій размѣна и тотъ или другой взглядъ на всю эту мѣру и ея будущность.

---

[1] Замѣчаются опять и явленія совершенно противуположныя показаннымъ выше. Въ нѣкоторыхъ глухихъ коммерческихъ мѣстахъ распространились, съ изданіемъ указа 25 апрѣля, слухи, что правительство намѣрено объявить государственное банкротство. Мы знаемъ, что вслѣдствіе подобныхъ смутныхъ слуховъ лажъ на звонкую монету въ нѣкоторыхъ мѣстахъ возросъ непомѣрно и потомъ съ открытіемъ размѣна упалъ. Говоря о цѣнахъ на звонкую монету, мы имѣемъ въ виду главные наши рынки, которые при томъ, въ общихъ результатахъ движенія цѣнъ, все-таки подчиняютъ себѣ глухія мѣста, какъ и было въ настоящемъ случаѣ.

Теперь уже для всѣхъ очевидное, послѣдствіе открытія размѣна есть то, что *вольныя цѣны на звонкую монету подчинились* курсу государственнаго банка. *Какъ до открытія размѣна вольные курсы звонкой монеты постепенно возрастали, такъ съ открытіемъ размѣна они постепенно стали упадать.* Фактъ этотъ достаточно всѣмъ извѣстенъ, но извѣстенъ онъ лишь въ своей общности, а не въ разныхъ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ его, и, по нашему мнѣнію, довольно важныхъ, чтобы судить о вліяніи принятой мѣры и ея значеніи.

Собранными нами на мѣстахъ свѣдѣніями не изчерпывается, конечно, все движеніе цѣнъ на звонкую монету; однако мы полагаемъ, что въ нихъ заключается достаточно указаній на нѣкоторыя весьма существенныя свойства этого движенія, и мы извлечемъ изъ нихъ особенно характеристическія данныя.

По открытіи размѣна, первый денежный рынокъ [1], который мы видѣли, была [2] Коренная ярмарка, съ 8 по 15 іюля. Здѣсь, за мѣняльными столиками [3], стояли слѣдующія цѣны звонкой монеты на кредитные билеты:

Продавался (публикѣ)	полуимперіалъ	5 р. 70	к.
— — —	цѣлковый. .	1 — 10½	—
Покупался (у публикѣ)	полуимперіалъ	5 — 50	—
— — —	цѣлковый. .	1 — 9	— [4]

[1] Наблюденія въ мѣстахъ, гдѣ, что̀ называется, нѣтъ никакихъ цѣнъ на звонкую монету, то-есть гдѣ только *случайныя* цѣны не могутъ служить ни для какихъ общихъ соображеній.

[2] Ярмарка эта для денежнаго обращенія представляетъ интересъ той связи, которая здѣсь существуетъ между украинскими торгами и великороссійскими.

[3] Мы будемъ вездѣ приводить цѣны мѣнялъ и столешниковъ, какъ единственныя у насъ публичныя, или сколько-нибудь *ходячія* цѣны. Но эти цѣны — не настоящія ходячія, ибо разнятся почти въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Эти торговцы пользуются въ каждомъ случаѣ личными обстоятельствами продавца или покупщика, то-есть торгуются, и потому вообще всячески избѣгаютъ сообщать свои открытыя цѣны. Въ особенности торгуются Евреи, и болѣе всего Еврейки. Ничего не можетъ быть труднѣе узнать цѣны столешниковъ. Для этого нѣтъ другаго средства, какъ удостовѣриться въ нихъ собственнымъ опытомъ, что̀ мы и вынуждены были сдѣлать. Все сказанное примѣняется въ особенности къ *покупнымъ* цѣнамъ.

[4] Показанная здѣсь разница въ цѣнѣ золота и серебра встрѣчается у насъ очень часто, и большею частію въ пользу серебра, которое вообще цѣнится у насъ дороже золота. Этотъ постоянный лажъ на серебряную

Къ концу ярмарки [1], вслѣдствіе слабаго требованія на звонкую монету, цѣны быстро понизились, и потомъ, въ послѣдній день, снова поднялись до прежняго уровня. Это послѣднее возвышеніе, намъ кажется, произошло вслѣдствіе быстраго сбыта на ярмаркѣ, по пониженнымъ цѣнамъ, всѣхъ наличныхъ, весьма необширныхъ, запасовъ.

Мѣсяцъ спустя послѣ Троицкой ярмарки (въ Харьковѣ), цѣны въ районѣ украинскаго рынка понизились, и въ одномъ изъ коммерческихъ его пунктовъ (Бѣлгородѣ) были:

Продажныя цѣны полуимперіала.	5 р. 45 к.
— — цѣлковаго.	1 — 8 —
Покупныя цѣны полуимперіала.	5 — 40 —
— — цѣлковаго.	1 — 6 —

Къ концу мѣсяца, на Ильинской ярмаркѣ въ Полтавѣ, гдѣ производятся громадные денежные и кредитные обороты, цѣны сильно колебались, но никакъ не поднимались— продажныя выше $110^1/_2$, а покупныя выше 106.

Приближаясь къ 1 августа, цѣны вообще стали быстрѣе понижаться; продажныя доходили до 106, но большею частію были: полуимперіалъ 5 р. 65 к., или 109, и 5 р. 60 к., или 108; цѣлковый — 108 и 109. Покупныя цѣны были чрезвычайно измѣнчивы, въ особенности подъ вліяніемъ Евреевъ, почти исключительныхъ торговцевъ деньгами въ Полтавѣ. Большею частію, покупныя цѣны были къ концу ярмарки (при продажныхъ 108 и 109):

Полуимперіалы	5 р. 50 к.
Цѣлковые	107

На этой ярмаркѣ охотно несли въ отдѣленіе государственнаго банка звонкую монету по курсу 1 августа, то-есть 108, и ея поступило достаточно по векселямъ [2].

монету, сравнительно съ золотою (относительно нарицательной или узаконенной цѣны той и другой), происходитъ какъ отъ бо́льшаго у насъ требованія серебряной монеты для азіятскаго торга чѣмъ золотой, такъ и вообще отъ всемірнаго вздорожанія серебра сравнительно съ золотомъ, противъ отношенія цѣнности одного къ другому, опредѣленнаго закономъ. Вопросъ о лажѣ серебра, сравнительно съ золотомъ, не имѣетъ никакого отношенія къ лажу звонкой монеты, сравнительно съ бумажными деньгами, и потому мы не будемъ усложнять имъ нашего изложенія.

[1] Эта ярмарка идетъ очень горячо и быстро.

[2] Въ конторахъ государственнаго банка не было открываемо размѣна, но звонкая монета принималась въ платежи по курсамъ перваго наступающаго періода, по распубликованному росписанію.

Въ Харьковѣ, во время Успенской ярмарки, въ половинѣ августа, продажныя цѣны были вообще 108½, покупныя полуимперіалъ—5 р. 52 к. (107), цѣлковые—106.

И здѣсь были платежи въ банкъ звонкою монетою по курсу объявленному для 1 сентября.

Итакъ, согласно съ этими данными, мы можемъ сдѣлать слѣдующія замѣчанія относительно движенія цѣнъ послѣ открытія размѣна.

Пониженіе вольныхъ цѣнъ на звонкую монету идетъ строго параллельно пониженію курсовъ, объявленныхъ государственнымъ банкомъ, становясь ежедневно болѣе ощутительнымъ и рѣшительнымъ съ приведеніемъ въ дѣйствіе обѣщаній правительства. Такимъ образомъ, 1 августа въ движеніи цѣнъ было самымъ рѣшительнымъ моментомъ послѣ первыхъ слуховъ о размѣнѣ. Мы не только видимъ это на самыхъ фактахъ движенія цѣнъ, но мы это знаемъ изъ собственнаго признанія спекулянтовъ и банкировъ, ожидавшихъ съ нетерпѣніемъ телеграммъ изъ Петербурга о дѣйствительномъ выполненіи обѣщанія относительно размѣна по курсу 108, чему многіе не довѣряли.

Съ этимъ общимъ движеніемъ цѣнъ, какъ главнымъ и наиболѣе выдающимся явленіемъ, связаны другія, какъ будто побочныя и случайныя, но тѣмъ не менѣе весьма характеристическія, отличающіяся отъ обыкновеннаго пониженія цѣнъ на всякій другой товаръ.

Пониженіе цѣнъ сопряжено, какъ мы видѣли, съ колебаніями; но эти колебанія, вопервыхъ, гораздо чувствительнѣе въ покупныхъ нежели продажныхъ цѣнахъ на звонкую монету, то-есть, въ цѣнахъ, по которымъ покупаютъ торговцы этого товара, нежели по которымъ они продаютъ.

Вовторыхъ, высшимъ предѣломъ колебаній служатъ безусловно курсы государственнаго банка, отъ которыхъ вольныя цѣны отступаютъ лишь внизъ, но никогда вверхъ; продажныя цѣны почти совпадаютъ съ курсомъ объявленнымъ отъ государственнаго банка на каждый текущій періодъ, и уклоняются отъ него рѣдко, большею частію къ концу періода, когда онѣ понижаются до курса объявленнаго на наступающій періодъ.

Втретьихъ, разница между продажными и покупными цѣнами, гдѣ бываетъ, постоянно уменьшается.

Вникнемъ теперь въ эти явленія, и постараемся отдать себѣ въ нихъ отчетъ.

Простой фактъ паденія вольныхъ продажныхъ цѣнъ на звонкую монету и постепеннаго пониженія ихъ, соотвѣтственно курсамъ государственнаго банка, объяснялся бы весьма просто: такое явленіе сходно съ послѣдствіемъ продажи всякаго товара по цѣнамъ пониженнымъ противъ цѣнъ существовавшихъ на рынкѣ. Никто не станетъ покупать товаръ дороже у одного торговца, когда тотъ же самый товаръ можно купить дешевле у другаго. Однако вліяніе размѣна на цѣны звонкой монеты не ограничивалось единственно такимъ пониженіемъ цѣнъ. Мы уже видѣли, что пониженіе цѣнъ сопровождалось многими явленіями, чуждыми обыкновенному удешевленію какого-нибудь товара. Еслибы вліяніе размѣна ограничивалось удешевленіемъ товара по цѣнамъ пониженнымъ, то между продажными цѣнами на монету и курсами государственнаго банка въ каждомъ данномъ мѣстѣ должна бы быть разница на сумму расхода по перевозкѣ или выпискѣ монеты изъ С.-Петербурга, гдѣ исключительно производится размѣнъ; и на сумму этихъ расходовъ, такъ или иначе опредѣляемыхъ, цѣны на монету въ этомъ мѣстѣ должны были бы стоять выше курсовъ государственнаго банка. Такъ бываетъ со всякимъ другимъ товаромъ въ подобномъ случаѣ, если только этотъ товаръ можетъ быть также легко перевозимъ какъ звонкая монета. Между тѣмъ вездѣ, гдѣ мы наблюдали продажныя цѣны на монету, онѣ не только никогда не стояли выше курсовъ государственнаго банка, но напротивъ того большею частію стояли ниже. Курсы государственнаго банка сдѣлались maximum для вольныхъ курсовъ. Въ то же самое время падали повсемѣстно и покупныя цѣны. Когда мы удивлялись, что есть охотники отдавать мѣняламъ монету за кредитные билеты гораздо дешевле нежели они могутъ отдать ее въ государственномъ банкѣ за тѣ же кредитные билеты, то мѣнялы отвѣчали намъ, „что для этого нужно ѣхать въ Петербургъ, что это чего нибудь да сто́итъ“; когда же мы спрашивали ихъ: „какъ они могутъ продавать монету по такимъ низкимъ цѣнамъ, сравнительно съ прежними цѣнами?“ они отвѣчали: „что́ же будемъ дѣлать, когда по этимъ цѣнамъ вы-

дают̈ъ золото и серебро въ государственномъ банкѣ?“ Takie отвѣты для всякаго другаго товара были бы безсмысленны и доказывали бы, что торговцы или не понимают̈ъ своего дѣла или были съ нами не искренни. Но тут̈ъ не было ни того, ни другаго; мѣнялы говорили намъ сущую правду. Их̈ъ слова изображают̈ъ настоящую сущность их̈ъ дѣла, которое совершенно отлично от̈ъ всякаго другаго рода торговли. „У нас̈ъ отняли хлѣбъ этимъ размѣномъ,“ говорили они намъ. И дѣйствительно, открытіе размѣна угрожало уничтожить самый промыселъ торговцевъ денегъ, ибо размѣнъ уничтожает̈ъ самый предмет̈ъ этого промысла, то-есть, *значеніе звонкой монеты, какъ товара*. Описывая обстоятельства бывшія до размѣна, мы видѣли, что звонкая монета сдѣлалась товаромъ, и совершенно свыклись съ этимъ понятіемъ *монеты-товара*. Поэтому мы и могли, и должны были сравнить размѣнъ съ предложеніемъ неограниченных̈ъ запасовъ товара по пониженнымъ цѣнамъ; но послѣдствія размѣна оказываются иными нежели послѣдствія простой конкурренціи новых̈ъ запасовъ товара по цѣнамъ пониженнымъ, ибо самый размѣнъ кредитных̈ъ билетовъ на звонкую монету и обратно, есть, по самой своей сущности, не продажа звонкой монеты, а нѣчто совершенно другое. При продажѣ новых̈ъ запасовъ товара по цѣнамъ пониженнымъ, спрос̈ъ на товар̈ъ не только чреӟъ это не ослабѣваетъ, а даже усиливается, ибо чѣмъ дешевле товар̈ъ, тѣмъ сбыт̈ъ его болѣе возрастает̈ъ и рынок̈ъ расширяется. На нашъ же товар̈ъ спрос̈ъ не только не увеличился съ пониженіемъ цѣнъ, но напротивъ того быстро сталъ ослабѣвать и почти вовсе изчезать; въ этомъ-то особомъ обстоятельствѣ и заключается отличіе нашего товара от̈ъ всякаго другаго, и от̈ъ него зависѣли всѣ замѣченныя нами особыя обстоятельства, сопровождавшія пониженіе цѣнъ на него. „Прежде всѣ искали золота и серебра, а теперь когда его стали выдавать, никто о немъ не думает̈ъ,“ говорили намъ повсемѣстно, одни понимая въ чемъ дѣло, другіе вовсе не понимая и пожимая плечами. Этот̈ъ фактъ всеобщій, и он̈ъ былъ очевиденъ для нас̈ъ въ разных̈ъ коммерческих̈ъ случаях̈ъ, которых̈ъ мы были свидѣтелями. Так̈ъ, во всѣх̈ъ гуртовых̈ъ сдѣлках̈ъ, купцы рѣшительно избѣгали получеиій звонкою

монетою, хотя она и была предлагаема имъ по курсу пониженному противъ курса государственнаго банка; на Коренной ярмаркѣ не охотно брали полуимперіалы въ платежъ за товары въ 5 р. 65 к.; на Ильинской отказывались брать ихъ даже въ 5 р. 60 к., не смотря на то что курсъ государственнаго банка былъ въ то время 5 р. 70 к., и сами купцы вносили полуимперіалы въ мѣстное отдѣленіе банка по курсу 5 р. 60 к. Намъ объясняли на наши вопросы, что полученія звонкою монетою не выгодны, что какъ деньги она не удобна, а какъ товаръ ее больше не спрашиваютъ,—что *она перестаетъ быть товаромъ*. Дѣйствительно, намъ повсемѣстно говорили про звонкую монету, что товаромъ она *была* до открытія размѣна. Дѣло въ томъ, что съ удешевленіемъ всякаго товара, сущность его какъ товара, то-есть, какъ предмета удовлетворяющаго какой-либо потребности, не измѣняется, напротивъ того удешевленіе товара влечетъ за собою удовлетвореніе посредствомъ него бо́льшаго количества потребностей, для которыхъ прежде служили другіе, болѣе дешевые товары. Поэтому спросъ на всякій товаръ, съ удешевленіемъ его не только не упадаетъ, а возрастаетъ, и за тѣмъ расширяется рынокъ для продажи товара и коммерческія операціи по пріобрѣтенію и продажѣ. Ничего этого не было съ торгомъ звонкою монетой; ибо съ открытіемъ размѣна, измѣнилась самая сущность *потребности въ ней какъ товара*, обусловливавшая всѣ операціи на монету и все движеніе цѣнъ на нее. Всѣ замѣченныя нами явленія послѣ открытія размѣна не могутъ быть объяснены иначе какъ кореннымъ измѣненіемъ происшедшимъ въ самой этой *потребности*, создававшей спросъ на монету, который постоянно возросталъ до размѣна и внезапно ослабѣлъ и почти исчезъ съ его открытіемъ. А такимъ внезапнымъ паденіемъ спроса объясняются и всѣ особенности сопровождавшія пониженіе цѣнъ на монету.

Въ чемъ же заключалась эта могущественная *потребность*, превратившая въ теченіи шести лѣтъ звонкую монету изъ денегъ, изъ орудія мѣны, въ товаръ, въ предметъ особой отрасли торговли и спекуляціи, и почему эта потребность измѣнилась или лучше стала изчезать въ Россіи послѣ открытія размѣна?

Описывая положеніе вещей до размѣна, мы уже отчасти коснулись обстоятельствъ, вытѣснившихъ звонкую монету изъ денежнаго обращенія и сдѣлавшихъ изъ нея предметъ особыхъ коммерческихъ операцій и спекуляцій; теперь мы должны ближе вникнуть въ эти обстоятельства, чтобъ уразумѣть въ чемъ они измѣнились. Мы уже знаемъ на какое употребленіе шла звонкая монета изчезнувшая у насъ изъ обращенія: на сбереженіе и накопленіе, на переплавъ, и на вывозъ. Всѣ эти различные виды употребленія звонкой монеты производили спросъ на нее. Надо даже полагать, что влеченіе къ такому употребленію монеты въ теченіи шести лѣтъ повсемѣстно усиливалось у насъ, ибо спросъ и цѣны на монету постоянно возрастали; и на оборотъ, если теперь цѣны на монету стали упадать и спросъ на нее какъ на товаръ почти вовсе изчезъ, то надо полагать, что ослабѣло или даже исчезло въ людяхъ самое влеченіе къ различнымъ вышеупомянутымъ видамъ употребленія монеты. Почему же это такъ произошло? Всѣ эти различные виды употребленія монеты, и сбереженіе, и переплавъ, и вывозъ, столько же возможны теперь какъ были прежде; положительное истощеніе въ теченіи послѣднихъ шести лѣтъ существующихъ у насъ запасовъ монеты, свидѣтельствуемое всѣми торговцами и спекулянтами деньгъ, и постоянный отливъ ея за границу, должны были бы, казалось, даже усилить нынѣ спросъ на нее и возвысить ея цѣнность. Между тѣмъ случилось совершенно противное явленіе. Невозможно искать причинъ этого явленія въ какихъ-нибудь особыхъ обстоятельствахъ, измѣнившихъ, независимо отъ размѣна, годность монеты для всѣхъ бывшихъ у насъ видовъ ея употребленія: сбереженія, переплава и вывоза, или въ обстоятельствахъ сдѣлавшихъ всѣ эти виды употребленія менѣе возможными или выгодными теперь чѣмъ прежде. Относительно сбереженія и переплава никто въ этомъ и не сомнѣвается; но относительно вывоза монеты за границу многіе указываютъ на особыя причины, будто бы оказавшіяся въ 1862 году. Люди имѣющіе особый, исключительный взглядъ на экономическіе вопросы, объясняютъ, что вывозъ звонкой монеты за границу прекратился вслѣдствіе измѣнившагося въ нашу пользу такъ-называемаго торговаго баланса, а вмѣстѣ съ тѣмъ

ослабѣлъ будто бы и спросъ на монету, и упали ея kурсы въ Россіи. Мы бы не считали нужнымъ останавливаться на подобномъ взглядѣ, еслибъ онъ не былъ у насъ довольно распространенъ и не прокрадывался даже въ спеціальные финансовые органы, — въ изданіи которыхъ участвуютъ люди посвятившіе себя изученію экономическихъ вопросовъ [1]. Однако самое простое разсужденіе можетъ доказать неосновательность такого взгляда. Никакой самый выгодный [2] балансъ по иностранной торговлѣ, или излишекъ вывоза передъ ввозомъ, не въ силахъ самъ по себѣ уменьшить или прекратить вывозъ звонкой монеты, когда вывозъ дѣлается выгоднымъ, какъ онъ былъ у насъ въ послѣднія шесть лѣтъ. Звонкая монета можетъ быть вывозима не для одной только приплаты за излишекъ ввоза иностранныхъ товаровъ передъ вывозомъ отечественныхъ товаровъ. Предположимъ самый крайній предѣлъ выгоднаго отношенія вывоза къ ввозу, то-есть, предположимъ, что вовсе нѣтъ ввоза иностранныхъ товаровъ, и тогда звонкая монета, если она не можетъ идти въ обмѣнъ на иностранные товары, можетъ быть вывозима за границу для *помѣщенія* въ иностранныхъ kредитныхъ бумагахъ, государственныхъ фондахъ и векселяхъ. Такъ и было у насъ. Независимо отъ приплаты по иностранному балансу, монета уходила изъ внутренняго денежнаго обращенія для помѣщенія за границей. Напротивъ того, дороговизна монеты въ Россіи должна была бы, kазалось, побудить kъ ея ввозу, kоторый въ формѣ помѣщенія въ русскихъ kредитныхъ бумагахъ возможенъ даже безъ всякаго вывоза русскихъ товаровъ, еслибъ они дѣйствительно были вовсе не нужны иностранцамъ. Между тѣмъ мы видимъ совершенно противоположныя явленія: монета уходитъ изъ Россіи за границу въ то самое время, kогда она постоянно дѣлается въ Россіи дороже, и даже начинаетъ ввозиться въ Россію именно kогда она дѣлается дешевле.

Всѣмъ извѣстно паденіе нашихъ иностранныхъ вексельныхъ kурсовъ до 1862 года и возвышеніе ихъ въ

---

[1] См. *Народное Богатство* 1862 г. № 23.

[2] *Выгодный*—въ смыслѣ придаваемомъ этому слову людьми имѣющими подобный взглядъ на экономическіе вопросы.

этомъ году. Вексельный курсъ точно также измѣнился въ нашу пользу послѣ открытія размѣна, какъ послѣ него понизились цѣны звонкой монеты внутри Россіи. Въ этой мѣрѣ правительства должны мы искать ключа къ объясненію всѣхъ новыхъ и какъ бы противорѣчивыхъ явленій въ нашемъ денежномъ обращеніи, также какъ прекращеніемъ размѣна объясняются всѣ предыдущія явленія, и тщетно стали бы мы искать объясненія въ какихъ-либо другихъ независимыхъ отъ размѣна обстоятельствахъ. Размѣнъ кредитныхъ билетовъ на звонкую монету въ государственномъ банкѣ кореннымъ образомъ измѣнилъ *самую потребность*, создавшую спросъ на монету какъ на товаръ, а за тѣмъ и кореннымъ образомъ измѣнилъ *значеніе монеты какъ товара*, обращая ее къ первоначальному ея значенію *монеты*, или *денегъ*.

Дѣйствительной потребности въ употребленіи звонкой монеты на сбереженіе, переплавъ и вывозъ было у насъ въ послѣднія шесть лѣтъ никакъ не болѣе чѣмъ въ 1862, или, лучше, ея и тогда было также мало какъ и теперь. Эта потребность была создана и поддерживалась *искусственно* прекращеніемъ размѣна или насильственнымъ курсомъ кредитныхъ билетовъ. Безъ этого особаго обстоятельства не можетъ быть никакихъ выгодъ къ тому употребленію звонкой монеты какое ей давалось; очевидно, что само по себѣ накопленіе и храненіе капиталовъ въ видѣ монеты и неудобно, и невыгодно; точно также гораздо удобнѣе и выгоднѣе употреблять для издѣлій слитки металла нежели монету; наконецъ, нѣтъ никакой выгоды вывозить звонкую монету изъ Россіи для снабженія всемірныхъ рынковъ, гораздо болѣе обильныхъ монетою чѣмъ Россія. На послѣднее, какъ мы уже и сказали, возражаютъ, что звонкая монета была вывозима вслѣдствіе необходимости приплаты за иностранные товары, ввозъ которыхъ постоянно превышалъ въ послѣдніе года вывозъ нашихъ товаровъ, и который въ нынѣшнемъ году значительно уменьшился. Въ этомъ такъ-называемомъ невыгодномъ балансѣ видятъ исключительную причину вывоза звонкой монеты и паденія нашего иностраннаго вексельнаго курса. Нисколько не отрицая временныхъ отливовъ монеты и временнаго вздорожанія векселей на иностранныя биржи,

подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ отношеній иностранной торговли, — чего отрицать невозможно, — и допуская даже, что эти отношенія, также какъ и обязательные и необязательные платежи русскими деньгами за границей, могутъ ухудшать или улучшать обстоятельства вексельнаго курса и усиливать или ослаблять вывозъ монеты за границу [1], мы не можемъ видѣть въ этихъ обстоятельствахъ коренной причины *постояннаго* возвышенія иностраннаго вексельнаго курса [2] и одновременнаго съ нимъ возвышенія внутреннихъ цѣнъ на звонкую монету при обмѣнѣ ея на кредитные билеты.

Когда говорятъ о международномъ балансѣ, какъ о единственной причинѣ возвышенія цѣнности денегъ и изчезновенія ихъ изъ обращенія, и когда говорятъ о денежной приплатѣ по балансу, какъ о единственномъ способѣ вывоза денегъ, то совершенно забываютъ о другомъ каналѣ для перехода денегъ изъ одной страны въ другую,—именно помѣщеніи денегъ въ видѣ капитала, или о переводѣ капиталовъ изъ одной страны въ другую. Для этого, какъ мы уже сказали, нѣтъ никакой надобности въ вывозѣ товаровъ изъ одной страны въ другую; капиталы могутъ быть помѣщаемы въ странѣ, изъ которой не вывозится товара ни на одинъ рубль. Еслибы Россія дѣйствительно нуждалась въ звонкой монетѣ, то высота роста капиталовъ въ Россіи, сравнительно съ Европою, и дороговизна у насъ звонкой монеты должны были бы привлечь къ намъ звонкую монету посредствомъ перевода сюда иностранныхъ капиталовъ. Но для перехода иностранныхъ капиталовъ необходимо прежде всего одно условіе: *прочность денежной единицы*, а ея то и не было въ Россіи во время прекращенія размѣна кредитныхъ билетовъ на звонкую монету, или насильственнаго ихъ курса.

---

[1] Въ нынѣшнемъ году ввозъ иностранныхъ товаровъ, дѣйствительно, уменьшился (хлопокъ), но вмѣстѣ съ тѣмъ наша азіятская торговля потребовала бо́льшаго вывоза звонкой монеты чѣмъ прежде, и иностранные платежи русскими деньгами также увеличились.

[2] Если иностранный вексельный курсъ возвысился нѣсколько менѣе чѣмъ внутренній курсъ звонкой монеты, или лажъ, то это единственно потому что первый былъ искусственно поддерживаемъ посредствомъ правительственной покупки иностранныхъ векселей.

Насильственный курсъ кредитныхъ билетовъ лишалъ все наше денежное обращеніе прочной *монетной единицы*, какою можетъ быть только звонкая монета или извѣстное количество драгоцѣннаго металла, составляющаго всемірную дѣйствительную, а не воображаемую цѣнность. Хожденіе кредитныхъ билетовъ наравнѣ съ звонкою монетою было обезпечено закономъ; пріемъ рубля въ кредитныхъ билетахъ наравнѣ съ рублемъ въ серебряной или золотой монетѣ, во всѣхъ частныхъ сдѣлкахъ и платежахъ, былъ обязателенъ по закону. Такой обязательный курсъ какого-нибудь денежнаго знака можетъ быть допущенъ безъ разстройства всего денежнаго обращенія лишь при постоянномъ размѣнѣ его на звонкую монету, которую онъ представляетъ и безъ которой онъ не имѣетъ никакой цѣнности. Между тѣмъ излишніе выпуски кредитныхъ билетовъ, сверхъ потребностей обращенія, переполнили рынокъ деньгами, уронили ихъ цѣну, размѣнъ былъ прекращенъ и образовался, какъ мы видѣли, лажъ на звонкую монету. Собственно не звонкая монета возвышалась въ цѣнѣ, а падали кредитные билеты, которые между тѣмъ по закону должны быть принимаемы наравнѣ съ звонкою монетою. Колебались и падали въ цѣнѣ кредитные билеты; при обмѣнѣ на нихъ дорожали всѣ товары, въ томъ числѣ и звонкая монета. Монета какъ способъ платежа, какъ орудіе мѣны, цѣнилась ниже своего достоинства; всякая сдѣлка и всякое обязательство, въ которыхъ звонкая монета принималась бы по настоящей своей цѣнѣ, а не по установленной закономъ, то-есть, низшей, не была охраняема государственною властію. Поэтому каждый владѣлецъ звонкой монеты вынужденъ былъ, — чтобы не потерпѣть убытка, — предпочесть употребленіе монеты, какъ товара, употребленію ея какъ денегъ; ибо какъ товаръ монета цѣнилась выше чѣмъ какъ деньги, какъ орудіе платежа. Вотъ коренная причина выталкивавшая монету изъ обращенія и принуждавшая копить, переплавлять и вывозить ее.

Кредитные билеты, какъ дешевѣйшій видъ денегъ или государственной монеты, охраняемый закономъ, заступилъ во всѣхъ безъ изъятія платежахъ или въ денежномъ обращеніи мѣсто другаго вида денегъ, *звонкой монеты*. Послѣдняя собственно не возрастала въ цѣнѣ, а сохраняла

свою настоящую цѣну въ сравненіи съ цѣною, къ какой обязывалъ ее въ денежномъ обращеніи узаконенный курсъ кредитныхъ билетовъ. Возвышеніе въ цѣнѣ звонкой монеты *лишь относительно кредитныхъ билетовъ*, а не самой по себѣ (или относительно всѣхъ безъ изъятія товаровъ) никакъ не должно быть упускаемо изъ виду. Звонкая монета возвысилась даже въ цѣнѣ (относительно кредитныхъ билетовъ) гораздо менѣе чѣмъ всѣ прочіе товары, которые, какъ извѣстно, вздорожали на кредитные билеты гораздо болѣе чѣмъ на 14—15%, то-есть болѣе лажа.

Слабое сравнительно со всѣми прочими товарами возвышеніе цѣнъ на звонкую монету въ обмѣнѣ на кредитные билеты, или что̀ то же самое, слабое паденіе послѣднихъ относительно звонкой монеты, происходило: 1) отъ всѣхъ затрудненій сопряженныхъ съ продажею звонкой монеты или съ обмѣномъ ея на кредитные билеты по вольнымъ цѣнамъ, а также и съ употребленіемъ монеты, какъ товара (напримѣръ съ переплавомъ); 2) отъ пріема кредитныхъ билетовъ во всѣхъ платежахъ въ казну, составляющихъ огромную массу платежей во всякой странѣ, а въ Россіи въ особенности; 3) отъ всеобщей увѣренности, что размѣнъ кредитныхъ билетовъ лишь пріостановленъ, а не вовсе прекращенъ, и рано или поздно будетъ возобновленъ. Ко всему этому слѣдовало бы можетъ быть присоединить и продолжительную привычку публики къ бумажнымъ деньгамъ. Всѣ эти обстоятельства, съ одной стороны, поддерживали цѣнность кредитныхъ билетовъ, какъ денегъ, какъ орудія мѣны, сравнительно съ другимъ родомъ этого орудія, звонкою монетой, а съ другой стороны парализировали возвышеніе цѣнъ на звонкую монету, какъ товара. Такимъ образомъ какъ ни возрасталъ у насъ во всѣхъ частныхъ сдѣлкахъ лажъ на звонкую монету, можно положительно сказать, что она цѣнилась въ Россіи низко, и какъ монета, и какъ товаръ: какъ монета, какъ способъ расплаты, какъ охраняемое закономъ основаніе всѣхъ разчетовъ и всѣхъ обязательствъ, она цѣнилась закономъ наравнѣ съ кредитными билетами, цѣнность которыхъ упала и продолжала постепенно падать; какъ товаръ, при продажѣ на кредитные билеты, бывшіе единственнымъ законнымъ мѣриломъ цѣнностей въ Россіи, звонкая монета сравнительно

со всѣми прочими товарами, также цѣнилась дешево. Какъ же послѣ этого удивляться, что звонкая монета изчезла изъ обращенія, отчасти обратившись въ товаръ, посредствомъ накопленія, переплава и передачи изъ однѣхъ рукъ въ другія въ качествѣ товара, отчасти убѣгая вовсе изъ Россіи, туда, гдѣ она могла сохранить настоящую свою цѣнность, превращаясь въ процентныя кредитныя бумаги или же въ товары, которые сравнительно съ звонкою монетою цѣнились въ Россіи дороже?

Такимъ образомъ, во весь періодъ насильственнаго курса кредитныхъ билетовъ, въ Россіи не только не было на звонкую монету дороговизны, которая непремѣнно привлекла бы къ намъ ввозъ монеты изъ другихъ странъ, а напротивъ того у насъ была дешевизна звонкой монеты. Поэтому самымъ выгоднымъ коммерческимъ дѣломъ въ Россіи для иностранцевъ имѣвшихъ съ нею сношенія было вывозить изъ Россіи звонкую монету, которая какъ государственная монета, какъ деньги или способъ расплаты, обезпеченный государственною властію, цѣнилась во всѣхъ государствахъ Европы дороже чѣмъ въ Россіи, а какъ русскій товаръ (въ обмѣнъ на иностранные товары) цѣнилась въ Россіи дешевле всѣхъ другихъ русскихъ товаровъ; такая наиболѣе выгодная для иностранцевъ операція съ Россіей заставляла ихъ обмѣнивать возможно большее количество иностранныхъ товаровъ на самый дешевый русскій товаръ—металлическія деньги, остававшіяся въ Россіи, и также заставляла обмѣнивать на иностранные товары возможно менѣе всѣхъ прочихъ русскихъ товаровъ, стоившихъ и на русскія деньги (кредитные билеты), и на иностранныя (на звонкую монету, которая бы ввозилась въ Россію какъ деньги) гораздо дороже русской звонкой монеты. Теперь становится понятнымъ почему насильственный курсъ бумажныхъ денегъ искусственно поощрялъ ввозъ иностранныхъ товаровъ въ Россію и парализировалъ вывозъ, и почему усиленный вывозъ звонкой монеты изъ Россіи и мнимая дороговизна звонкой монеты у насъ не только не происходили отъ такъ-называемаго невыгоднаго нашего баланса, а напротивъ того самъ этотъ балансъ былъ послѣдствіемъ всѣхъ условій нашего денежнаго обращенія, вынуждавшихъ вывозъ звонкой

монеты изъ Россіи. При этихъ условіяхъ, иностранцы [1] должны были стараться возможно скорѣе реализировать или обращать свои товары въ русскую звонкую монету, которая пока была дешевле всѣхъ прочихъ русскихъ товаровъ; но постепенно, несмотря на всѣ преслѣдованія русскаго закона, превратившись въ товаръ, дорожала, и ежедневно дѣлалась менѣе выгодною для пріобрѣтенія въ Россіи. Выгодамъ операціи по превращенію иностранныхъ товаровъ; въ русскую звонкую монету содѣйствовало и искусственное поддержаніе правительствомъ иностраннаго вексельнаго курса, которое парализировало возвышеніе курсовъ звонкой монеты на кредитные билеты, и не могло быть продолжительно. Самымъ невыгоднымъ для иностранцевъ коммерческимъ дѣломъ въ Россіи было оставлять здѣсь на срокъ свои капиталы. Эти послѣдніе оцѣнивались въ Россіи на русскую денежную единицу, цѣнность которой постоянно падала въ сравненіи со всемірною металлическою денежною единицею, и потому реализація этихъ капиталовъ, способами защищаемыми русскимъ закономъ, грозила становиться съ каждымъ днемъ менѣе выгодною. Люди менѣе осторожные, а также не желавшіе вдругъ прекратить свои коммерческія связи съ Россіей или довѣрявшіе возможности возстановленія цѣнности русскихъ бумажныхъ денегъ, старались ввозить въ Россію какъ можно болѣе иностранныхъ товаровъ, превращая ихъ какъ можно скорѣе въ русскую звонкую монету [2], или давая Россіи возможно болѣе краткіе кредиты; люди болѣе осторожные или менѣе довѣрявшіе попеченіямъ правительства и силамъ государства къ прекращенію насильственнаго курса кредитныхъ билетовъ и колебаній русской денежной единицы, спѣшили реализировать свои капиталы въ Россіи, и дать имъ помѣщеніе за границей въ прочной иностранной денежной единицѣ. Правительство уже вынуждено было заключать займы внѣшніе, отчасти и внутренніе (4% банковые билеты), съ исчисленіемъ процентовъ и капитала исключительно на звонкую монету; того же права добивались нѣ-

---

[1] Подъ иностранцами мы разумѣемъ здѣсь всѣхъ *ввозчиковъ* товара въ Россію.

[2] А не то превращая русскіе товары въ иностранную монету, съ тѣмъ чтобъ оставлять ее за границей.

сколько разъ и частныя лица. Продолженіе этого положенія вещей угрожало или прекращеніемъ всякихъ коммерческихъ связей съ иностранными государствами и полнымъ прекращеніемъ внутри Россіи всякихъ кредитныхъ сдѣлокъ, или же необходимостью прекращенія насильственнаго курса кредитныхъ билетовъ посредствомъ отмѣны обязательнаго или узаконеннаго ихъ курса во всѣхъ платежахъ между частными лицами и въ казну, то-есть другими словами, посредствомъ государственнаго банкротства. Послѣднее было бы выгоднѣе перваго, но мы, кажется, можемъ избѣжать того и другаго. Правительство рѣшилось открытіемъ размѣна кредитныхъ билетовъ на звонкую монету возстановить единственное прочное основаніе ихъ дѣйствительной, а не фиктивной цѣнности, и вмѣстѣ постепеннымъ увеличеніемъ количества драгоцѣннаго металла выдаваемаго за нарицательную цѣну кредитныхъ билетовъ, или пониженіемъ курсовъ звонкой монеты, возстановить первоначальное отношеніе бумажныхъ денегъ къ звонкой монетѣ или первоначальную цѣнность нашей денежной единицы. Чрезъ эту мѣру прекратился насильственный курсъ кредитныхъ билетовъ, безъ отмѣны обязательнаго ихъ курса, ибо кредитный билетъ *уже имѣетъ* въ настоящее время для каждаго его владѣльца *извѣстную* металлическую или всемірную цѣнность, и *можетъ имѣть полную* обозначенную на немъ цѣнность, если кредитный билетъ или долговое обязательство, въ которое онъ будетъ превращенъ владѣльцемъ, сохранится въ его рукахъ до возстановленія полной цѣнности кредитнаго билета. Такимъ образомъ, для всѣхъ сдѣлокъ на наличныя деньги, колебанія денежной единицы можно сказать уже не существуютъ съ 1-го мая 1862 г., а для всѣхъ кредитныхъ и срочныхъ сдѣлокъ онѣ прекратятся съ весьма близкимъ возстановленіемъ нарицательной цѣны кредитныхъ билетовъ. При увѣренности въ этомъ возстановленіи и колебаніи денежной единицы сами собою прекращаются для долгосрочныхъ кредитныхъ сдѣлокъ, преимущественно парализированныхъ шаткостью денежной единицы, а соображенія и разчеты по краткосрочнымъ сдѣлкамъ могутъ быть прямо основаны на этихъ колебаніяхъ, принявшихъ

правильный ходъ и напередъ извѣстныхъ. Во всякомъ случаѣ, *постепенность* возстановленія нарицательной цѣны ассигнаціонной денежной единицы была необходима для предотвращенія слишкомъ крутыхъ потрясеній въ цѣнахъ всѣхъ товаровъ и во всѣхъ коммерческихъ разчетахъ, основанныхъ на упадавшей цѣнности кредитныхъ билетовъ.

Съ такой точки зрѣнія должно судить объ этой важной финансовой мѣрѣ, и только съ такой точки зрѣнія становятся понятными послѣдствія ея, выше нами показанныя, и также становится понятною польза этой мѣры для всего нашего народнаго хозяйства. Казенною продажей золота и серебра по пониженнымъ цѣнамъ, какою можетъ представляться размѣнъ для близорукихъ наблюдателей, не могутъ быть объяснены, какъ мы уже видѣли, приведенные нами факты торга монетою послѣ открытія размѣна. Отнятіемъ хлѣба у мѣнялъ и денежныхъ спекулянтовъ далеко не исчерпывается государственная польза этой мѣры, направленной не противъ этого промысла, а противъ условій денежнаго обращенія, его породившихъ Съ другой стороны, благопріятныя явленія въ движеніи звонкой монеты, въ ея лажѣ на внутреннихъ рынкахъ и въ иностранныхъ вексельныхъ курсахъ, обнаружившіяся въ 1862 году, не могутъ быть объяснены, какъ мы также видѣли, измѣненіемъ обстоятельствъ нашей иностранной торговли и отношеніями ввоза и вывоза товаровъ. Эти отношенія такъ-называемаго торговаго баланса гораздо болѣе зависѣли сами отъ колебаній денежной единицы, вынуждавшихъ вывозъ звонкой монеты изъ Россіи и противодѣйствовавшихъ вывозу другихъ отечественныхъ товаровъ. [1]

---

[1] Если офиціяльный документъ (всеподданнѣйшій докладъ г. министра финансовъ 2 ноября 1862 г.), излагающій нѣкоторые результаты открытія размѣна, заслуживаетъ какого-нибудь упрека, то конечно не за то, что̀ порицается въ немъ однимъ изъ политико-экономическихъ органовъ нашей печати, а за нѣчто совершенно противоположное. (См. *Народное Богатство* № 23, 1862 г.) Мы не только не можемъ, подобно упомянутой газетѣ, упрекнуть этотъ документъ „*въ громкомъ восхваленіи плодотворныхъ слѣдствій*“, вызванныхъ операціей размѣна, и приписываемыхъ этою газетой разнымъ постороннимъ этой мѣрѣ обстоятельствамъ, въ томъ числѣ и *благопріятному торговому балансу* (?), но готовы были бы даже замѣтить, что офиціяльный документъ не придаетъ открытію размѣна

Какъ насильственный курсъ кредитныхъ билетовъ изгналъ изъ денежнаго обращенія звонкую монету, произвелъ лажъ на нее, вынудилъ употреблять какъ товаръ, а не какъ деньги, и наконецъ создалъ торгъ и цѣлый рядъ спекуляцій для этого товара, такъ открытіе размѣна отнимаетъ у звонкой монеты характеръ товара и снова превращаетъ ее въ деньги, въ способъ платежа и мѣны. Этимъ объясняется быстрое, почти внезапное прекращеніе спроса на звонкую монету, какъ на товаръ, а чрезъ прекращеніе этого спроса торговыя цѣны на звонкую монету внезапно подчинились въ своемъ движеніи курсамъ государственнаго банка; эти курсы опредѣлили повсемѣстно maximum для продажныхъ цѣнъ, несмотря на разстоянія отъ географическаго пункта размѣна; покупныя цѣны (выражающія собою разчеты покупщиковъ на перепродажу и спекуляцію) пришли въ чрезвычайное волненіе и были совершенно сбиты [1]; и разница между продажными и покупными розничными цѣнами (выражающая собою крайніе предѣлы спекуляціи въ данное время и находящаяся въ прямой пропорціи къ лажу) стала постепенно уменьшаться и приближаться къ простому промѣну денегъ.

достаточно значенія, отчасти объясняя благопріятные его результаты разными побочными причинами, въ томъ числѣ и *отношеніемъ ввоза къ вывозу*. Скромное указаніе на это послѣднее обстоятельство въ офиціяльномъ документѣ, почему-то просмотрѣнное политико-экономическою газетой, которая возводитъ это обстоятельство, вопреки самымъ основнымъ началамъ экономической науки, на степень важной дѣйствующей причины благопріятныхъ перемѣнъ въ нашемъ денежномъ обращеніи — это скромное указаніе мы не будемъ подвергать придирчивой критикѣ хорошо понимая офиціяльныя условія и приличія изложенія правительственныхъ бумагъ. Въ оцѣнкѣ финансоваго управленія для насъ гораздо важнѣе принимаемыя имъ мѣры нежели литературное ихъ изложеніе, также какъ въ литературѣ гораздо важнѣе правильность высказываемыхъ взглядовъ нежели самая добросовѣстность побужденій. Тѣмъ менѣе можемъ мы извинить неправильность самыхъ основныхъ экономическихъ понятій органу, говорящему, нѣкоторымъ образомъ, во имя экономической науки. Послѣ этого мы уже считаемъ излишнимъ упомянать здѣсь о взглядахъ на нашъ предметъ, высказываемыхъ въ другихъ періодическихъ изданіяхъ, *систематически* распространяющихъ у насъ противонаучныя экономическія понятія.

[1] Замѣчательно, что въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ звонкая монета принималась въ платежи конторами государственнаго банка *по курсу* она продавалась столешникамъ публикою даже ниже этого курса.

Эти явленія доказываютъ, съ одной стороны, довѣріе коммерческаго міра къ предпринятому возстановленію нашей денежной единицы, какъ внутри Россіи, такъ и за границей, съ другой стороны — чрезвычайную, хотя вообще безсознательную потребность имѣть прочную денежную единицу [1], какою можетъ быть только звонкая монета. Наша звонкая монета, вопреки этой потребности, такъ-сказать насильственно была превращена въ товаръ, и потому при первой возможности, данной ей открытіемъ размѣна, вышла на настоящій свой путь: служить орудіемъ мѣны, способомъ расплаты, деньгами имѣющими свою, опредѣленную закономъ, нормальную цѣнность, къ которой прилаживаются въ мѣнѣ всѣ прочія цѣнности. Замѣчательно до какой степени велика эта сила вещей, требующая одной *нормальной цѣнности* для всѣхъ разчетовъ въ коммерческомъ мірѣ: на всѣхъ коммерческихъ пунктахъ, на которыхъ мы находились (въ особенности значительныхъ, какъ Харьковъ), мы замѣчали, что въ розничной торговлѣ звонкая монета охотно принималась и отдавалась по курсамъ государственнаго банка, которые приняли названіе *нормальной цѣны* монеты, и даже въ то время, когда тутъ же у мѣнялъ были другія цѣны, большею частію ниже. Это обстоятельство также даетъ поводъ говорить, что правительство создало *лажъ* на монету; но до открытія размѣна, звонкая монета вовсе не обращалась какъ деньги, а какъ товаръ переходила изъ рукъ въ руки всегда по вольнымъ цѣнамъ (выше нарицательной). Только курсы государственнаго банка, какъ единственнаго государственнаго учрежденія, не обезцѣнивающаго звонкую монету, дали ей возможность вступить въ свои права, и нельзя сказать, чтобъ она злоупотребляла ими, когда мы знаемъ каковы были ея настоящія цѣны до размѣна. Напротивъ того, наше денежное обращеніе весьма легко уступило и подчинилось операціи основанной на здравыхъ экономическихъ началахъ, и нельзя удивляться, что наше народное хозяй-

---

[1] Здѣсь, какъ уже замѣчено нами, мы совершенно выпускаемъ изъ виду взаимныя отношенія цѣнности между двумя драгоцѣнными металлами, служащими матеріяломъ для монеты. Денежною единицею можетъ быть только одинъ металлъ и одна монета, какою у насъ *de facto*, хотя и не *de jure*, есть серебряный рубль, или цѣлковый.

ство, въ силу необходимости, стремится перейдти отъ мѣны *товара на товаръ*, которая господствовала у насъ при бумажной денежной единицѣ, утратившей свое металлическое основаніе и потому болѣе воображаемой чѣмъ дѣйствительной,—перейдти отъ этой неудобной формы мѣны, существующей у необразованныхъ народовъ, къ мѣнѣ денежной, къ продажѣ и куплѣ товаровъ на деньги.

Но всѣмъ извѣстно, что звонкая монета еще не вполнѣ вступила въ обращеніе. Звонкая монета находится какъ бы на полупути своего обращенія въ деньги. Иначе и быть не могло, ибо операція размѣна не удовольствовалась возстановленіемъ для денежной единицы металлическаго основанія, которое равномѣрно могло быть при объявленномъ разъ навсегда курсѣ размѣна кредитныхъ билетовъ (даже ниже пари), а вознамѣрилась возстановить нарицательную металлическую цѣнность бумажнаго рубля. При такомъ направленіи размѣна, нерѣшительное вступленіе звонкой монеты въ обращеніе не только не доказываетъ недовѣрія къ успѣшному окончанію операціи, а скорѣе напротивъ доказываетъ полное къ ней довѣріе. Никакъ не упуская изъ виду, что размѣнъ вовсе не есть продажа звонкой монеты, и что постепенное пониженіе курсовъ размѣна есть собственно не пониженіе цѣнъ золота и серебра, нисколько не зависящихъ отъ размѣна, а постепенное возвышеніе цѣнности кредитныхъ билетовъ, мы должны убѣдиться, что пріобрѣтеніе кредитныхъ билетовъ, а потому и обмѣнъ звонкой монеты на кредитные билеты и употребленіе ея въ платежи, дѣлаются съ каждымъ пониженіемъ курса выгоднѣе, и потому всего выгоднѣе будутъ въ эпоху размѣна кредитныхъ билетовъ по нарицательной цѣнѣ. Кто довѣряетъ наступленію этой эпохи, и кто не спекулируетъ на монету, тому выгоднѣе дождаться употребленія звонкой монеты въ своихъ оборотахъ, когда возстановится цѣнность кредитныхъ билетовъ, которые мы всегда рискуемъ получить въ свои руки, выпустивъ изъ нихъ звонкую монету. Слабое появленіе звонкой монеты въ публичномъ обращеніи также какъ и неохотное полученіе металлическихъ платежей гуртовыми купцами (упомянутое выше) доказываетъ вѣрность нашего взгляда.

Что kасается собственно до *спекулянтовъ* на звонkую монету и вообще до пokупщиковъ и продавцовъ монеты kакъ товара, то для нихъ владѣніе монетой дѣлается ежедневно менѣе выгоднымъ, и товарный kапиталъ ихъ въ монетѣ, съ kаждымъ пониженіемъ kурсовъ государственнаго банka, теряетъ свою цѣнность. Это очевидно изъ экономическаго значенія всякаго товара, которое заключается въ измѣнчивости одной цѣнности относительно всѣхъ прочихъ цѣнностей; выгоды всякаго торга основаны на разницѣ цѣнъ товара во времени и въ пространствѣ. Звонkая монета перестаетъ у насъ быть товаромъ, и систематическое пониженіе цѣнъ ея относительно kредитныхъ билетовъ, на шаткости которыхъ была собственно основана спекуляція, влечетъ за собою неминуемые убытки для спекулянтовъ. Но и здѣсь намъ нѣтъ надобности прибѣгать kъ предположеніямъ и kъ теоретическимъ выводамъ: мы имѣемъ свидѣтельство фактовъ, на которые и будемъ опираться. Съ откpытіемъ размѣна, спекуляція потерпѣла значительные и совершенно неожиданные для нея убытки; kромѣ того что kурсъ, по которому долженъ былъ откpыться размѣнъ, былъ неизвѣстенъ, и kромѣ того что спекулянты не слишkомъ-то довѣряли возможности размѣна, и даже надѣялись, вслѣдствіе паденія цѣнъ въ нѣkоторыхъ мѣстахъ до размѣна, получить большіе барыши, еслибы цѣны снова возвысились, — независимо отъ всего этого, невозможно было внезапно пріостановить ходъ начатыхъ операцій и изъять изъ этого промысла значительные затраченные въ немъ kапиталы. Такъ спекулянты, закупивъ монету передъ размѣномъ по $112^1/_2$, не успѣли продать ее и должны были послѣ откpытія размѣна отдавать за $110^1/_2$. Главные закащики монеты для вывоза въ Азію обратились за нею въ банkъ, гдѣ могли получить ее дешевле. Въ первое время послѣ размѣна, закупщики монеты продолжали спекулировать исключительно на передачу монеты въ банkъ; но неуkлонное пониженіе kурсовъ государственнымъ банkомъ и слова „*не позже* такого-то срока такой-то kурсъ“ въ опубликованномъ распиcаніи,—слова, сперва не замѣченныя спекулянтами,—нанесли имъ рѣшительный ударъ.

Итакъ, изъ всѣхъ приведе нныхъ нами фактовъ и за-

ключеній можно достаточно убѣдиться: *вопервыхъ*, что колебанія нашей денежной единицы, возникшія изъ *неразмѣнности* или *насильственнаго курса* бумажныхъ представителей монеты, сопряжены были съ полнымъ разстройствомъ всего нашего денежнаго обращенія; и *вовторыхъ*, что главная цѣль открытія размѣна—*упроченіе денежной единицы*—уже сопровождается благопріятными послѣдствіями.

Эти благопріятные результаты оказываются вообще въ слѣдующемъ:

1. Лажъ на звонкую монету (или *депрецiацiя* кредитныхъ билетовъ) неуклонно возраставшій въ теченіи шести лѣтъ съ прекращенія размѣна, стали быстро упадать, такъ что дойдя до 14—15% передъ открытіемъ размѣна, лажъ (или *депрецiацiя*) внезапно упалъ до 10% съ открытіемъ размѣна (1-го мая 1862 г.),и съ тѣхъ поръ постоянно держится курсовъ государственнаго банка. То же самое замѣчается и въ иностранныхъ вексельныхъ курсахъ, которые въ самое недавнее время (съ декабря 1862) стали, подобно внутреннему лажу, упреждать пониженіе курсовъ государственнаго банка.

2. Лажъ на звонкую монету, подчинившись вполнѣ курсамъ государственнаго банка, сдѣлался недоступенъ для спекуляцiи, и звонкая монета, вступая въ опредѣленныя, нормальныя отношенія къ бумажнымъ деньгамъ, перестаетъ быть товаромъ.

3. Съ открытіемъ размѣна можно было считать единство денежной единицы уже упроченнымъ, еслибы не предпринятое правительствомъ возстановленіе первоначальной цѣнности кредитнаго рубля.

Эти важные результаты требовали до сихъ поръ, какъ уже извѣстно, назначительныхъ пожертвованій. Всего, въ теченіи перваго полугодія съ открытіемъ размѣна, выдано государственнымъ банкомъ звонкой монеты, въ обмѣнъ на кредитные билеты, болѣе чѣмъ получено, на 11.880.991 р. Цифра эта, въ которую поступило изъ 15 мил. ф. стерл. новаго заграничнаго займа лишь 11.198.802 р. 28 к., обозначаетъ денежное пожертвованіе принесенное пока государственнымъ казначействомъ на исправленіе нашей денежной системы. Замѣчательно, что въ 1861 г. совершенно безуспѣшно истрачено государственнымъ казначействомъ, для

той же самой цѣли улучшенія денежнаго обращенія и цѣнности кредитныхъ билетовъ, въ тотъ же самый періодъ времени, 25.608.851 р. (покупкою векселей и прямою выдачею монеты), то-есть, болѣе чѣмъ вдвое. Къ тому же, до 1862 г., звонкая монета выдавалась правительствомъ по нарицательной цѣнѣ кредитныхъ билетовъ, а иностранные векселя покупались имъ выше биржевыхъ курсовъ, и не смотря на это цѣнность кредитныхъ билетовъ постоянно упадала; между тѣмъ какъ въ 1862 году, не смотря на то что монета выдавалась, по цѣнѣ кредитныхъ билетовъ, ниже ихъ нарицательной цѣнности, цѣнность ихъ стала быстро возвышаться: соображая это, мы не можемъ не быть поражены разницей въ достигнутыхъ результатахъ. Удивительнаго однако въ этой разницѣ нѣтъ ничего. Не въ денежныхъ пожертвованіяхъ заключается успѣхъ государственныхъ финансовыхъ мѣръ, а въ правильности экономическихъ началъ ими руководящихъ, и въ ихъ соотвѣтствіи съ обстоятельствами времени. До 1 мая 1862 г., въ теченіи періода насильственнаго курса кредитныхъ билетовъ, правительственныя выдачи звонкой монеты не могли имѣть ни малѣйшаго вліянія на цѣнность кредитныхъ билетовъ и на наше денежное обращеніе, съ которымъ онѣ не имѣли ничего общаго, кромѣ только того, что и звонкая монета, и кредитные билеты выпускались въ обращеніе изъ одного и того же вѣдомства. Въ операціи же размѣна, выдачи звонкой монеты составляютъ совершенно второстепенное обстоятельство при главной цѣли — упрочить *денежную единицу* посредствомъ возстановленія металлическаго основанія кредитныхъ билетовъ. Самыя колоссальныя массы драгоцѣннаго металла имѣли бы тѣ же послѣдствія какъ и 25 милліоновъ выданныхъ въ 1861 г.

Излишне было бы распространяться здѣсь о важности прочной монетной единицы для народнаго и государственнаго хозяйства; это было бы все равно, что говорить о пользѣ изобрѣтенія денегъ. Можетъ-быть и это было бы неизлишне, въ особенности въ виду тѣхъ экономическихъ понятій, которыя не рѣдко высказываются въ нашей печати. Но не такова цѣль нашего труда, предпринятаго не для развитія теоріи, а для изслѣдованія и объясненія дѣйствительныхъ обстоятельствъ и затрудненій нашего со-

временнаго народнаго хозяйства. Скажемъ здѣсь только то, что болѣзни денежнаго обращенія, хотя и самыя опасныя для народнаго хозяйства, въ которомъ денежное обращеніе есть то же, что обращеніе крови въ животномъ тѣлѣ,—что эти болѣзни, и въ особенности разстройство главнаго корня ихъ, денежной единицы, наименѣе изъ всѣхъ экономическихъ золъ могутъ быть сознательно ощущаемы самими больными. Эти болѣзни сознаются большею частію не въ сущности своей, а въ своихъ гибельныхъ практическихъ послѣдствіяхъ для каждаго дѣйствующаго члена народнаго хозяйства, относимыхъ обыкновенно не къ коренной причинѣ, а къ разнымъ побочнымъ и случайнымъ обстоятельствамъ.

Такъ и здѣсь: не внутренняя цѣнность ассигнаціоннаго рубля, не прочность денежной единицы занимаютъ у насъ большинство практическихъ умовъ, а вопросъ о количествѣ денегъ, или оборотныхъ способовъ, на недостатокъ которыхъ всѣ жалуются. Вопросъ о *количественныхъ отношеніяхъ денежнаго обращенія* къ потребностямъ промышленности, торговли и кредита, хотя также большею частію неправильно понимаемый въ практическомъ мірѣ, есть безъ сомнѣнія другая, чрезвычайно важная сторона денежнаго обращенія, нарочно оставленная нами въ сторонѣ для ясности изложенія, и находящаяся между тѣмъ въ тѣсной связи съ вопросомъ о денежной единицѣ или такъ сказать о *качественныхъ отношеніяхъ* денежной системы.

Мы уже замѣтили эту связь, говоря о предположенной въ операціи размѣна, сверхъ упроченія денежной единицы, цѣли возстановить первоначальную или нарицательную цѣнность кредитныхъ билетовъ. Съ возвышеніемъ этой цѣнности возрастаетъ постепенно масса денегъ находящихся въ нашемъ обращеніи. Извѣстно, что денежнымъ обращеніемъ выносится не *всякое* количество денегъ и потому успѣхъ или лучше дальнѣйшее развитіе операціи размѣна будетъ не мало зависѣть отъ отношеній наличной массы нашихъ денегъ къ потребностямъ обращенія.

В. БЕЗОБРАЗОВЪ.

II.[1]

ВОЗРАСТАНІЕ МАССЫ КРЕДИТНЫХЪ БИЛЕТОВЪ И ПОСЛѢДСТВІЯ ИХЪ УСИЛЕННЫХЪ ВЫПУСКОВЪ.

Въ предыдущей главѣ мы говорили о болѣзненныхъ явленіяхъ, происшедшихъ въ нашемъ денежномъ обращеніи единственно отъ насильственнаго курса кредитныхъ билетовъ, т.-е. неразмѣнности ихъ на звонкую монету въ соединеніи съ узаконеннымъ хожденіемъ ихъ наравнѣ съ звонкою монетой. Для ясности нашего изложенія, мы должны были сперва

Считаемъ нашею обязанностью заявить здѣсь нашу благодарность всѣмъ лицамъ, содѣйствовавшимъ намъ въ собраніи разныхъ мѣстныхъ свѣдѣній для настоящаго труда. Этими свѣдѣніями, относящимися къ промышленности, коммерческимъ и кредитнымъ обстоятельствамъ послѣдняго времени, мы преимущественно воспользовались для этой и слѣдующей III главы. Въ особенности обязаны мы глубокою признательностью *И. А. Суслову* (въ Орлѣ), *А. И. Богомолову* (въ Харьковѣ), *А. Н. Шебардину* (на Украинскихъ ярмаркахъ), *Н. И. Слатину* (въ Бѣлгородѣ), *Г. А. Кореневу* (въ Харьковѣ), *А. В. Дроздову* и *Г. Цынделю* (въ Москвѣ) и многимъ другимъ коммерческимъ лицамъ (въ томъ числѣ и гг. прикащикамъ московскихъ фабрикантовъ Прохоровыхъ). Безъ просвѣщеннаго и теплаго содѣйствія этихъ лицъ, мы никогда не могли бы пріобрѣсти свѣдѣній, которыя легли въ основаніе нашихъ изслѣдованій. *Пр. авт.*

разсмотрѣть исключительно болѣзненныя явленія этого порядка; но конечно для всѣхъ было очевидно, что этими явленіями, которыя въ своей совокупности могутъ быть названы *колебаніями монетной единицы*,—далеко не ограничиваются потрясенія, произведенныя въ народномъ хозяйствѣ экстреннымъ выпускомъ кредитныхъ билетовъ. Уже въ заключеніи первой главы, говоря объ упроченіи нашей монетной единицы и о дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ размѣна кредитныхъ билетовъ на звонкую монету, мы натолкнулись на вопросы о количествѣ этихъ билетовъ, находящемся въ народномъ обращеніи. Бо́льшіе или меньшіе приливы кредитныхъ билетовъ къ размѣну въ государственномъ банкѣ могутъ зависѣть не отъ одного только бо́льшаго или меньшаго недовѣрія къ ихъ металлической цѣнности, и не отъ одной только большей или меньшей потребности въ звонкой монетѣ для платежей (собственно заграничныхъ), но также и въ весьма значительной степени отъ третьей причины: отъ избытка вообще бумажныхъ денежныхъ знаковъ для потребностей обращенія. Въ случаѣ такого избытка бумажныя деньги, безусловно ни для чего другаго негодныя кромѣ обращенія и притомъ внутренняго, превращаются въ звонкую монету, которая можетъ служить какъ металлъ для фабрикаціи, быть перевозима въ другія страны и наконецъ можетъ быть какъ мертвый капиталъ сберегаема предпочтительно передъ бумажными деньгами. Такимъ образомъ операція размѣна, которою мы были исключительно заняты до сихъ поръ, приводитъ насъ къ разсмотрѣнію вопроса о количествѣ кредитныхъ билетовъ въ отношеніи къ потребностямъ нашего денежнаго обращенія.

Такъ какъ эти потребности опредѣляются всею совокупностью промышленныхъ, коммерческихъ и кредитныхъ оборотовъ страны, то вопросъ о количествѣ бумажныхъ денегъ выдвигаетъ передъ нами новую группу явленій, до сихъ поръ остававшуюся въ сторонѣ отъ нашего изслѣдованія. Понятно, что эти явленія, происходящія въ формахъ гораздо болѣе выпуклыхъ и сопряженныя для публики и всѣхъ участниковъ народно-хозяйственной дѣятельности съ ощущеніями гораздо болѣе яркими, нежели явленія уже описаннаго нами порядка (т.-е. колебанія монетной единицы), гораздо болѣе послѣднихъ сосредоточиваютъ на себѣ вниманіе публики. Поэтому весьма естественно, что вопросъ о количе-

ствѣ денежныхъ знаковъ почти исключительно занимаетъ собою практическіе умы въ кругу вопросовъ о денежномъ обращеніи. Какъ ни сбивчивы понятія здѣсь высказывающіяся, однако нельзя отрицать важности придаваемой этому вопросу въ практическомъ мірѣ; имъ обусловливается окончательное упроченіе монетной единицы, сосредоточившее на себѣ всѣ усилія правительства, и съ нимъ тѣсно связаны, какъ увидимъ ниже, многіе практическіе промышленные и коммерческіе вопросы первостепенной и настоятельной важности.

Прежде чѣмъ говорить о послѣдствіяхъ возрастанія массы денежныхъ знаковъ въ нашемъ народномъ хозяйствѣ, мы представимъ въ самомъ краткомъ очеркѣ данныя относительно послѣдовательныхъ выпусковъ въ обращеніе кредитныхъ билетовъ[1].

Государственные кредитные билеты учреждены были, какъ извѣстно, въ 1843 г. взамѣнъ государственныхъ ассигнацій, введенныхъ при Екатеринѣ II (1769) и депозитныхъ билетовъ, выпускавшихся съ 1840 по 1843 г. съ цѣлью установить переходъ къ новой системѣ. Время съ 1843 и по 1848 (послѣдній срокъ хожденія старыхъ ассигнацій) можно назвать *періодомъ водворенія кредитныхъ билетовъ*. Выпуски этого періода должны были насытить потребности обращенія, удовлетворявшіяся до того времени отчасти ассигнаціями, отчасти звонкою монетою. Ассигнацій было въ обращеніи къ тому времени 597.776.310 р. или по утвержденному тогда курсу на серебряную монету 170.221.802 р. Выпуски кредитныхъ билетовъ далеко превзошли эту сумму; ибо эти билеты, какъ знаки подлежавшіе во всякое время размѣну на звонкую монету, были предпочитаемы самой монетѣ, которую публика охотно несла въ обмѣнъ на билеты. Такимъ образомъ:

	Выпущено билетовъ въ обращеніе.	Оставалось въ обращеніи къ концу года.
1843	30,5 милліон.	30,3 милліон.
1844	90,2 —	121,8 —
1845	71,5 —	189,4 —
1846	46,2 —	226,1 —
1847	70.8 —	289,5 —

[1] Приводимыя нами данныя взяты изъ подлинныхъ отчетовъ государственныхъ кредитныхъ установленій и отчасти (по 1854 г.) изъ *Статистическаго обзора операцій госуд. кред. уст. съ 1817 г.* Е. И. Ламанскаго. Сравн. также статьи: *Обзоръ исторіи русскихъ ассигнацій (Русск. Вѣстн.)*

Несмотря на постоянно возраставшее количество билетовъ въ обращеніи, до 1848 г. требованіе публики на кредитные билеты постоянно превышало требованіе на звонкую монету. Такъ:

	Выпущено билетовъ въ обмѣнъ на звонкую монету.	Выдано звонкой монеты въ обмѣнъ на билеты.
1843	4,1 милліон.	0,2 милліон.
1844	11,9 —	1,7 —
1845	21,3 —	3,9 —
1846	19,7 —	9,4 —
1847	50,9 —	7,4 —

Отношенія этихъ цифръ положительно доказываютъ, что выпуски этого періода не превышали потребностей обращенія. Иначе цыфры размѣна тотчасъ указали бы на избытокъ: спросъ на кредитные билеты со стороны публики ослабъ бы, а спросъ на звонкую монету въ обмѣнъ на кредитные билеты усилился бы. Какъ чувствителенъ этотъ термометръ размѣна и до какой степени количество денежныхъ знаковъ, нужныхъ для народнаго обращенія, сообразуется съ его потребностями, а не зависитъ отъ произвола учрежденія выпускающаго денежные знаки, можно отчасти убѣдиться и въ этомъ періодѣ.

До 1847 г. включительно, количество кредитныхъ билетовъ въ обращеніи, какъ мы видѣли, постоянно и быстро возрастало. Въ 1848 г. оно составляло 289.500.000[1] Въ 1848 г. выпущено было вновь въ обращеніе 34 милл. и въ томъ числѣ лишь 16,9 въ обмѣнъ на звонкую монету и слитки. Несмотря на то что этотъ выпускъ гораздо ниже выпусковъ четырехъ предыдущихъ лѣтъ, онъ не могъ быть поглащенъ народнымъ обращеніемъ и отношенія размѣна кредитныхъ билетовъ въ 1848—1849 г. сдѣлались совершенно иныя нежели во всѣхъ предыдущихъ годахъ:

	Выпущено билетовъ въ обмѣнъ на монету.	Выдано монеты въ обмѣнъ на билеты.
1848	16,9	17
1849	13,7	23

1858 г. № 24.), *Русскій государств. долгъ* тамъ-же, 1859, № 7), *О кредитныхъ билетахъ* (Вѣкъ 1861), *Замѣтки о хозяйственномъ положеніи Россіи Русск. Вѣстн.* 1862.)

[1] Для наглядности изложенія мы будемъ округлять всѣ цыфры.

Спросъ на билеты, постоянно превосходившій спросъ на монету, быстро уменьшился съ 50,3 мил. (1847 г.)до 16,9 (1848) и потомъ до 13,7 (1849); предъявленіе билетовъ къ размѣну возросло съ 7,4 (1847) до 17 (1848) и до 23 (1849). Между тѣмъ какъ общая сумма билетовъ предъявленныхъ къ размѣну въ оба года 1848 и 1849 г. достигаетъ огромной цифры 40 милл., монеты представлено для обмѣна на билеты только 30,6 милл., слѣдовательно на 10 милл. менѣе предыдущей цифры. Вслѣдствіе того размѣнный металлическій фондъ быстро и неуклонно возроставшій съ 1843 по 1847 г. (147 мил.) уменьшается въ 1849 года на 11 мил. (до 136,9). Общая масса кредитныхъ билетовъ въ обращеніи увеличившаяся въ 1848 году до 306,6 милл., снова уменьшается въ 1849 году до 300 мил. Такимъ образомъ дѣйствіе размѣна, несмотря на полное довѣріе публики къ кредитнымъ билетамъ, низвело ихъ обращеніе до цифры дѣйствительной въ нихъ потребности. Эту цифру 300 милл. мы имѣемъ полное право разсматривать какъ выраженіе дѣйствительной потребности, ибо свободный обмѣнъ билетовъ на монету и монеты на билеты былъ въ распоряженіи публики. Въ приведенномъ фактѣ можно было найдти указаніе и для будущаго, еслибъ имъ хотѣли только воспользоваться. Замѣтимъ здѣсь кстати одно не маловажное для насъ обстоятельство, — пространство времени, въ теченіи котораго обнаруживается дѣйствіе излишняго выпуска кредитныхъ билетовъ. Мы видимъ, что выпускъ 1848 г. имѣлъ вліяніе на размѣнъ не только этого года, но и слѣдующаго, и даже самое рѣшительное послѣдствіе выпуска принадлежитъ собственно 1849 году. Это доказываетъ намъ, что реакція денежнаго обращенія противъ избытка денежныхъ знаковъ оказывалась у насъ не слишкомъ быстро, а только по истеченіи нѣкотораго времени, какъ и должно быть, вслѣдствіе всѣхъ условій, географическихъ и экономическихъ, нашего отечества, а также вслѣдствіе самаго способа выпуска кредитныхъ билетовъ и системы ихъ размѣна и изъятія изъ обращенія. Объ этомъ мы будемъ говорить подробнѣе въ послѣдствіи.

Итакъ, съ окончаніемъ въ 1849 г. періода водворенія кредитныхъ билетовъ, количество ихъ въ народномъ обращеніи равнялось 300 милл. Время съ 1849 по 1852 г. (включительно) можно назвать самымъ цвѣтущимъ и *нормальнымъ періодомъ* въ исторіи нашихъ кредитныхъ билетовъ; это періодъ полнаго дѣйствія системы денежнаго обращенія, созданной гр.

Канкринымъ чрезъ введеніе намѣсто прежнихъ не размѣнныхъ бумажныхъ денегъ или ассигнацій—размѣнныхъ денежныхъ знаковъ: кредитныхъ билетовъ. Въ этомъ періодѣ обнаружились преимущества этой системы, въ сравненіи съ предыдущею системой государственныхъ ассигнацій, не было сдѣлано никакихъ существенныхъ злоупотребленій новой системы и потому еще укрывались ея слабыя стороны.

Въ этомъ періодѣ цыфры денежнаго обращенія представляются въ такомъ видѣ:

	Выпущено вновь въ обращеніе	Въ томъ числѣ за звонкую монету	Оставалось въ обращеніи къ концу года
1849	16,1 милліон.	13,7 милліон.	300,2 милліон.
1850	14,4 „	11,7 „	301 „
1851	16,5 „	15,4 „	303 „
1852	15,5 „	15,3 „	311 „

Ежегодные выпуски этихъ лѣтъ составляютъ почти одну и ту же цыфру; они изъ года въ годъ почти соотвѣтствуютъ взносамъ звонкой монеты [1] въ размѣнный фондъ, такъ что количество кредитныхъ билетовъ выпускавшееся безъ металлическаго покрытія весьма незначительно: оно составляло въ 1849 году 2,4 милл. въ 1850 — 2,7, а въ 1851 упало до 0,1 милл. (т.-е. до 100 тысячъ руб.) и въ 1852 г. до 0,2 (200 т. руб.) Количество кредитныхъ билетовъ предъявлявшихся къ размѣну было постоянно менѣе количества звонкой монеты, вносившейся въ обмѣнъ на билеты за исключеніемъ 1849 г.. въ которомъ, какъ мы сказали, еще дѣйствовалъ усиленный выпускъ предыдущаго года. Такъ:

	Внесено звонкой монеты въ обмѣнъ на билеты.	Предъявлено билетовъ къ обмѣну на звонкую монету.
1850	11,7	11,5
1851	16,4	14,2
1852	15,3	7,9

Такимъ образомъ пропорція количества звонкой монеты, внесенной въ обмѣнъ на кредитные билеты, къ количеству билетовъ, предъявленныхъ къ размѣну, дѣлалась съ каждымъ годомъ благопріятнѣе; общая масса билетовъ въ обращеніи

[1] Т.-е. монеты и слитковъ.

возросла съ 300 м. до 311. Такое приращеніе при дѣйствовавшемъ въ то время размѣнѣ мы можемъ, кажется, принять за нормальное, соотвѣтствовавшее внутреннимъ потребностямъ самого народнаго хозяйства и нормальнымъ условіямъ принятой системы денежнаго обращенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ какъ движеніе размѣна строго уравновѣшивало выпуски и не позволяло имъ, при самомъ безусловномъ довѣріи къ кредитнымъ билетамъ, переступать извѣстныя опредѣленныя границы.

Съ 1853 года начинается эпоха усиленныхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ; въ этомъ году положено первое начало къ превращенію кредитныхъ билетовъ снова въ государственныя ассигнаціи или въ способъ покрытія дефицитовъ по бюджетамъ. Хотя въ офиціяльныхъ отчетахъ этого года выпускъ 10 милл. кредитныхъ билетовъ объясняется необходимостію расширенія банковыхъ операцій или такъ-называемаго подкрѣпленія банковыхъ кассъ, а не потребностями государственнаго казначейства, но въ сущности, при дѣйствовавшей у насъ банковой системѣ, это было одно и то же [1]. Въ послѣдствіи, въ 1855 г., выпуски кредитныхъ билетовъ уже были прямо и открыто предназначаемы къ покрытію нуждъ государственнаго казначейства.

Цифры денежнаго обращенія въ этомъ новомъ періодѣ усиленныхъ выпусковъ представляются въ такомъ видѣ:

	Выпущено вновь въ обращеніе.	Въ томъ числѣ за внесенную звонкую монету.	Выдано звонкой монеты въ обмѣнъ на билеты.	Оставалось въ обращеніи къ концу года.
1853	38,5	29,5	26,2	333,4
1854	58,9	28,5	36,8	356,3
1855	215,1	15,1	64,9	509,1
1856	287,6	19,7	59,1	689,2
1857	74,1	12,8	30,3	735,2

И здѣсь мы видимъ, что первый усиленный выпускъ 1853 г. не тотчасъ обнаружился на размѣнѣ; хотя количество предъявленныхъ кредитныхъ билетовъ въ этомъ году почти

---

[1] Банковые вклады обращались на потребности государственнаго казначейства и потомъ, при востребованіи, выплачивались новыми кредитными билетами. Въ настоящей главѣ мы по необходимости вынуждены иногда касаться самаго *способа выпуска* кредитныхъ билетовъ въ обращеніе, хотя этому предмету будетъ спеціяльно посвящена третья глава.

въ четыре раза превышаетъ количество 1852 г. (внезапно поднявшись съ 7 мил. до 26), но и количество звонкой монеты внесенной въ обмѣнъ на билеты, также возросло и даже превышаетъ первое. Такимъ образомъ размѣнный фондъ въ 1853 г. не только возросъ (на 20 милл.), но и представлялъ самую высшую цифру 161,3 милліона и самую благопріятную пропорцію къ массѣ кредитныхъ билетовъ, какая когда-либо была до этого времени и послѣ. Можно сказать, что этому году принадлежитъ также высшая цифра кредитныхъ билетовъ въ обращеніи (333,4 м.), какая у насъ только была, при совершенно свободномъ дѣйствіи размѣна. Замѣчательно, что вслѣдъ за первымъ усиленнымъ выпускомъ размѣнъ былъ даже расширенъ, открытіемъ размѣнной кассы въ Москвѣ. Такъ велико было заблужденіе относительно безвредности усиленныхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ! Вслѣдствіе всего этого мы можемъ назвать 1853 годъ *кульминаціоннымъ годомъ* въ исторіи нашихъ кредитныхъ билетовъ, или поворотною точкой въ системѣ денежнаго обращенія, на нихъ основаннаго. Почти одновременно съ открытіемъ размѣнной кассы въ Москвѣ, воспрещается съ 1854 г. вывозъ золотой монеты за границу; послѣ этого размѣномъ уже пользовалась собственно только казна; для частныхъ лицъ онъ былъ затрудняемъ разными мѣрами и безпрестанно пріостанавливаемъ, пока къ концу 1856 г. не былъ вовсе закрытъ. Стѣсненія, которымъ подвергался размѣнъ, не позволяютъ уже, въ этомъ періодѣ, смотрѣть на обращеніе кредитныхъ билетовъ, какъ на обращеніе *размѣнныхъ* денежныхъ знаковъ, эти же стѣсненія объясняютъ, почему въ движеніи размѣна не было видно всѣхъ послѣдствій усиленныхъ выпусковъ, какіе бы должны были обнаружиться, еслибы размѣнъ былъ совершенно свободенъ. Въ этомъ можно убѣдиться при первомъ взглядѣ на вышеприведенныя цифры кредитныхъ билетовъ предъявленныхъ къ обмѣну на звонкую монету въ 1854, 1855 и 1856 годахъ. Эти цифры не имѣютъ ничего подобнаго себѣ во всѣхъ предыдущихъ годахъ; въ эти три года предъявлено всего къ размѣну 169,8 мил.; а вмѣстѣ съ 1853 г., во всемъ разсматриваемомъ четырехъ-лѣтнемъ (1853 по 1857 исключительно) періодѣ, 187 милліоновъ. Уже изъ этого можно заключить, до какихъ огромныхъ размѣровъ достигла бы эта цифра, еслибы размѣнъ былъ совершенно свободенъ. Впрочемъ, обстоятельство закрытія размѣна уже само по себѣ доказываетъ напоръ, кото-

рому стали подвергаться кассы отъ предъявленія билетовъ къ размѣну. Вмѣстѣ съ тѣмъ количество звонкой монеты, вносимой въ обмѣнъ на кредитные билеты, быстро падаетъ; все это количество заключается единственно въ той одной шестой металлической части, которую, по преданію, считали необходимымъ откладывать въ фондъ, при каждомъ выпускѣ. Но и это правило, основанное, впрочемъ, на чисто-бюрократической традиціи и не имѣющее никакого раціональнаго экономическаго основанія, не соблюдалось въ точности, ибо количество звонкой монеты, внесенной въ фондъ, составляетъ на всю сумму выпуска въ 1855 г. $^1/_{11}$ и въ 1856 году $^1/_{16}$ долю.

Съ 1857 г. мы уже теряемъ всякую возможность услѣдить въ движеніи размѣна противодѣйствіе со стороны денежнаго обращенія избытку денежныхъ знаковъ. Съ этого года размѣнъ безусловно прекращается, и мы вступаемъ въ періодъ насильственнаго курса и депреціаціи кредитныхъ билетовъ или въ періодъ лажа, продолжающійся до 1 мая 1862 года, когда начинается новая, современная намъ эпоха въ исторіи кредитныхъ билетовъ, эпоха возобновленія размѣна билетовъ на монету, и государственныхъ мѣръ, принятыхъ къ возстановленію ихъ цѣнности и къ регулированію всей нашей денежной системы. Вообще 1857 годъ служитъ гранью и во многихъ другихъ отношеніяхъ: въ этомъ году были прекращены выпуски билетовъ для покрытія государственныхъ расходовъ и принята важная мѣра, имѣвшая громадное вліяніе на наше денежное обращеніе въ его отношеніяхъ къ промышленности и торговлѣ: пониженіе банковыхъ процентовъ по ссудамъ и вкладамъ. Наконецъ, къ 1857 году относится высшая цифра (735 милл.) кредитныхъ билетовъ въ обращеніи, какая у насъ когда-либо была до этого времени и послѣ.

Принимая 1852 годъ за послѣдній въ періодѣ нормальнаго денежнаго обращенія, мы найдемъ, что съ 1853 по 1857 годъ (включительно) масса кредитныхъ билетовъ возросла съ 311 до 735 мил., то-есть на 136% или слишкомъ на 25% въ годъ. Сравнивая этотъ пятилѣтній періодъ съ предыдущимъ четырехлѣтнимъ, мы найдемъ, что съ 1849 по 1852 годъ масса билетовъ возрасла лишь на 3,6 %, то-есть возрастала менѣе чѣмъ ни одинъ процентъ (0,9 %) ежегодно. Итакъ, съ 1853 по 1857 количество денежныхъ знаковъ въ народномъ обращеніи увеличилось почти въ два съ полови-

ной раза и ежегодно возрастало на 25 процентовъ сверхъ того нарощенія (11 милліоновъ), которое въ пятилѣтнемъ періодѣ, при свободномъ движеніи размѣна, мы можемъ до нѣкоторой степени признавать [1] за нарощеніе естественное, соотвѣтствовавшее нуждамъ нашего народнаго хозяйства, увеличенію народонаселенія и развитію коммерческихъ оборотовъ. Такое страшное увеличеніе массы денежныхъ знаковъ въ странѣ не осталось безъ серіозныхъ послѣдствій. Избытокъ кредитныхъ билетовъ, не имѣя возможности обнаружиться ни въ размѣнныхъ кассахъ, которыя были закрыты, ни въ процентныхъ банковыхъ вкладахъ, отъ которыхъ пониженіе процентовъ оттолкнуло владѣльцевъ кредитныхъ билетовъ, этотъ избытокъ тѣмъ съ большею силой проявилъ свое дѣйствіе на народномъ производствѣ, на торговлѣ и кредитѣ. Прежде чѣмъ перейдти къ этимъ послѣдствіямъ экстренныхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ, мы должны взглянуть на цифры денежнаго обращенія въ послѣднемъ періодѣ съ 1857 по 1862 годъ.

Оставалось билетовъ въ народномъ обращеніи къ концу:

1858	года	644,6 мил.
1859	„	679,8 „
1860	„	713,0 „
1861	„	713,5 „

Значительное уменьшеніе цифры билетовъ въ обращеніи въ 1858 г. противъ 1857 г. произошло, какъ извѣстно, отъ сожженія 60 милліоновъ изъятыхъ вовсе изъ обращенія и отъ выдачи звонкой монеты на 31 милліонъ. За этимъ первымъ шагомъ къ уменьшенію массы денежныхъ знаковъ, послѣдовалъ въ 1859 году обратный шагъ. Въ этомъ году выпущено вновь въ обращеніе 61 милліонъ; въ томъ числѣ 50 милліоновъ, ничѣмъ не покрытыхъ, для подкрѣпленія банковыхъ кассъ, положеніе которыхъ вслѣдствіе пониженія процентовъ

---

[1] На основаніи опыта, сдѣланнаго въ пятилѣтіе съ 1848 по 1852 годъ, можно предположить съ достаточною достовѣрностію, что въ это пятилѣтіе потребность въ обращающихся бумажныхъ знакахъ увеличилась на 11 милліоновъ. Впрочемъ, въ безусловной вѣрности этого предположенія можно еще усумниться. Размѣнъ (какъ мы уже видѣли) не вдругъ обнаруживаетъ на себѣ послѣдствія излишнихъ выпусковъ. Потому, еслибы не было стѣсненій въ размѣнѣ 1853 г., то масса билетовъ, существовавшая въ 1852 году, можетъ статься уменьшилась бы до своего прежняго уровня 300 милл.

по вкладамъ и причиненнаго тѣмъ сильнаго востребованія вкладовъ, дѣлалось критическимъ, и 11 милл. въ обмѣнъ на казенные драгоцѣнные металлы. Въ 1860 году выпущено вновь 45,6, въ томъ числѣ только 7 милліоновъ въ обмѣнъ на казенные драгоцѣнные металлы. Наконецъ, къ 1 мая 1862 года, было всего въ обращеніи 707 милліоновъ кредитныхъ билетовъ. Въ этотъ періодъ звонкая монета поступала въ обмѣнъ на кредитные билеты только отъ правительства, и выдавалась также почти исключительно казеннымъ мѣстамъ и лишь отчасти частнымъ лицамъ, но послѣднимъ не по предъявленію билетовъ къ размѣну, а по усмотрѣнію правительственныхъ мѣстъ и лицъ, и потому безъ соотвѣтственнаго уничтоженія билетовъ поступавшихъ въ обмѣнъ на монету.

Итакъ, въ окончательномъ результатѣ, можно сказать, что масса кредитныхъ билетовъ, въ десятилѣтіе съ 1852 по 1862 годъ, возросла на 127% (съ 311 до 707 мил.) что̀ составляетъ 12,5% ежегоднаго наращенія, тогда какъ въ нормальный періодъ 1849—1853 года это ежегодное наращеніе равнялось 0.9%. Изъ этого выходитъ, что въ послѣднее десятилѣтіе масса кредитныхъ билетовъ въ народномъ обращеніи возрастала слишкомъ въ 12 разъ сильнѣе нежели въ эпоху нормальнаго денежнаго обращенія.

Этотъ краткій очеркъ движенія выпусковъ кредитныхъ билетовъ и денежнаго обращенія мы довели до 1 мая 1862 г. День этотъ составляетъ эпоху въ нашемъ денежномъ обращеніи, не только потому что съ него открытъ (впрочемъ только въ Петербургѣ) совершенно свободный размѣнъ кредитныхъ билетовъ на звонкую монету, безусловно пріостановленный съ 1857 года, и подвергавшійся разнымъ стѣсненіямъ уже съ 1854 года, и началось возстановленіе цѣнности кредитныхъ билетовъ, — этотъ день можно считать эпохою и относительно выпусковъ кредитныхъ билетовъ. Съ 1 мая 1862 г. новые кредитные билеты выпускаются въ народное обращеніе не иначе, какъ въ обмѣнъ на звонкую монету и на драгоцѣнные металлы, вносимые въ размѣнный фондъ казною и частными лицами; хотя это правило не было предметомъ особаго законодательнаго постановленія, но оно вошло въ общую систему основаній, на которыхъ открытъ размѣнъ, по указу 14 апрѣля 1862 г., и его можно считать неотъемлемою принадлежностію этой системы.

до тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, пока это правило не будетъ измѣнено какими-либо новыми распоряженіями правительства. До измѣненія всей системы денежнаго обращенія и до коренныхъ преобразованій въ отношеніяхъ экспедиціи государственныхъ кредитныхъ билетовъ и государственнаго казначейства къ государственному банку, нельзя, впрочемъ, ожидать измѣненій этого правила, и потому нынѣ (если не предполагать отступленій отъ принятаго правила) не могутъ быть вновь выпускаемы въ обращеніе кредитные билеты не покрытые соотвѣтствующимъ металлическимъ обезпеченіемъ въ размѣнномъ фондѣ. Новые кредитные билеты выпускаются теперь не иначе какъ по требованію частныхъ лицъ или казны, вносящихъ драгоцѣнные металлы въ обмѣнъ на кредитные билеты. Непокрытые выпуски были бы полнѣйшимъ нарушеніемъ принятой системы. Вслѣдствіе этого, съ 1 мая 1862 г., масса кредитныхъ билетовъ въ народномъ обращеніи колеблется единственно подъ вліяніемъ размѣна, увеличивается отъ прилива драгоцѣнныхъ металловъ къ размѣнному фонду, и уменьшается отъ требованія звонкой монеты въ обмѣнъ на билеты. Такимъ образомъ, съ 1 мая 1862 года, количество билетовъ въ обращеніи уменьшилось въ той же самой пропорціи, въ какой обмѣнъ билетовъ на монету превышалъ обмѣнъ драгоцѣнныхъ металловъ на билеты, и мы имѣемъ теперь въ обращеніи билетовъ на 650.895.362руб. [1] вмѣсто 707.063.666, бывшихъ 1 мая 1862 г.

Итакъ, въ періодъ времени съ 1858 по 1862 г., количество кредитныхъ билетовъ находящихся въ обращеніи, при всѣхъ своихъ колебаніяхъ, почти не измѣнялось. Сравнительно съ концомъ 1857 г. (735 милліон.), то-есть съ эпохою, въ которую было *самое большое количество кредитныхъ билетовъ въ обращеніи*, и когда приблизительно возникаютъ наши промышленныя и коммерческія потрясенія, количество обращенія уменьшилось къ началу 1862 г. (707 милліоновъ) на незначительную цифру 28 милліон., то-есть приблизительно на 3%. Наконецъ, нынѣ (къ 1 іюня 1863 г.) количество билетовъ въ обращеніи уменьшилось еще на 56 милліоновъ, а сравнительно съ 1857 годомъ на 85 мил. Сравнительно же съ 1853 г. (311 милліон.) нынѣ находится въ обращеніи (650 милліон.) болѣе чѣмъ вдвое кредитныхъ билетовъ,

---

[1] По счетамъ государственнаго банка къ 1 іюня 1863 г.

не считая 47 милліоновъ четырехъ-процентныхъ билетовъ, въ 1853 г. не существовавшихъ, и серій возросшихъ противъ 1853 г. въ огромной пропорціи.

Какъ же послѣ этого понять, что теперешнія наши промышленныя и коммерческія затрудненія приписываются иными *недостаточности денежныхъ знаковъ въ обращеніи?* Въ подтвержденіе подобнаго взгляда, между прочимъ, стараются доказать, что масса бумажныхъ денежныхъ знаковъ или орудій мѣны, которыми въ прежнее время, даже до усиленныхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ, располагали у насъ промышленность и торговля, была больше нежели въ эпоху нынѣшняго застоя въ дѣлахъ. Для выведенія такихъ сравнительныхъ цыфръ присоединяютъ къ массѣ кредитныхъ билетовъ всю массу *вкладныхъ* банковыхъ билетовъ, которые съ 1859 г. потеряли свою обращаемость, будучи консолидированы въ 5% банковые билеты или превращены въ новыя вкладныя свидѣтельства государственнаго банка, передаваемыя изъ рукъ въ руки не иначе какъ по трансферту въ книгахъ банка. Не отвергая, что прежнимъ *вкладнымъ* билетамъ государственныхъ кредитныхъ установленій были присвоены многія свойства дававшія имъ подобіе денегъ и кредитныхъ билетовъ, мы никакъ не можемъ считать ихъ наравнѣ съ бумажными деньгами, въ особенности съ нашими, выпускаемыми на самыя мелкія суммы. Вкладные билеты могли служить для платежей, но почти также, какъ всякая кредитная бумага и какъ всякій товаръ. Бумажныхъ цѣнностей, въ томъ числѣ, въ особенности, государственныхъ и частныхъ облигацій, выпускаемыхъ на предъявителя и, какъ извѣстно, весьма часто служащихъ для платежей,—въ прежнее время у насъ вовсе не было; масса этого рода бумагъ уравновѣшиваетъ нынѣ массу прежнихъ вкладныхъ билетовъ, тѣмъ болѣе что съ учрежденіемъ государственнаго банка и его конторъ, открылись у насъ новые платежные способы (текущіе счеты, чеки, переводы и проч.). Впрочемъ, мы не отвергаемъ, что часть прежнихъ вкладныхъ билетовъ имѣла у насъ обращеніе; но принявъ даже, что бо́льшая часть вкладныхъ билетовъ прежняго коммерческаго банка находилась въ обращеніи (самые рьяные защитники упомянутаго взгляда, кажется, не простираютъ своихъ исчисленій далѣе этихъ билетовъ), мы придемъ все-таки къ слѣдующимъ результатамъ:

	Билетовъ коммерч. банка.	Кредитныхъ билетовъ.	Всего.
1854	198 милл.	356 милл.	554 милл.
1857	241 —	644 —	885 — [1]

Мы готовы даже на сравненіе итоговъ 1858 года съ денежнымъ обращеніемъ послѣдующаго времени. Но къ массѣ билетовъ мы имѣемъ полное право присоединить билеты государственнаго казначейства (серіи) и четырехъ-процентные металлическіе билеты государственнаго банка, которые обладаютъ обращаемостью не только не меньшею чѣмъ прежніе вкладные билеты, но гораздо большею, и вслѣдствіе пріема въ казенные платежи, имѣютъ всѣ свойства денегъ или платежныхъ знаковъ. Серій было къ 1863 г. въ обращеніи 150 милліоновъ, а къ 1854 г. только 60 милліоновъ; четырехъ-процентныхъ металлическихъ билетовъ въ 1854 г. вовсе не было, а въ серединѣ 1862 г. дѣйствительно обращалось до 40 милліоновъ. Такимъ образомъ, мы можемъ все денежное обращеніе, совокупно съ кредитными билетами, опредѣлить въ 1862 г. приблизительно до 830 милліон., и слѣдовательно (сравнительно съ вышеприведенными итогами кредитныхъ и вкладныхъ билетовъ, а также и серій) ихъ было болѣе чѣмъ въ 1854 г. на 220 милліоновъ. Даже, сравнительно съ 1858 г., когда сумма вкладовъ доказывала только избытокъ денежнаго обращенія, и когда кризисъ уже обнаружился, денежное обращеніе 1862 года было менѣе лишь на 50 милліон. Таковы численные выводы, получаемые даже на основаніи тѣхъ ложныхъ началъ, какія принимаются защитниками мнѣнія, будто недостаточность денежнаго обращенія есть источникъ нашего кризиса и нынѣшнихъ затрудненій. Что касается до настоящаго времени, то обращеніе четырехъ-процентныхъ билетовъ, и въ особенности серій, какъ извѣстно, возросло. Ко всему этому должно присовокупить, что въ теченіи послѣднихъ десяти лѣтъ дробность кредитныхъ билетовъ удвоилась, а мелкость достоинства бумажныхъ денегъ есть не маловажное условіе ихъ проникновенія именно въ тѣ слои народнаго хозяйства (въ сдѣлки съ потребителями), гдѣ излишество денежныхъ знаковъ способно произвести наиболѣе потрясеній.

Представивъ числовыя данныя нашего денежнаго обраще-

---

[1] Эти цыфры должны, безъ сомнѣнія, доказывать противное, то-есть стремленіе избытка кредитныхъ билетовъ къ превращенію въ менѣе подвижныя и процентныя бумаги.

нія, мы переходимъ теперь къ послѣдствіямъ усиленныхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ съ 1853 по 1857 годъ. Мы видѣли, что усиленіемъ обмѣна кредитныхъ билетовъ на звонкую монету, денежное обращеніе боролось сколько могло противъ избытка денежныхъ знаковъ, до той поры пока этотъ путь не былъ прегражденъ закрытіемъ размѣна. У насъ существовалъ еще другой каналъ, по которому изливались изъ народнаго хозяйства излишніе денежные знаки—это вклады въ государственныя кредитныя установленія. Движеніе вкладовъ представляетъ несомнѣнные признаки излишества денежныхъ знаковъ, брошенныхъ на нашъ рынокъ. Извѣстно, что до 1857 г. вклады быстро накоплялась и достигли цифры 1.012 милліоновъ. Замѣчательно, что именно въ 1853 г. когда начались усиленные выпуски билетовъ, поступленіе вкладовъ, по всѣмъ банкамъ, вдругъ возросло на 44 милліона сравнительно съ 1852 г.; въ 1853 г. поступленіе вкладовъ превышаетъ востребованіе на 33 милліона, тогда какъ, въ 1852 г., это превышеніе составляло только 4 милліона. Въ 1855 и 1856 годахъ, послѣ самыхъ чрезвычайныхъ выпусковъ, были и самые сильные приливы вкладовъ.

Въ 1854 году вклады возросли на 24 милл.
— 1855 — — — — 52 —
— 1856 — — — — 78 —

Пріемъ вкладовъ въ государственныхъ кредитныхъ установленіяхъ былъ неотъемлемою принадлежностію, предохранительнымъ клапаномъ всей системы денежнаго обращенія, созданной съ учрежденіемъ кредитныхъ билетовъ. Въ 1857 г., съ пониженіемъ банковыхъ процентовъ, этотъ клапанъ былъ закрытъ, и вклады были искусственно погнаны изъ банковъ въ народное обращеніе. Эта мѣра не только самымъ могущественнымъ образомъ усилила дѣйствіе излишнихъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ на народное хозяйство, но и сама вынудила еще новые выпуски, какъ въ 1857 г., такъ и въ послѣдствіи. Пониженіе вкладныхъ процентовъ съ 4% на 3%, не соотвѣтствовало росту капиталовъ, существовавшему на денежномъ рынкѣ, и въ особенности не соотвѣтствовало тѣмъ огромнымъ прибылямъ, которыя въ то время, съ чрезвычайнымъ оживленіемъ промышленности, послѣ войны и умноженія денежныхъ знаковъ, отчасти получались въ разныхъ отрасляхъ предпріятій, отчасти ожидались, подъ вліяніемъ спекулятивной лихорадки. Попи-

женіе банковыхъ процентовъ, вмѣстѣ съ послѣдующимъ расширеніемъ свободы учрежденія акціонерныхъ компаній, дало самый сильный толчокъ тому промышленному и коммерческому движенію, которое началось у насъ съ конца восточной войны и разразилось потомъ всеобщимъ кризисомъ, продолжающимся и до сихъ поръ.

Необходимо имѣть передъ собою важнѣйшія черты нашихъ промышленныхъ и коммерческихъ обстоятельствъ съ восточной войны, чтобъ уразумѣть, въ какой мѣрѣ въ нихъ участвовали излишніе выпуски кредитныхъ билетовъ. Эти обстоятельства представляютъ двѣ совершенно противоположныя эпохи: первоначальнаго чрезвычайнаго оживленія дѣлъ и послѣдовавшаго затѣмъ застоя. Какъ оживленіе, такъ и застой совершенно безпримѣрны и не имѣютъ въ предыдущей исторіи нашего народнаго хозяйства ничего себѣ подобнаго.

Оживленіе промышленныхъ и коммерческихъ дѣлъ, съ окончаніемъ восточной войны, было для всѣхъ такъ очевидно, что нѣтъ надобности доказывать его. Но публикѣ извѣстны, большею частію, только поверхностные факты этого оживленія, далеко еще не составляющіе сущности движенія, причинившаго позднѣйшія потрясенія въ нашей промышленности и торговлѣ. Публика судитъ объ этомъ оживленіи преимущественно по той суматохѣ сангвиническихъ ожиданій и проектовъ, которая поднялась въ образованномъ классѣ съ окончаніемъ войны. Но это возбужденіе само по себѣ еще не привело бы къ тѣмъ кореннымъ, внутреннимъ затрудненіямъ, которыя поразили организмъ нашего народнаго хозяйства въ послѣднее время. Наконецъ акціонерная лихорадка, представляя маловажное явленіе въ нашихъ экономическихъ потрясеніяхъ, сама по себѣ еще не служила главнымъ признакомъ того внутренняго оживленія въ нашемъ народномъ хозяйствѣ, которое предшествовало нынѣшнему застою. Это оживленіе было гораздо болѣе глубокое и всеобщее нежели какъ обыкновенно думаютъ; оно обнаружилось преимущественно въ той области явленій, которая не привлекаетъ къ себѣ вниманія высшихъ образованныхъ классовъ.

Коренное оживленіе нашихъ промышленныхъ и коммерческихъ дѣлъ принадлежитъ къ 1854 — 1857 гг.. Оно началось еще

до заключенія мира. Оно проявилось чрезвычайнымъ усиленіемъ фабричной дѣятельности, преимущественно въ сѣверной промышленной полосѣ (въ особенности въ губерніяхъ Московской, Владимірской, Ярославской, Костромской), необычайною бойкостью оборотовъ на всѣхъ внутреннихъ ярмаркахъ, быстрымъ увеличеніемъ сбыта какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ мануфактурныхъ товаровъ и въ особенности предметовъ роскоши, какъ въ высшихъ, такъ и въ низшихъ классахъ. Апогей этого движенія, внутри Россіи, былъ въ 1855 и 1856 годахъ, о которыхъ рѣшительно всѣ участники нашей промышленной и коммерческой дѣятельности говорятъ какъ о *золотомъ времени*. И простые рабочіе, и фабричные, и фабриканты, и купцы всюду говорили намъ объ этомъ времени: „мы тогда озолотились.“ Фабрики не успѣвали изготовлять товары, которые быстро расхватывались; строились новыя фабрики и расширялись старыя; удвоивалось число рабочихъ часовъ, работали ночью; цѣны на всѣ товары и заработки росли непомѣрно. Несмотря на непрерывное возвышеніе цѣнъ, безпрестанно являлись, на всѣ фабрики и ко всѣмъ гуртовымъ продавцамъ товара, новые закащики и новые покупатели; люди, только что взявшіе товары, тотчасъ возвращались за новымъ товаромъ, расплачивались до срока, и если не было наличнаго товара, что̀ называется, на перебой заказывали въ сроки. Деньги были въ такомъ изобиліи, что всѣ дивились (говорили намъ коммерческіе люди именно въ этихъ выраженіяхъ) откуда ихъ было столько во всѣхъ рукахъ; не только не было вымогательствъ кредита, но напротивъ, были безпрестанные случаи расплаты за товары до сроковъ; товаръ былъ взятъ на шесть мѣсяцевъ, а черезъ три мѣсяца должникъ приходилъ уже расплатиться и забрать новый товаръ, да еще съ задатками. Всѣ денежные обороты совершались чрезвычайно легко и быстро; только что затраченные капиталы возвращались съ огромными барышами. Не только всѣми ощущалось изобиліе въ деньгахъ, но и въ капиталахъ и въ кредитѣ; капиталы, казалось, росли не по днямъ, а по часамъ и потому требовали расширенія существующихъ предпріятій и устройства новыхъ. Такъ было преимущественно въ 1855 и 1856 гг. Все нами сказанное взято изъ свѣдѣній, собранныхъ нами на разныхъ коммерческихъ и мануфактурныхъ пунктахъ, и многое записано почти со словъ практическихъ людей, разказывавшихъ намъ свои обстоятель-

ства безъ всякой мысли о какой бы то ни было теоріи, а иногда даже, напротивъ, съ мыслію разрушить нашу теорію, не имѣющую будто бы ничего общаго съ дѣломъ. Весьма немногіе практическіе люди соглашались, что во всемъ этомъ было хоть какое-нибудь участіе кредитныхъ билетовъ; мы можемъ даже положительно сказать, что нѣкоторые, и соглашаясь, дѣлали эту уступку не болѣе какъ въ видѣ учтивости въ разговорѣ съ нами.

Въ это время промышленнаго возбужденія сангвиническое расположеніе умовъ было такъ сильно, что весьма серіозные люди говорили, что мы не только не истощены войною, а, напротивъ, обогащены. Въ промышленность и спекуляцію бросились люди, которые до войны были совершенно имъ чужды; сверхъ чрезвычайныхъ барышей доставшихся людямъ изъ промышленнаго и коммерческаго класса, большія суммы денегъ очутились съ окончаніемъ войны въ рукахъ всякаго рода людей никогда не занимавшихся ни торговлею, ни промышленностью. Сюда относятся наживы отъ разныхъ операцій административныхъ и хозяйственныхъ, связанныхъ съ военными дѣйствіями, съ заготовками, подрядами и даже съ обыкновенною канцелярскою дѣятельностью по этимъ частямъ. Изъ неудачныхъ, въ военномъ отношеніи, турецкихъ походовъ, изъ опустошеннаго Крыма, изъ-подъ огнедышащихъ укрѣпленій Севастополя воротились въ Россію люди съ огромными состояніями; внезапное промышленное оживленіе увлекло всѣ эти состоянія; многіе бросились на новые пути, которые, какъ всѣмъ казалось, открывались передъ Россіей. О сбереженіи накопленнаго, о благонадежномъ помѣщеніи капиталовъ никто не думалъ; всѣ только и хлопотали о томъ, чтобы нажиться и обогатиться. Здѣсь слѣдуетъ упомянуть объ акціонерной лихорадкѣ и о связанномъ съ нею биржевомъ ажіотажѣ въ столицахъ. Акціонерное оживленіе началось позже внутренняго мануфактурнаго; оно достигло высшаго своего развитія въ 1857 и 1858 г. [1] Внезапное громадное развитіе акціонерной дѣятельности, въ которую бросились, очертя голову, люди изъ

---

[1] Въ 1856 г. основано было 6 компаній съ капиталомъ въ 15½ милл. Въ 1857 г. — 14 компаній съ капиталомъ въ 300 милл.; въ 1858 г. — 36 компаній съ капиталомъ въ 51 милл.; въ 1859 г. — 25 компаній съ капиталомъ въ 67 милл.

всѣхъ классовъ общества, доказываетъ, съ одной стороны, сангвиническое настроеніе преобладавшее въ то время въ умахъ, а съ другой стороны, быстрое накопленіе денежныхъ капиталовъ въ рукахъ людей, чуждыхъ промышленному и коммерческому дѣлу, чуждыхъ производительному употребленію капиталовъ.

Одну изъ крупнѣйшихъ особенностей эпохи промышленнаго оживленія, которую, во всей совокупности, должно отнести къ промежутку времени между 1854 и 1858 г., составляетъ чрезвычайное усиленіе потребленія во всѣхъ слояхъ общества. Это положительно доказывается легкостью сбыта отечественныхъ мануфактурныхъ товаровъ, бойкостью внутренняго ярмарочнаго торга, и возрастаніемъ ввоза иностранныхъ товаровъ въ 1856, 1857 и 1858 гг.[1]. Потребленіе преимущественно обратилось на предметы роскоши во всѣхъ классахъ общества; это не было возрастаніе потребленія, идущее рука объ руку съ успѣхами благосостоянія или правильнаго обогащенія; это было потребленіе на счетъ прибытковъ, внезапно пріобрѣтенныхъ, какъ бы случайныхъ и даровыхъ; и потому обратилось оно не на внутреннее улучшеніе быта, а лишь на мгновенное удовлетвореніе прихоти.

Послѣ промышленнаго оживленія настала другая эпоха, съ совершенно противоположными признаками: всеобщій промышленный и коммерческій застой, дающій положенію нашихъ дѣлъ, съ 1858 и 1859 гг., характеръ кризиса. Уже съ 1858 г. начинаются во внутреннемъ производствѣ и торговлѣ задержки, заминки, которыя въ 1859 г. превращаются, внутри Россіи, въ рѣшительный кризисъ. Съ начала этого года начинаютъ раздаваться жалобы на слабость сбыта, на накопленіе непроданныхъ товаровъ; съ 1858 г. начинаются плохія ярмарки, состояніе которыхъ съ тѣхъ поръ не улучшается, а съ каждымъ годомъ ухудшается. Хорошія ярмарки составляютъ съ тѣхъ поръ исключеніе (какъ напримѣръ крещенская ярмарка

---

[1] Ввозъ увеличился противъ предыдущаго года: въ 1856 г. на 38%; въ въ 1857 г. на 50%, и въ 1858 г. на 47%; въ 1859 г., когда начинается у насъ обратное движеніе въ дѣлахъ, ввозъ увеличился только на 4%; въ 1860 г. на 0%; въ 1861 г. на 4½%. Параллельно съ этими цыфрами отпускъ нашихъ товаровъ представляетъ совершенно противоположныя данныя; онъ увеличился въ 1856 г. на 10%; въ 1857 г. на 11%; въ 1858 г. на 0,7%; а въ 1859 г. на 9%. (Сравн. Тернера *Европейская торговля Россіи, Вѣкъ* 1861 г.)

1862 г.), подъ вліяніемъ особыхъ, случайныхъ обстоятельствъ. Акціонерный кризисъ обнаружился нѣсколько позже; начался въ 1859 г., и разразился окончательно въ 1860 г. Крушеніе акціонерныхъ компаній было бы излишне описывать: оно слишкомъ всѣмъ извѣстно; не многія изъ акціонерныхъ предпріятій уцѣлѣли,—почти исключительно тѣ, которыя существовали до войны. Мѣсто безграничнаго увлеченія акціонернымъ дѣломъ заступила или настоящая паника, или полнѣйшее равнодушіе. Но акціонерный кризисъ, какъ ни убійственъ былъ онъ для капиталовъ, какъ ни много сбереженій поглотилъ онъ въ себѣ безвозвратно, какъ ни много людей разорилось въ немъ окончательно, акціонерный кризисъ все-таки дѣйствовалъ болѣе или менѣе на поверхности общества и на верхушкахъ народнаго хозяйства. Во всемъ внутреннемъ его организмѣ произошли затрудненія гораздо болѣе глубокія, болѣе продолжительныя и болѣе опасныя. Какъ внутреннее промышленное оживленіе, о которомъ мы говорили, составляло главный характеръ первой эпохи испытаннаго нами переворота; такъ промышленный и коммерческій застой, поразившій наше народное хозяйство, во всѣхъ внутреннихъ центрахъ производительности и на всѣхъ внутреннихъ рынкахъ, представляетъ собою самую серіозную сторону второй или, лучше сказать, нынѣшней эпохи кризиса.

Затрудненія, испытываемыя нашею промышленностью и торговлею въ послѣдніе годы, заключаются въ совокупности явленій, діаметрально противоположныхъ тѣмъ, которыми отличалась эпоха промышленнаго возбужденія. Недостатокъ сбыта, накопленіе непроданныхъ товаровъ, трудность и медленность всѣхъ денежныхъ оборотовъ, высокій дисконтъ, невозможность отысканія капиталовъ за самые высокіе проценты и подъ лучшія обязательства, неоправданіе кредита людьми, въ прежнее время самыми благонадежными, всеобщее недовѣріе и наконецъ всеобщее *безденежье*, которое составляетъ главный и почти исключительный предметъ жалобъ во всѣхъ классахъ русскаго общества и на всѣхъ концахъ Россіи. Посреди этихъ затрудненій всѣ фабрики уменьшили свое производство; многія вовсе закрылись, и вездѣ произошли банкротства, въ числѣ которыхъ иныя разрушили самые прочные и знатные коммерческіе дома.

Мы старались изобразить нынѣшнее положеніе нашихъ дѣлъ въ самыхъ общихъ чертахъ, не вдаваясь въ подроб-

ности, которыя были бы излишни для нашей цѣли; полагаемъ однако, что сказанное достаточно вѣрно представляетъ общій характеръ экономическихъ затрудненій, посреди которыхъ мы находимся. Мы можемъ подтвердить наши слова всѣми свѣдѣніями, нами собранными, и показаніями самихъ коммерческихъ нашихъ людей [1].

Картина нашего экономическаго положенія была бы весьма не полна, еслибы мы не присоединили къ описаннымъ явленіямъ, взятымъ преимущественно изъ промышленнаго и коммерческаго міра, одного, чрезвычайно важнаго, и уже всеобщаго у насъ явленія, угнетавшаго, въ своемъ прогрессивномъ развитіи, и продолжающаго угнетать всю Россію. Мы говоримъ о *дороговизнѣ*. Съ восточной войны цѣны на всѣ товары, и преимущественно на жизненныя потребности, росли непомѣрно, нѣкоторыя почти удвоились [2]. Такимъ образомъ въ окончательномъ результатѣ, мы полагаемъ, что будемъ весьма близки къ истинѣ, если скажемъ, что главныя, преобладающія во всѣхъ нашихъ затрудненіяхъ, явленія суть: *безденежье* и *дороговизна*. На этихъ двухъ явленіяхъ сосредоточиваются всѣ жалобы; на первомъ преимущественно со стороны промышленныхъ и коммерческихъ людей, на второмъ со стороны публики. На этихъ явленіяхъ мы и остановимся, чтобы перейдти теперь къ объясненію изложенныхъ нами фактовъ.

При самомъ поверхностномъ взглядѣ на эти факты, дѣлается очевиднымъ участіе усиленныхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ въ потрясеніяхъ, какія испытало наше на-

---

[1] Сравн. также пренія въ политико-экономическомъ комитетѣ, существовавшемъ при Географическомъ Обществѣ, въ особенности рѣчи купцовъ (*Вѣкъ* и *Политико-эконом. указатель* 1861—62 гг.). Къ общимъ затрудненіямъ присоединились въ послѣднее время совершенно спеціяльныя по хлопчато-бумажному дѣлу.

[2] Сравн. Бунге *Замѣтки о современномъ экономическомъ кризисѣ Россіи* (*Журналъ для Акціонеровъ*, 1860 г.) и статьи: *Хозяйственныя замѣтки о Россіи* (*Русск. Вѣстн.* № 620) и *О кредитныхъ билетахъ* (*Вѣкъ* 1860 г.). Заготовительныя цѣны по военному министерству сравнительно съ періодомъ 1844—1853 г. возросли въ 1854—1858 гг. слѣдующимъ образомъ: муки на 28%, крупы 48%; въ 1859 г.—муки на 61%, крупы на 71%. Справочныя цѣны въ Петербургѣ возвысились въ 1852—1860 гг. сравнительно съ предыдущими годами вообще на 33%. Хлѣбъ, въ разныхъ губерніяхъ, опредѣляющихъ на него цѣны, возвысился въ 1860—61 гг. сравнительно съ 1849—53 на 52%.

родное хозяйство. Чрезвычайное оживленіе промышленныхъ и коммерческихъ дѣлъ внутри Россіи начинается именно въ 1854 г. послѣ первыхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ и достигаетъ высшей своей точки въ 1855 и 1856 гг параллельно съ самыми сильными выпусками. Избытки кредитныхъ билетовъ стали послѣ войны накопляться въ кредитныхъ установленіяхъ въ видѣ вкладовъ. Это еще противодѣйствовало до нѣкоторой степени сильнѣйшему возбужденію промышленныхъ и коммерческихъ дѣлъ. Но съ пониженіемъ процентовъ въ 1857 г., эти вклады выбрасываются на рынокъ, въ публичное обращеніе; они служатъ къ образованію безчисленнаго множества акціонерныхъ компаній и производятъ акціонерную лихорадку. Одновременность всѣхъ этихъ явленій не позволяетъ сомнѣваться въ существующей между ними связи и зависимости; но нѣкоторыя позднѣйшія явленія, которыми осложнились наши экономическія обстоятельства, затемнили дѣйствіе избытка денежныхъ знаковъ. Всего болѣе недоразумѣній возбуждаетъ всюду замѣчаемое у насъ и преобладающее во всѣхъ замѣшательствахъ нашей промышленности и торговли, такъ-называемое, *безденежье*. Этотъ послѣдній фактъ казалось бы находится въ прямомъ противорѣчіи съ избыткомъ денегъ. Опираясь на него, многіе видятъ даже главную причину болѣзненнаго состоянія нашего народнаго хозяйства, не только не въ избыткѣ, а *въ недостаткѣ денежныхъ знаковъ*. Во всякомъ случаѣ даже и тѣ, которые не высказываютъ такого крайняго мнѣнія, находятъ совершенное противорѣчіе между двумя одно подлѣ другаго существующими у насъ явленіями: *безденежьемъ*, или испытываемою всѣми скудостью въ денежныхъ средствахъ, трудностью найдти деньги,—и *дороговизною*, которая на языкѣ экономической науки должна означать, что количество денегъ въ обращеніи превосходитъ количество товаровъ, предлагаемыхъ въ обмѣнъ на деньги. Это противорѣчіе заставляетъ многихъ сомнительно говорить объ экономической наукѣ и, въ самомъ лучшемъ случаѣ, заподазривать ея состоятельность въ объясненіи экономическихъ явленій въ Россіи, имѣющей, какъ многіе выражаются, свои особенности отъ западной Европы, и потому представляющей вопросы неразрѣшимые наукой, возникшею на почвѣ намъ чуждой. Въ числѣ этихъ особенностей замѣчаютъ, между прочимъ, и направленіе, которое

приняли затрудненія нашего народнаго хозяйства, и которое вовсе не сходно съ коммерческими кризисами западной Европы. Въ этихъ кризисахъ за временнымъ возвышеніемъ цѣнъ на товары слѣдуетъ всегда паденіе цѣнъ, которое раззоряетъ возбудившуюся спекуляцію, производитъ банкротство и разрѣшаетъ кризисъ. У насъ напротивъ того остановка въ промышленныхъ и коммерческихъ дѣлахъ не привела къ паденію цѣнъ на товары. Посреди коммерческаго застоя и затрудненій въ сбытѣ, отъ которыхъ преимущественно страдаютъ фабрики и торговля, цѣны держатся на томъ высокомъ уровнѣ, до котораго дошли во время оживленія дѣлъ; застой въ сбытѣ и оборотахъ угнетаетъ фабрикантовъ и купцовъ, а дороговизна продолжаетъ угнетать всѣхъ потребителей. Такимъ образомъ нашъ кризисъ затянулся неслыханнымъ въ Европѣ образомъ, ничѣмъ не разрѣшается и какъ будто никогда не разрѣшится, угрожая обратиться въ постоянный, хроническій застой во всѣхъ дѣлахъ. Итакъ вотъ еще, повидимому, противорѣчіе съ положеніями науки, почерпнутыми, какъ говорятъ, изъ обстоятельствъ западной Европы, намъ совершенно чуждыхъ.

Мы должны постараться теперь примирить всѣ эти кажущіяся противорѣчія, вникнуть, дѣйствительно ли особенности одного нашего хозяйства ведутъ къ результатамъ не согласнымъ съ общими положеніями или объясненіями науки, и разъяснить на сколько въ этихъ особенностяхъ проявились общіе экономическіе законы денежнаго обращенія. Для этой цѣли мы не можемъ довольствоваться наружными признаками потрясеній въ нашемъ народномъ хозяйствѣ, а должны отдать себѣ полный отчетъ въ дѣйствіи усиленныхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ на наши промышленныя и коммерческія дѣла. Изъ этого анализа мы увидимъ, что въ изучаемыхъ нами явленіяхъ нѣтъ ни малѣйшихъ противорѣчій съ понятіями, выработанными наукой.

Чтобъ отдать себѣ ясный отчетъ въ дѣйствіи усиленныхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ 1853—1856 г. на наши промышленныя и коммерческія дѣла, мы должны сперва припомнить себѣ общія свойства, которыми обладаютъ деньги, какъ *орудіе мѣны*. Товаръ обмѣнивается на деньги, то-есть *продается*, лишь потому что деньги могутъ быть въ свою очередь обмѣнены на товаръ, то-есть потому что на деньги можетъ быть *купленъ товаръ*. Всякое количество денегъ,

въ чьихъ бы рукахъ оно ни находилось, есть въ то же время спросъ на товаръ, и этотъ спросъ непремѣнно долженъ проявиться въ ту или другую минуту. Безъ способности обмѣна на товаръ, безъ проявленія своей покупной силы, деньги, какъ деньги (въ томъ числѣ и звонкая монета, какъ деньги, а не какъ драгоцѣнный металлъ), не имѣли бы рѣшительно никакого значенія, никакой цѣнности для своего обладателя. Деньги сами по себѣ, безъ способности обмѣна на товаръ, ни къ чему не могли бы служить. Потому деньги, гдѣ бы онѣ ни находились, всегда одарены стремленіемъ обнаружить свою покупную силу; чѣмъ долѣе при всѣхъ равныхъ условіяхъ онѣ не обнаруживаютъ своей силы, чѣмъ долѣе онѣ лежатъ въ ожиданіи минуты, когда имъ придется проявить эту силу, тѣмъ обладаніе ими менѣе выгодно. Вмѣстѣ съ тѣмъ деньги вслѣдствіе самаго значенія своего какъ орудія, посредника мѣны, служатъ къ накопленію и сохраненію капитала, въ томъ смыслѣ, что онѣ позволяютъ какъ бы соединить въ одну массу разные товары, на которые онѣ были обмѣнены, и отсрочить обмѣнъ этихъ товаровъ на другіе (то-есть на тѣ которые будутъ куплены на эти деньги). Такимъ образомъ деньги являются представителемъ капитала и прямо называются капиталомъ и даже капиталомъ по преимуществу; но при этомъ не должно забывать, что деньги лишь въ томъ смыслѣ *представители капиталовъ*, что онѣ представляютъ собою тѣ дѣйствительные капиталы (извѣстное количество предметовъ, произведенныхъ трудомъ и капиталомъ и служащихъ къ удовлетворенію какихъ-либо потребностей), на которые деньги эти были вымѣнены или могутъ быть снова обмѣнены. Денежные капиталы суть капиталы по преимуществу лишь въ силу способности своей быть обмѣненными преимущественно предъ всякими дѣйствительными капиталами. Капиталы, представляющіе собою накопленный трудъ или сбереженіе произведеній труда, называются богатствомъ. Капиталы дѣйствительно богатство, ибо они усиливаютъ, въ видѣ матеріяловъ, орудій, накопленной пищи, производительность новаго труда, или позволяютъ, въ видѣ предметовъ способныхъ болѣе другихъ выдерживать дѣйствіе времени, наслаждаться произведеніями того же самаго количества труда, въ теченіи болѣе продолжительнаго времени. Въ этомъ смыслѣ и деньги богатство, но лишь потому что онѣ могутъ быть обмѣнены на дѣйствительные капиталы; денежные капиталы называются даже богатствомъ по преимуществу, но не иначе какъ въ

томъ смыслѣ, что они легче всякихъ другихъ могутъ быть обращены во всякіе дѣйствительные капиталы; въ этомъ смыслѣ денежные капиталы и называются *свободными* капиталами.

Масса кредитныхъ билетовъ явилась въ наше народное обращеніе вооруженная всѣми указанными свойствами денегъ. Всѣ эти свойства денегъ не замедлили оказать свое могущественное дѣйствіе, которое могло произвести и дѣйствительно произвело въ нашемъ народномъ хозяйствѣ явленія описанныя нами въ предыдущей статьѣ. При этомъ необходимо замѣтить, что бумажныя деньги обладаютъ указанными свойствами денегъ даже въ сильнѣйшей степени нежели металлическія, ибо послѣднія, независимо отъ своихъ денежныхъ свойствъ, имѣютъ еще свойства драгоцѣннаго металла, который можетъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, получить въ монетѣ какъ товарѣ значеніе, преобладающее надъ значеніемъ его какъ денегъ. *Покупная сила* должна дѣйствовать еще съ большею энергіей въ бумажныхъ деньгахъ нежели въ звонкой монетѣ,—ибо въ людяхъ есть всегда болѣе наклонности къ сбереженію и накопленію звонкой монеты нежели бумажной. Вслѣдствіе внутренней, всемірной цѣнности звонкой монеты, денежные запасы остающіеся долгое время безъ употребленія, хранятся всегда предпочтительно въ звонкой монетѣ нежели въ бумажныхъ деньгахъ. Далѣе, *представительство капиталовъ*, въ томъ смыслѣ, какъ мы его выше объяснили, со всѣми экономическими послѣдствіями, о которыхъ мы будемъ говорить, также проявляется во всей своей чистотѣ и силѣ только въ бумажныхъ деньгахъ; ибо звонкая монета, независимо отъ капиталовъ, которые она собою представляетъ, есть металлъ, который самъ по себѣ можетъ быть употребленъ въ издѣлія, какъ дѣйствительный вещественный капиталъ. Бумажнымъ же деньгамъ принадлежитъ безусловно *только представительство капитала*, и потому, безъ существованія дѣйствительныхъ капиталовъ внѣ бумажныхъ денегъ, онѣ совсѣмъ не имѣютъ экономическаго значенія дѣйствительныхъ капиталовъ.

Прослѣдимъ же движеніе всѣхъ этихъ денежныхъ свойствъ въ выпускахъ кредитныхъ билетовъ, покрывшихъ собою расходы восточной войны. Мы убѣдимся, что это движеніе должно было произвести чрезвычайныя потрясенія во всѣхъ промышленныхъ и коммерческихъ оборотахъ страны.

Можно сказать, что дѣйствіе покупной силы кредитныхъ

билетовъ съ 1853 года росло пропорціонально затрудненіямъ, которыя встрѣчали кредитные билеты съ 1854 г. къ размѣну на звонкую монету. Мы уже видѣли, что частію размѣномъ, частію помѣщеніемъ во вкладахъ, денежное обращеніе стремилось освободиться отъ избытка орудій мѣны, необходимое количество которыхъ опредѣляется всегда количествомъ существующихъ въ странѣ оборотовъ. Съ 1857 г., когда размѣнъ окончательно было закрытъ, и вклады были искусственно выгнаны изъ банковъ, избытокъ кредитныхъ билетовъ окончательно обнаружилъ свое дѣйствіе. Оно проявилось преимущественно въ образованіи акціонерныхъ компаній и въ торговлѣ акціями, когда оживленіе внутренней промышленности и торговли, произведенное выпусками кредитныхъ билетовъ, уже начинало приводить къ остановкѣ въ дѣлахъ, т.-е., ко второму изъ тѣхъ двухъ періодовъ движенія происшедшаго у насъ вслѣдствіе восточной войны, о которыхъ мы говорили въ предыдущей книжкѣ *Русскаго Вѣстника*. Періоду остановки въ дѣлахъ предшествовалъ, сказали мы, періодъ экономическаго оживленія. Что касается до этого необычайнаго *оэюивленія* въ фабричномъ производствѣ и во внутренней торговлѣ, то зависимость этого оживленія отъ свойства кредитныхъ билетовъ стремиться къ осуществленію своей покупной силы, совершенно очевидна. Масса выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ внезапно усилила спросъ на всѣ товары и притомъ вовсе не пропорціонально необходимости разныхъ родовъ товаровъ для человѣческихъ нуждъ. Такъ всегда внезапное обогащеніе денежными способами и цѣлой страны, и отдѣльнаго человѣка, сперва сопровождается усиленіемъ потребленія предметовъ менѣе необходимыхъ для человѣческаго быта, предметовъ роскоши и прихоти. Потребности роскоши, прихоти, вкуса, тщеславія, внѣшняго комфорта и въ каждомъ отдѣльномъ хозяйствѣ, и во всемъ организмѣ народнаго хозяйства, болѣе способны къ быстрому распиренію нежели потребности внутренняго быта, насущнаго довольства, ежедневнаго обихода. Привычки потребленія, связанныя съ первымъ родомъ потребностей, по самой ихъ природѣ, болѣе подвижны, менѣе зависятъ отъ преданій и сложившагося быта народнаго. Такъ было и у насъ: промышленное и коммерческое оживленіе, сопровождавшее выпуски кредитныхъ билетовъ, прежде всего усилило во всѣхъ клас-

сахъ общества непроизводительное потребленіе, спросъ на предметы прихоти, роскоши, вкуса. Это направленіе покупной силы кредитныхъ билетовъ отразилось на усиленіи отечественнаго фабричнаго производства и иностраннаго ввоза преимущественно въ тѣхъ отрасляхъ товаровъ, которыя соотвѣтствовали указаннымъ потребностямъ. Быстрому усиленію такого прихотливаго и до крайности непроизводительнаго потребленія содѣйствовало у насъ, кромѣ изложенной выше естественной экономической причины, еще одно особое обстоятельство, которое мы никакъ не должны упускать изъ виду и которое имѣетъ, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи, важное значеніе въ денежномъ обращеніи. Это—способъ и пути распространенія въ народѣ новыхъ денежныхъ знаковъ. Вслѣдствіе самаго способа выпуска въ народное обращеніе кредитныхъ билетовъ, какъ государственныхъ ассигнацій, на покрытіе государственныхъ расходовъ, они прежде всего попали преимущественно (хотя и не исключительно) въ руки людей, наименѣе привыкшихъ къ производительному употребленію капиталовъ, къ труду, къ коммерческимъ оборотамъ. По самому свойству каналовъ, которыми пошли въ обращеніе усиленные выпуски кредитныхъ билетовъ, болѣе нажились и обогатились отъ нихъ, въ первое время, люди, во всѣхъ классахъ общества, мало свыкшіеся съ производительнымъ трудомъ. Обогатились прежде всего чиновники, казенные подрядчики и коммиссіонеры, люди, промышляющіе всякими неправильными спекуляціями, искатели приключеній и проч., наконецъ вообще скорѣе люди достаточные и не знающіе цѣны деньгамъ, нежели массы людей недостаточныхъ и знающихъ правильные, коммерческіе денежные обороты. Эти каналы распространенія бумажныхъ денежныхъ знаковъ не мало способствовали въ первое время усиленію непроизводительнаго потребленія и запроса преимущественно на предметы роскоши. Каналы распространенія бумажныхъ денегъ, какъ государственныхъ ассигнацій, играютъ весьма важную роль въ послѣдствіяхъ излишнихъ выпусковъ. Это каналы *не коммерческіе*. Деньги тотчасъ поступаютъ изъ казны въ руки преимущественно потребителей, а отъ нихъ къ фабрикантамъ и купцамъ.

Итакъ, усиленный выпускъ кредитныхъ билетовъ оживилъ наши рынки, облегчилъ сбытъ разныхъ товаровъ и произвелъ промышленное и коммерческое возбужденіе. Внезапное

возрастаніе спроса на товары производитъ необходимымъ образомъ вздорожаніе товаровъ, чѣмъ тотчасъ пользуется спекуляція. Независимо отъ усиленія фабричнаго производства для удовлетворенія возраставшаго спроса на товары, спекуляція, въ виду дальнѣйшаго возвышенія цѣнъ, закупала и перекупала запасы товаровъ, заказывала и запродавала ихъ въ сроки, на кредитъ. Вслѣдствіе представительства капиталовъ, заключающагося въ деньгахъ, обиліе денежныхъ знаковъ производило во всѣхъ такое же ощущеніе, какъ обиліе капиталовъ, и на счетъ этихъ внезапно появившихся капиталовъ, расширялись обороты фабрикъ и торговцевъ всѣхъ категорій отъ гуртовыхъ до мелочныхъ, сооружались новыя фабрики и кидались въ коммерческія предпріятія люди, никогда прежде ими не занимавшіеся. Особенно оживился, какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, кредитный рынокъ. Кредитныя сдѣлки получили небывалое развитіе; легкость денежныхъ оборотовъ и полученій чрезвычайно усилила кредитность всѣхъ участниковъ фабричнаго дѣла и торга. Мы всюду слышали разказы о страшныхъ размѣрахъ, въ которыхъ всѣ пользовались кредитомъ именно въ эту пору. Съ помощью кредита купцы стали торговать на капиталы въ пять, десять разъ больше своихъ собственныхъ капиталовъ. Такимъ образомъ, въ періодъ возбужденія, всѣ кредитные фабричные и коммерческіе обороты усилились въ сравненіи съ предыдущею нормальною эпохой, еще больше чѣмъ наличныя сдѣлки. Благодаря легкости кредита, спросъ на товары, сбытъ и потребленіе ихъ, возрасли въ гораздо даже сильнѣйшей пропорціи нежели на сколько возросло денежное обращеніе отъ новыхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ. Дѣйствіе послѣднихъ было равно не только суммѣ новыхъ выпусковъ, но суммѣ появившихся наличныхъ денегъ, сложенной съ суммою кредитовъ, повсюду открывшихся единственно благодаря этимъ наличнымъ деньгамъ. Здѣсь мы должны упомянуть объ одномъ обычаѣ, сильно укоренившемся въ нашей внутренней торговлѣ и не вполнѣ согласномъ съ правильными коммерческими оборотами. Это—кредиты, открываемые потребителямъ. Этотъ обычай, между прочимъ, всегда былъ весьма распространенъ въ кругу провинціяльныхъ городовыхъ купцовъ и различныхъ странствующихъ разнощиковъ. Тѣ и другіе отпускали товаръ въ кредитъ помѣщикамъ, которые расплачивались съ ними на деньги, по истеченіи года, съ оконча-

ніемъ своихъ сельскихъ оборотовъ и по полученіи оброковъ, а иногда (съ городовыми купцами) расплачивались и сельскими произведеніями въ натурѣ: хлѣбомъ, шерстью. Въ прежнее время эти дѣла шли своимъ порядкомъ: ежегодно забиралось извѣстное, опредѣленное, обычное количество товаровъ, по цѣнамъ не быстро измѣнявшимся, и ежегодно производилась расплата изъ доходовъ, болѣе или менѣе вѣрныхъ и опредѣленныхъ. Ясно, какія потрясенія произошли въ этихъ сдѣлкахъ подъ вліяніемъ разнородныхъ обстоятельствъ, происшедшихъ послѣ восточной войны: сперва усилившійся противъ прежняго заборъ товаровъ, вздорожаніе ихъ, а потомъ коренное измѣненіе въ помѣщичьемъ хозяйствѣ и помѣщичьихъ доходахъ, чрезвычайное уменьшеніе доходовъ, при тѣхъ же на первое время расходахъ, потомъ по необходимости неисправность въ расплатѣ и сокращеніе потребленія,—вотъ эти обстоятельства. Мы положительно знаемъ какое вліяніе имѣли потрясенія въ описанныхъ сдѣлкахъ на уменьшеніе оборотовъ и полученій на всѣхъ нашихъ ярмаркахъ. Вообще распространенные у насъ кредиты потребителямъ, кредиты самые опасные и подверженные самымъ большимъ случайностямъ, и въ то же время самому быстрому расширенію, играли не маловажную роль въ потрясеніяхъ, испытанныхъ нашимъ народнымъ хозяйствомъ въ послѣднее время. Но возвратимся къ нашему изложенію.

Отправляясь отъ предметовъ роскоши и прихоти, покупная сила кредитныхъ билетовъ быстро распространялась на всѣ безъ изъятія товары, и производила всеобщее возрастаніе цѣнъ. Чѣмъ больше стало денежныхъ знаковъ, тѣмъ больше явилось охотниковъ все покупать. Новые денежные знаки стали переходить изъ однѣхъ рукъ въ другія, въ каждыхъ рукахъ производить спросъ на какой-нибудь товаръ, переходить изъ рукъ высшей публики, фабрикантовъ, капиталистовъ, въ руки рабочихъ классовъ и постепенно увеличивали потребленіе и спросъ по всѣмъ безъ изъятія товарамъ. Масса бумажныхъ денегъ, не находя для себя исхода, вслѣдствіе стѣсненій размѣна уже съ 1854 г. и полной неразмѣнности съ конца 1856 г., всюду бродила, всюду усиливала спросъ на товары и всюду возвышала ихъ цѣны. Деньги возвращавшіяся изъ оборотовъ съ необыкновенною быстротой и значительные въ первое время фабричные и коммерческіе барыши искали для

себя исхода или въ усиленіи потребленія, или въ новыхъ затратахъ на промышленные и коммерческіе обороты, или въ процентныхъ помѣщеніяхъ, въ банкахъ. Приливъ къ послѣднимъ замѣтенъ даже несмотря на духъ предпріимчивости и спекуляціи овладѣвшій въ то время всѣмъ русскимъ обществомъ, но излишки денежнаго обращенія были съ 1857 г. отброшены и отъ банковъ (вслѣдствіе уменьшенія процента, выдававшагося по вкладамъ), такъ что они по необходимости помѣстились въ новыя предпріятія. Теперь посмотримъ, что̀ съ другой стороны происходило въ нашемъ народномъ хозяйствѣ, въ то время какъ эта громадная масса 400 милл. билетовъ, брошенныхъ на наши рынки, обнаружила свою покупную силу, усилила спросъ и кажущимся образомъ внезапно обогатила страну на 400 милл. капиталовъ, на счетъ которыхъ усилились и создались разныя промышленныя предпріятія.

Самый выпускъ этихъ 400 милл. кредитныхъ билетовъ имѣетъ, можно сказать, такое же значеніе, какъ уничтоженіе 400 милл. капиталовъ, ибо эти 400 милліоновъ билетовъ представляли собою 400 милл. дѣйствительныхъ, вещественныхъ и умственныхъ капиталовъ, потребленныхъ безъ остатка на военныя дѣйствія. Но этими 400 милліонами капиталовъ, уничтоженныхъ безъ соотвѣтственной уплаты деньгами (заключавшихся въ предметахъ и услугахъ, закупленныхъ правительствомъ для войны), не ограничивается все количество капиталовъ потребленныхъ государствомъ на войну. Конечно, безъ всякаго преувеличенія можно оцѣнить по крайней мѣрѣ на такую же сумму 400 милл., ту гибель людей, вещей, матеріяльныхъ, умственныхъ и нравственныхъ силъ страны (рекрутскіе наборы, всякія натуральныя повинности и добровольныя пожертвованія, люди убитые и изувѣченные на войнѣ, опустошеніе театра войны, всякую исключительную и принудительную службу во время войны и проч.), которые пошли на войну безъ денежнаго вознагражденія отъ государства. Кромѣ того государствомъ было истрачено на восточную войну до 100 милл. капиталовъ, представляемыхъ внутренними и внѣшними процентными займами правительства въ эту эпоху. Итакъ, если мы опредѣлимъ уменьшеніе въ Россіи капиталовъ причиненное восточною войной, въ милліардъ рублей, то мы будемъ весьма близки къ истинѣ, и скорѣе ниже чѣмъ выше ея.

Вотъ при какихъ условіяхъ 400 милл. кредитныхъ билетовъ предъявили спросъ на товары, и явились представителями какъ будто новыхъ капиталовъ готовыхъ усилить разныя промышленныя предпріятія. Спросъ на капиталы и непроизводительное потребленіе ихъ чрезвычайно усилились именно въ то время, когда масса дѣйствительныхъ капиталовъ въ странѣ чрезвычайно уменьшилась. Сейчасъ послѣ громаднаго потребленія капиталовъ на самую войну, дѣйствительное количество ихъ стало убывать вслѣдствіе усиленія потребленія, о которомъ мы говорили. Потребленіе страшно усилилось, новыя предпріятія требовавшія новыхъ капиталовъ размножились, а между тѣмъ число дѣйствительныхъ капиталовъ значительно уменьшилось противъ прежняго. Происхожденіе и постепенное возрастаніе *дороговизны* совершенно очевидны посреди подобныхъ обстоятельствъ.

Между тѣмъ какъ спросъ на всякаго рода товары возсталъ непомѣрно, производство усилилось только по нѣкоторымъ, весьма не многимъ, отраслямъ, соотвѣтствовавшимъ тому усилившемуся потребленію предметовъ роскоши, о которомъ мы говорили. Такъ было во всѣхъ сферахъ торговли, начиная отъ самыхъ грубыхъ владимірскихъ красныхъ товаровъ и простонародныхъ галантерейныхъ издѣлій, до самыхъ утонченныхъ иностранныхъ товаровъ, ввозившихся для высшихъ классовъ. Усилились производство и обращеніе, а затѣмъ и накопились излишніе запасы лишь весьма не многихъ категорій товаровъ. Зашевелились эти товары и около нихъ всѣ промыслы связанные съ ихъ производствомъ, перевозкою и продажей, и это оживленіе имѣло видъ всеобщаго усиленія производства и торга. Между тѣмъ чрезвычайное увеличеніе производства нѣкоторыхъ отраслей товаровъ было — и не могло не быть — сопряжено съ привлеченіемъ къ этимъ отраслямъ рукъ, капиталовъ и кредита изъ всѣхъ прочихъ отраслей народнаго производства, которыя настолько же должны были ослабѣть, насколько оживились другія отрасли: такъ напримѣръ увеличеніе числа рабочихъ на одной фабрикѣ не могло иначе произойдти какъ на счетъ числа рабочихъ на какой-нибудь другой фабрикѣ или въ какой бы то ни было отрасли народнаго труда; такъ и вообще внезапное привлеченіе рабочихъ рукъ къ фабричному дѣлу

было сопряжено съ отвлеченіемъ ихъ отъ земледѣлія, домашнихъ или отхожихъ крестьянскихъ промысловъ, а равно и усиленіе всѣхъ элементовъ производства, всѣхъ категорій труда, капитала и кредита, въ нѣкоторыхъ предпріятіяхъ, было сопряжено съ отвлеченіемъ этихъ элементовъ отъ всѣхъ остальныхъ областей народнаго хозяйства. Такимъ образомъ промышленное и коммерческое оживленіе, предшествовавшее у насъ появленію кризиса, не только не могло сколько-нибудь возмѣстить всеобщую трату капиталовъ и уменьшеніе производства, происшедшія отъ войны, но было даже весьма вредно производительности, потому что причинило фальшивое усиленіе производства и фальшивое перемѣщеніе труда и капиталовъ изъ однихъ полезныхъ отраслей народнаго производства въ другія, менѣе полезныя. Усилилось производство предметовъ роскоши и прихоти на счетъ предметовъ первой необходимости, каковы вообще такъ-называемыя жизненныя потребности, и отчасти временно усилилось вообще производство фабричныхъ издѣлій на счетъ производства сырыхъ и земледѣльческихъ продуктовъ. А вновь возникшія предпріятія, подстрекаемыя чрезвычайнымъ возбужденіемъ духа предпріимчивости (преимущественно акціонерныя), повели къ огромной тратѣ капиталовъ или потребленію матеріяловъ, орудій, рабочихъ рукъ. Это быстрое перемѣщеніе труда и капиталовъ, это возмущеніе существующаго порядка во всемъ организмѣ народнаго хозяйства и нарушеніе гармоніи между разными его отраслями,—порядка и гармоніи медленно и исторически сложившихся соотвѣтственно естественнымъ народнымъ влеченіямъ и соотвѣтственно вліянію тарифа,—это явленіе есть уже само по себѣ зло, независимо отъ кризиса, неминуемо за нимъ слѣдующаго.

Все то, что̀ мы сказали о казавшемся усиленіи производства въ эпоху нашего внезапнаго промышленнаго оживленія, можетъ быть сказано обо всѣхъ подобныхъ эпохахъ. Всякое быстрое и чрезвычайное возбужденіе промышленности и торговли заключаетъ въ себѣ усиленіе производства по однимъ отраслямъ на счетъ другихъ и приводитъ непремѣнно къ накопленію на рынкахъ однихъ запасовъ товаровъ и къ недостатку другихъ, а въ общемъ результатѣ къ временному уменьшенію всего народнаго производства, необходимо связанному съ быстрымъ перемѣщеніемъ, отливомъ и приливомъ рукъ и капиталовъ отъ однихъ отраслей народнаго хо-

зяйства къ другимъ [1]. Въ этомъ смыслѣ должно понимать всякое предшествующее коммерческимъ кризисамъ такъ-называемое излишество производства (over-production, over-trading) и накопленіе товаровъ; *избытка производства* въ собственномъ смыслѣ этого слова, то-есть избытка производства противъ потребностей потребленія, никогда и нигдѣ не можетъ быть; всякое дѣйствительное возрастаніе производства въ странѣ непремѣнно будетъ поглощено потребленіемъ или сбереженіями (того, что̀ можетъ быть съ выгодой сберегаемо). Такъ-называемый избытокъ производства, сопровождающійся болѣзненными потрясеніями въ народномъ хозяйствѣ, доказываетъ напротивъ того недостатокъ производства въ странѣ, ибо когда происходитъ излишество въ предложеніи какого-нибудь товара, то-есть недостатокъ сбыта, то этотъ недостатокъ сбыта или спроса на товаръ доказываетъ не недостатокъ у потребителей желанія пріобрѣсти товаръ, а недостатокъ способовъ къ его пріобрѣтенію. Эти способы должны заключаться вообще въ какихъ-либо другихъ товарахъ, производимыхъ потребителями перваго товара и продаваемыхъ ими, то-есть, обмѣниваемыхъ на деньги для пріобрѣтенія на нихъ этого товара. Остановка въ сбытѣ и происходитъ отъ недостатка или ослабленія производства во всѣхъ остальныхъ отрасляхъ во время чрезвычайнаго оживленія производства въ какихъ-нибудь нѣсколькихъ исключительныхъ отрасляхъ, или одной. Такъ было и у насъ относительно товаровъ, накопившихся въ нѣкоторыхъ отрасляхъ вслѣдъ за промышленнымъ и коммерческимъ оживленіемъ внутри Россіи въ концѣ восточной войны и послѣ заключенія мира. Эти товары принадлежали къ разряду наименѣе нужныхъ намъ товаровъ.

Недостатокъ сбыта товаровъ по менѣе полезнымъ и исключительно оживившимся отраслямъ именно означалъ собою упадокъ производства по всѣмъ остальнымъ болѣе полезнымъ отраслямъ, то-есть, почти всей массы народнаго производства, упадокъ производства, причиненный какъ

---

[1] Срав. Wirth. *Geschichte der Handelscrisen.* Francfurt, 1858. Juglar, *Crises commerciales.* Курсель-Сенёля, *Банки*, рус. переводъ, С.-Петербургъ, 1862. Глава XII. Courcelle-Seneuil, *Traité d'économie politique.* Paris 1858. T. I, L. II, Ch. VI. J. S. Mill, *Principles of political economy*, Lond. 1857 V. II, B. III, ch. XII.

общею гибелью капиталовъ отъ восточной войны и усиленіемъ потребленія отъ выпусковъ бумажныхъ денегъ, такъ и самымъ привлеченіемъ рукъ и капиталовъ къ оживившимся отраслямъ. Потребленіе, временно усилившееся во всѣхъ классахъ общества, должно было быстро упасть, не только на прежній свой уровень, но даже ниже его, вслѣдствіе общаго упадка производства, доставлявшаго всѣмъ классамъ потребителей способы къ потребленію.

Кромѣ возбужденнаго временнымъ усиленіемъ потребленія оживленія отечественнаго производства и ввоза по нѣкоторымъ отраслямъ товаровъ роскоши и прихоти, у насъ было затѣяно много иныхъ предпріятій, преимущественно акціонерными компаніями, предпріятій, долженствовавшихъ усилить общее производство страны. Но всѣ этого рода предпріятія, за весьма немногими исключеніями (каковы отстроенныя частицы желѣзныхъ дорогъ), были, и до сихъ поръ находятся, только въ первомъ періодѣ своего хода, именно въ томъ періодѣ, который требуетъ затраты капиталовъ и обѣщаетъ усиленіе производства только въ будущемъ. Всѣ эти новыя у насъ предпріятія, начатыя въ преувеличенныхъ размѣрахъ, также какъ и возведеніе новыхъ фабрикъ, по старымъ отраслямъ производства, подвергшимся внезапному оживленію и спекуляціи, поглотили множество капиталовъ: одни предпріятія поглотили капиталъ безвозвратно, окончивъ банкротствомъ, другія ожидаютъ для своего продолженія новыхъ капиталовъ, третьи возвратятъ капиталъ или будутъ производительны и обогатятъ страну лишь въ отдаленномъ будущемъ. Наконецъ, что касается до новыхъ сбереженій капиталовъ, которыя могли быть сдѣланы рабочимъ классомъ, фабрикантами и купцами, озолотившимися во время промышленнаго оживленія въ 1855 и 1856 годахъ, то можно сказать безъ всякаго преувеличенія, что почти всѣ избытки этого времени, доставшіеся рабочимъ, были какъ всѣ внезапныя и чрезвычайныя прибыли, потрачены ими непроизводительно и нисколько не содѣйствовали коренному улучшенію благосостоянія рабочаго класса, а напротивъ вредно подѣйствовали на него въ нравственномъ отношеніи; временныя прибыли фабрикантовъ и торговцевъ возбудили духъ спекуляціи и азарта въ нашей промышленности и были поглощены позднѣйшими убытками; безъ сомнѣнія, весьма немногіе капиталы, вновь нажитые въ эту эпоху, уцѣ-

лѣли въ борьбѣ съ послѣдовавшею остановкой въ дѣлахъ. Конечно, нельзя отрицать существованія капиталовъ, сбереженныхъ на счетъ промышленныхъ и коммерческихъ оборотовъ перваго періода возбужденія, но такіе капиталы составляютъ ничтожную каплю въ общей сложности народнаго богатства и въ общей гибели капиталовъ.

Употребленіе большей или во всякомъ случаѣ значительной части промышленныхъ прибылей этой первой эпохи, сбереженныхъ въ рукахъ фабрикантовъ и капиталистовъ и увеличившихъ собою ихъ капиталы, было сопровождаемо неосмотрительностью и азартомъ. Прибыли, вслѣдствіе сангвиническаго настроенія эпохи, преувеличенныхъ ожиданій насчетъ продолженія и даже усиленія промышленной лихорадки, послужили преимущественно къ расширенію всѣхъ существовавшихъ предпріятій и заведеній и къ устройству новыхъ. Такимъ образомъ сбереженія пошли большею частію на усиленіе основныхъ капиталовъ (покупку земель, строенія, механическія приспособленія и проч.); даже для увеличенія основныхъ капиталовъ прибѣгали къ кредиту. Легкость кредита этой эпохи, неестественное пониженіе процентовъ платившихся кредиторами и высота промышленной прибыли, превосходившая всякій ростъ, казалось, обезпечивали возможность увеличенія или пріобрѣтенія оборотныхъ капиталовъ на счетъ кредита. Между тѣмъ, само собою разумѣется, что всѣ прибыли фабрикантовъ и купцовъ образовались вообще на счетъ оборотныхъ капиталовъ всей страны, и эти же оборотные капиталы переходили путемъ кредита ко всѣмъ оживившимся отраслямъ народнаго хозяйства. Всѣ новыя, создавшіяся у насъ въ эту эпоху, промышленныя предпріятія (въ особенности акціонерныя) потребовали огромныхъ затратъ въ основные капиталы; нѣкоторыя предпріятія, какъ мы уже говорили, и остановились на этихъ затратахъ, и многія изъ нихъ именно вслѣдствіе недостатка оборотныхъ капиталовъ. Наконецъ значительныя публичныя (преимущественно казенныя) сооруженія и работы и частныя постройки (отчасти съ промышленною цѣлію, каковы дома для отдачи въ наемъ, тоже преимущественно для непроизводительнаго употребленія вслѣдствіе всеобщаго возбужденія роскоши), въ особенности въ столицахъ, были также не болѣе, не менѣе какъ увеличеніе основныхъ капиталовъ страны на счетъ оборотныхъ. Этотъ переходъ капиталовъ изъ формы *оборотнаго*

и вообще болѣе движимаго въ форму *основнаго* и вообще болѣе недвижимаго капитала, есть одно изъ общихъ и важнѣйшихъ экономическихъ явленій эпохи, сопутствовавшей окончанію войны и заключенію мира и предшествовавшей второй эпохѣ затрудненій или кризиса; это явленіе, общее многимъ коммерческимъ кризисамъ, весьма болѣзненно отозвалось у насъ въ послѣдствіи и на отдѣльныхъ лицахъ, и на цѣлой странѣ. Возрастаніе основнаго капитала есть вообще успѣхъ въ развитіи народнаго хозяйства и благосостоянія, но дѣйствительнымъ успѣхомъ бываетъ оно лишь въ томъ случаѣ когда основные капиталы возрастаютъ на счетъ постепенныхъ нормальныхъ сбереженій, и когда они возрастаютъ рука объ руку съ оборотными капиталами. Въ противномъ случаѣ это недугъ и весьма опасный. При разрѣшеніи кризиса, болѣзненно раздувшіеся основные капиталы дѣлаются особенно тяжкимъ затрудненіемъ, ибо *вопервыхъ*, уменьшеніе производства можетъ быть сдѣлано тѣмъ скорѣе, легче и тѣмъ съ меньшими убытками, чѣмъ менѣе обширенъ основной капиталъ сравнительно съ оборотнымъ, и *вовторыхъ*, при всеобщемъ сжатіи кредита, когда возобновленіе кредитовъ дѣлается невозможнымъ, тогда въ особенности обременительны бываютъ основные капиталы, въ которыхъ форма затраты не можетъ быть такъ легко измѣнена какъ въ оборотныхъ капиталахъ и которые потому не могутъ быть пущены въ оборотъ.

Итакъ промышленное возбужденіе 1854—1858 годовъ нисколько не увеличило нашего народнаго производства, которое въ цѣломъ послѣ окончанія войны уменьшилось; оно не увеличило массы народныхъ капиталовъ и нисколько не могло вознаградить за огромную трату капиталовъ, причиненную отчасти войной, отчасти потребленіемъ усилившимся вслѣдствіе выпусковъ бумажныхъ денегъ; происшедшее при этомъ оживленіи передвиженіе капиталовъ было само по себѣ гибельно и увеличило съ одной стороны менѣе прочныя и менѣе полезныя предпріятія на счетъ болѣе полезныхъ и болѣе прочныхъ, а съ другой стороны массу основнаго народнаго капитала на счетъ оборотнаго.

Вслѣдствіе всего этого происхожденіе общаго факта *дороговизны* дѣлается явленіемъ совершенно необходимымъ. Дороговизна сама собою истекаетъ изъ всѣхъ описанныхъ нами обстоятельствъ народнаго хозяйства. Точно также достаточно объ-

ясняется этими обстоятельствами, почему дороговизна хотя быстро, но не внезапно у насъ появилась и постоянно возрастала; постоянное возрастаніе дороговизны дѣлается понятнымъ при постоянно возраставшемъ недочетѣ между потребленіемъ и производствомъ, между движеніемъ товаровъ и движеніемъ денегъ, между быстро возраставшимъ количествомъ денежнаго обращенія и быстро упадавшимъ количествомъ товаровъ и дѣйствительныхъ капиталовъ, передвигаемыхъ массою денегъ и ею представляемыхъ.

Прежде чѣмъ идти далѣе, намъ остается сказать, что это движеніе общей дороговизны товаровъ относительно денегъ не можетъ имѣть никакого другаго смысла кромѣ указанія на дешевизну денегъ или ихъ удешевленіе сравнительно съ періодомъ нормальнаго денежнаго обращенія до восточной войны. Но общій фактъ дороговизны и ея возрастанія еще не объясняетъ всѣхъ дальнѣйшихъ ея послѣдствій въ нашемъ народномъ хозяйствѣ. При одномъ фактѣ *валовой дороговизны* всѣхъ товаровъ относительно денегъ нельзя еще отвѣчать напримѣръ на вопросъ: какимъ образомъ дороговизна обратилась въ раззореніе производителей товаровъ, сдѣлалась источникомъ затрудненій для самихъ фабрикантовъ и торговцевъ? Чтобъ удовлетворительнымъ образомъ отвѣчать на этотъ вопросъ мы должны вникнуть въ самый процессъ движенія дороговизны.

Мы знаемъ, что жизнь въ нашемъ отечествѣ стала послѣ восточной войны дороже, знаемъ, что цѣны на всѣ товары вообще возвысились, но мы знаемъ также, что не всѣ цѣны *одинаково* возвысились и не всѣ *въ одно время* [1]. Эта *неравномѣрность* и *разновременность* въ движеніи цѣнъ на разные товары и причинили болѣзненныя потрясенія нашего рынка: дороговизна безусловно равномѣрная и одновременная относительно всѣхъ безъ изъятія товаровъ, сама по себѣ не можетъ производить тѣхъ жестокихъ потрясеній въ промышленности, торговлѣ и во всемъ народномъ благосостояніи, какія происходятъ отъ неравномѣрныхъ потрясеній въ цѣнахъ на разные товары.

Оставляя въ сторонѣ мѣстныя, случайныя и исключи-

---

[1] Уже въ предыдущей статьѣ, исторически описывая происшедшія у насъ экономическія обстоятельства, мы указали на неравномѣрное возвышеніе цѣнъ на разные товары и привели нѣсколько фактовъ этой неравномѣрности.

тельныя колебанія въ дѣлахъ, мы отмѣтимъ только самый общій характеръ движенія. Основываясь на всѣхъ извѣстныхъ намъ фактахъ и наблюденіяхъ (отчасти приведенныхъ выше), мы замѣчаемъ *вопервыхъ*, что посреди всеобщаго возрастанія у насъ дороговизны послѣ восточной войны, посреди этой общей наклонности цѣнъ къ возвышенію, проходили разныя болѣе или менѣе значительныя, отдѣльныя теченія по разнымъ категоріямъ товаровъ. Самое замѣтное изъ этихъ отдѣльныхъ теченій принадлежитъ вообще товарамъ роскоши и прихоти, которые, поднявшись въ цѣнѣ въ первую эпоху промышленнаго и коммерческаго возбужденія, въ послѣдствіи или остановились, или возвышались медленнѣе другихъ. Дороговизна всѣхъ вообще мануфактурныхъ товаровъ, послѣ быстраго движенія въ первую эпоху, возрастала все слабѣе и слабѣе, и можно сказать, рѣшительно остановилась. Самымъ лучшимъ доказательствомъ этого можетъ служить одно современное исключительное явленіе, какъ будто противорѣчащее нашимъ словамъ,—именно вздорожаніе въ самое послѣднее время цѣнъ на бумажныя издѣлія. Вздорожаніе это произошло, какъ извѣстно, отъ причинъ совершенно чуждыхъ нашимъ отечественнымъ обстоятельствамъ, слѣдовательно чуждыхъ и денежному обращенію. Но вникнувъ во взаимныя отношенія цѣнъ на разные сорты бумажныхъ издѣлій, мы найдемъ самыя очевидныя и любопытныя указанія на наши внутреннія обстоятельства. Такъ, если взять четыре главныя категоріи бумажнаго товара: хлопокъ, пряжу, миткаль и ситецъ, то мы найдемъ, что цѣны на хлопокъ въ Россіи поднялись гораздо медленнѣе и слабѣе чѣмъ за границей,—до такой степени медленнѣе и слабѣе, что еще въ 1862 г. осенью, какъ намъ положительно извѣстно, партіи хлопка были перепроданы отъ насъ въ Германію (даже изъ Москвы хлопокъ былъ отправляемъ назадъ за границу). Далѣе, сравнительно съ хлопкомъ, цѣны на пряжу поднимались еще медленнѣе и слабѣе, на миткаль еще медленнѣе, а всего слабѣе и медленнѣе — на ситецъ. Ситецъ (въ томъ числѣ мы разумѣемъ и всѣ окончательно окрашенныя и обдѣланныя бумажныя издѣлія) выдержалъ страшную борьбу на ярмаркахъ 1862 г., чему мы сами были свидѣтелями; нужны были неимовѣрныя усилія со стороны торговцевъ, чтобы сколько-нибудь возвысить цѣны на ситецъ, въ то время какъ

хлопокъ дорожалъ на иностранныхъ биржахъ не по днямъ, а по часамъ. Возвышенію цѣнъ на ситецъ противодѣйствовали запасы его, превосходившіе требованіе, и конкурренція торговцевъ старавшихся сбыть свои запасы и имѣть какую-нибудь выручку, при плохихъ полученіяхъ. Пропорція цѣнъ относительно стоимости (расходовъ производства) товара была меньше на миткаль чѣмъ на пряжу, и на ситецъ меньше чѣмъ на пряжу и миткаль. Если принять въ соображеніе одновременныя цѣны на хлопокъ, то ситецъ продавался рѣшительно въ убытокъ, хотя цѣна его и возвысилась. Такія отношенія цѣнъ на бумажныя издѣлія проявились во второмъ періодѣ нашихъ промышленныхъ обстоятельствъ слѣдовавшихъ за восточною войной, то-есть въ періодѣ остановки въ дѣлахъ; эти отношенія дѣлались каждый годъ ощутительнѣе, и хлопчато-бумажный кризисъ ихъ совершенно выяснилъ. Эти отношенія зависѣли: 1) отъ пропорціи предложенія товара, наличныхъ его запасовъ къ спросу на товаръ и связанныхъ съ тѣмъ и другимъ ожиданій, и 2) отъ степени обращаемости капитала (реализуемости, мѣноспособности, легкости высвобожденія питала изъ той или другой формы затраты) въ разныхъ категоріяхъ бумажнаго товара [1]. Такъ должно быть по теоріи и такъ (если и иными словами) объясняли намъ сами купцы. Въ началѣ, послѣ первыхъ признаковъ ослабленія требованія на ситецъ (по окончаніи самаго блестящаго періода 1855 и 1856 годовъ), цѣны его еще могли нѣсколько удерживать свою силу къ вздорожанію, благодаря спекуляціи, которая всегда задерживаетъ и замедляетъ обнаруженіе всякаго кризиса и тѣмъ самымъ дѣлаетъ послѣдствія его еще болѣе тяжкими, но чѣмъ дальше продолжались наши внутреннія затрудненія въ дѣлахъ, тѣмъ болѣе цѣны на ситецъ отставали отъ всеобщей нашей дороговизны. Мы нарочно взяли для примѣра бумажныя издѣлія, такъ какъ ихъ производство и торгъ ими составляютъ одно изъ крупнѣйшихъ проявленій,— если не самое крупное, во внутреннемъ промышленномъ возбужденіи, которымъ начались наши затрудненія. Что было съ бумажными издѣліями, то болѣе или менѣе было со всѣми мануфактурными товарами. Послѣ чрезвычайнаго оживленія сбыта, возвышенія цѣнъ и увлеченій спекуляціи, въ

---

[1] Въ этомъ смыслѣ купцы называютъ хлопокъ брилліантомъ, пряжу—золотомъ, миткаль—серебромъ и ситецъ—желѣзомъ.

первомъ періодѣ, дороговизна мануфактурныхъ товаровъ ослабла, уступая, съ одной стороны, страшной конкурренціи въ производствѣ и торговлѣ, съ другой стороны, упадку сбыта. Таково было движеніе цѣнъ на фабричныя произведенія и въ особенности на товары роскоши и прихоти, въ томъ числѣ и на всѣ матеріялы для ихъ фабрикаціи—таково было ихъ движеніе въ то самое время какъ неуклонно и прогрессивно возрастала дороговизна жизненныхъ потребностей, вообще сырыхъ продуктовъ и рабочихъ рукъ. Дороговизна въ этой категоріи не только не ослабла во второмъ періодѣ, а усилилась. Вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ напряженнымъ вліяніемъ спекуляціи, въ эпоху пробужденія предпріимчивости чрезвычайно усилившей спросъ на денежные капиталы, усилившей спросъ превыше даже внезапно возросшей наличности денежныхъ капиталовъ (какъ мы видѣли въ акціонерномъ ажіотажѣ), наемъ капиталовъ и кредитъ во всѣхъ своихъ видахъ начали дорожать. Денежные капиталы бросились изъ прежней колеи фабричныхъ и коммерческихъ оборотовъ на невѣдомые пути новыхъ промышленныхъ предпріятій, въ которыхъ, какъ мы уже говорили, капиталы и кредитъ были частію затрачены на долгій срокъ, частію погребены на вѣки. Во всякомъ случаѣ, возвышались ли цѣны на фабричныя издѣлія во второмъ періодѣ кризиса, или нѣтъ (нѣкоторые товары могли даже продолжать дорожать, другіе могли остановиться, иные наконецъ могли подешевѣть, что̀ и было дѣйствительно[1]), во всякомъ случаѣ, цѣны на товары не первой необходимости, цѣны на товары по всѣмъ отраслямъ производства и торговли, подвергшимся особенному въ первомъ періодѣ оживленію, *возвышались далеко несоразмѣрно съ дороговизною всѣхъ жизненныхъ потребностей и рабочихъ рукъ.* [2] Такое направленіе цѣнъ опре-

---

[1] Такъ напримѣръ цѣны на шерсть, и въ особенности на тонкую, непомѣрно подешевѣли въ 1862 г. Дешевизна предметовъ прихоти и роскоши можетъ быть совершенно не замѣтна для публики посреди общей дороговизны жизни, и въ особенности дороговизны жизненныхъ потребностей.

[2] Въ теперешнемъ изложеніи движенія цѣнъ, мы не касаемся самаго послѣдняго времени (1863 г.) въ которомъ обнаружились совершенно иныя потрясенія въ цѣнахъ, о чемъ и будетъ сказано ниже. Пока для насъ важенъ только самый переломъ между двумя періодами истекшими послѣ восточной войны, до открытія размѣна.

дѣлялось всѣми отношеніями предложенія и спроса, производства и потребленія въ разныхъ отрасляхъ народнаго хозяйства. Обстоятельства предложенія и производства товаровъ не первой необходимости уже сами по себѣ были менѣе благопріятны для возвышенія цѣнъ чѣмъ обстоятельства предложенія и производства товаровъ первой необходимости или жизненныхъ потребностей (въ общей сложности) и также предложенія рабочихъ рукъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, независимо отъ предложенія, условія сбыта принимали также совершенно противоположное направленіе для обѣихъ категорій. Спросъ на разные товары *сокращался* въ обратной пропорціи къ степени необходимости ихъ для жизни, т.-е. здѣсь, во второмъ періодѣ, проявился фактъ совершенно противоположный тому, который мы замѣтили въ первомъ періодѣ выпусковъ кредитныхъ билетовъ, когда въ обратной же пропорціи къ степени необходимости товара спросъ на него быстро расширялся; какъ быстрое движеніе дешевизны способно гораздо болѣе расширить сбытъ предметовъ роскоши чѣмъ жизненныхъ потребностей, такъ точно подъ вліяніемъ дороговизны быстрѣе сокращается сбытъ первыхъ чѣмъ вторыхъ; у насъ потребленіе предметовъ роскоши увеличилось искусственно, и тѣмъ легче оно сократилось, между тѣмъ какъ потребленіе жизненныхъ потребностей нисколько не уменьшилось, по крайней мѣрѣ сравнительно съ недавнимъ временемъ. Стѣснительность такихъ условій, въ которыя были поставлены всѣ непомѣрно оживившіяся отрасли производства и торговли, вновь возникшія предпріятія, болѣе же всего спекуляція, преобладавшая въ промышленныхъ и коммерческихъ операціяхъ первой эпохи, стѣснительность такихъ условій совершенно очевидна; остановка въ дѣлахъ была неминуема, и корень этого болѣзненнаго состоянія принадлежитъ эпохѣ предшествовавшей перелому, который самъ по себѣ есть не только не болѣзнь, а неизбѣжный переходъ къ выздоровленію или къ равновѣсію въ производствѣ и потребленіи. Итакъ общее движеніе дороговизны подорвало разчеты всѣхъ промышленныхъ предпріятій въ государствѣ; многія предпріятія, въ особенности новыя и затрачивавшія капиталы на долгое время, должны были окончательно погибнуть отъ недостатка оборотнаго капитала, сравнительно съ возраставшею дороговизной

Вслѣдствіе *неравномѣрнаго* движенія цѣнъ по разнымъ категоріямъ товаровъ и вслѣдствіе постоянно-усиливавшагося невыгоднаго отношенія стоимости товара (расходовъ производства) и конкурренціи наличныхъ запасовъ къ продажнымъ цѣнамъ и сбыту, *даже высокія цѣны на товаръ* (высокія сравнительно съ эпохою до войны или только высокія сравнительно съ каждымъ предыдущимъ временемъ) могли и должны были оказаться гибельными для производителей и торговцевъ. Для промышленности и торговли какія бы то ни было цѣны сами по себѣ ничего не значатъ, для нихъ важны (выгодны или невыгодны) только колебанія цѣнъ и взаимныя отношенія цѣнъ на разные предметы. Единственно на этихъ колебаніяхъ основаны всѣ разчеты спекуляціи; характеръ этихъ колебаній во всѣхъ тѣхъ отрасляхъ товаровъ, на которыя съ особенною алчностью бросилась наша спекуляція, именно долженъ былъ сдѣлаться для нея раззорительнымъ. Спекуляція не только закупаетъ единственно въ надеждѣ на возвышеніе цѣнъ, но она не боится даже сама произвести вздорожаніе товара, своими покупками и заказами, разчитывая на еще большее возвышеніе цѣнъ; поэтому спекуляція раззоряется не только при малѣйшей остановкѣ въ дальнѣйшемъ возвышеніи цѣнъ, а даже при нѣкоторомъ возвышеніи ихъ, но возвышеніи, отставшемъ отъ ожидавшагося. Для спекуляціи, дѣйствующей преимущественно на счетъ кредита, какъ всегда бываетъ въ эпохи напряженнаго оживленія рынковъ, самая незначительная копѣйка различія дѣйствительныхъ цѣнъ отъ цѣнъ ожидавшихся и баснословно выроставшихъ въ разгоряченномъ воображеніи спекулянта, дѣлается причиной неизбѣжнаго банкротства. Въ эпохи всеобщаго возбужденія рынковъ воображеніе бываетъ болѣзненно настроено къ ожиданію возвышенія цѣнъ; это настроеніе свирѣпствуетъ эпидемически, и ожидаемыя цѣны достигаютъ размѣровъ, никогда невозможныхъ въ дѣйствительности. При малѣйшей же наклонности дѣлъ къ перелому, малѣйшее, даже только кажущееся потрясеніе не только въ оборотахъ спекулянта, а въ его предполагаемыхъ ожиданіяхъ, быстро прекращаетъ возобновленіе кредитовъ, и банкротство можетъ объявиться наканунѣ самаго счастливаго исхода операціи.

Все нами сказанное *о колебаніяхъ цѣнъ на разные товары посреди движенія общей дороговизны* мы должны оконча-

тельно пояснить тѣмъ заключеніемъ, что въ общей дороговизнѣ движеніе цѣнъ происходило подъ вліяніемъ *удешевленія денегъ*, а въ колебаніяхъ цѣнъ, движеніе цѣнъ, то-есть вздорожаніе и удешевленіе товаровъ, зависѣло отъ условій, принадлежавшихъ самимъ товарамъ, отъ взаимныхъ отношеній спроса и предложенія товаровъ. Но и къ этимъ условіямъ присоединились обстоятельства, созданныя денежнымъ же обращеніемъ; какъ мы уже говорили, нѣкоторыя отрасли производства и торговли были сильнѣе возбуждены выпусками бумажныхъ денегъ сравнительно съ другими отраслями или сравнительно съ упадкомъ производства во многихъ иныхъ отрасляхъ; сюда относятся колебанія цѣнъ на мануфактурные товары и предметы роскоши, сравнительно съ сырыми продуктами и рабочими руками. Затѣмъ нѣкоторыя колебанія цѣнъ посреди всеобщей дороговизны происходили отъ причинъ совершенно чуждыхъ денежному обращенію и общему характеру времени, какъ напримѣръ колебанія въ цѣнахъ на хлѣбъ отъ дѣйствія урожаевъ и неурожаевъ, вздорожаніе бумажныхъ издѣлій въ послѣднее время отъ американскихъ событій и т. д.

Теперь объясняется само собою, почему накопленія нѣкоторыхъ товаровъ не произвели у насъ дешевизны ихъ, дешевизны, которою обнаруживаются обыкновенные коммерческіе кризисы въ Европѣ и которою они собственно разрѣшаются?

Въ отрасляхъ производства, подвергшихся особенному возбужденію и спекуляціи, накопленіе товаровъ возымѣло и у насъ свое дѣйствіе; среди общаго движенія дороговизны, цѣны на эти товары, сравнительно съ другими товарами и съ прежними своими цѣнами, остановились, а эта остановка равнозначительна паденію цѣнъ во всѣхъ коммерческихъ кризисахъ. Такой оборотъ въ цѣнахъ повелъ и у насъ къ перелому въ дѣлахъ, но этотъ переломъ, при обстоятельствахъ произведшихъ всѣ наши потрясенія, не могъ быстро возстановить положеніе дѣлъ, нарушенное не однимъ только возбужденіемъ производства и спекуляціи въ нѣкоторыхъ отрасляхъ, а глубокими потрясеніями во всѣхъ безъ изъятія частяхъ народнаго хозяйства, послѣдовавшими за восточною войной и разстройствомъ денежнаго обращенія. Ходъ нашего кризиса осложнился.

Избытокъ денежнаго обращенія, также нерѣдко сопровождающій коммерческіе кризисы, при неумѣренныхъ выпускахъ банковыхъ билетовъ (какъ было не разъ въ Америкѣ), не

могъ у насъ сократиться при поворотѣ въ дѣлахъ, такъ какъ наши бумажныя деньги не были размѣнны, подобно банковымъ билетамъ, а съ другой стороны не подверглись и обезцѣненію подобно билетамъ австрійскаго банка или ассигнаціямъ французской революціи. Съ 1854 г. по 1857 г. приливъ ихъ къ размѣннымъ кассамъ былъ всячески стѣсняемъ, притомъ взамѣнъ кредитныхъ билетовъ поступавшихъ въ кассы выпускались новые, а съ 1857 г. сокращеніе денежнаго обращенія путемъ размѣна было безусловно невозможно. Такимъ образомъ та быстрая реакція въ коммерческихъ оборотахъ, какую мы видимъ въ кризисахъ странъ, гдѣ существуетъ банковая система бумажнаго денежнаго обращенія, реакція идущая рука объ руку съ уменьшеніемъ денежнаго обращенія, сокращеніемъ учета векселей, выпусковъ новыхъ билетовъ и всѣхъ новыхъ кредитовъ и съ возвратнымъ поступленіемъ билетовъ въ банки по векселямъ и всѣмъ кредитнымъ полученіямъ вслѣдъ за обнаружившимся кризисомъ, такая реакція, быстро сжимающая коммерческіе обороты и производящая быстрое разрѣшеніе кризиса, была у насъ невозможностью. Число кредитныхъ билетовъ находившихся въ обращеніи, оставалось одно и то же до средины 1862 г. или почти до 1863 г., такъ какъ временное его сокращеніе въ 1858 (сожженіемъ 60 милл. кредитныхъ билетовъ) было возмѣщено съ слѣдующаго же года новыми выпусками. Вмѣстѣ съ тѣмъ, у насъ невозможны были и тѣ пособія, какія почерпаетъ торговля въ банковомъ кредитѣ послѣ серіозной минуты кризиса, когда уже пронеслась буря и очистился воздухъ. Эти отношенія торговли къ банковымъ операціямъ занимаютъ весьма важное мѣсто въ эпохи, подобныя нашей; мы ихъ ближе разсмотримъ въ послѣдствіи[1]. Хотя колебанія цѣнъ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности были для производителей равносильны паденію цѣнъ, но вслѣдствіе избытка неразмѣнныхъ денежныхъ знаковъ *общій уровень цѣнъ*, или дороговизна жизни, нисколько при этомъ не могъ понизиться. Этотъ высокій уровень, или всеобщая дешевизна денегъ, относительно товаровъ, т.-е. всего того что̀ вымѣнивается на деньги, высокій уровень сравнительно съ періодомъ до восточной войны, происходилъ отъ общаго отношенія количества денегъ въ обра-

[1] Этой сторонѣ денежнаго обращенія будетъ спеціяльно посвящена III глава настоящаго труда.

щеніи къ количеству денежныхъ оборотовъ. Здѣсь въ связи со всѣмъ предыдущимъ должно замѣтить, что дешевизна у насъ денегъ въ обращеніи кажется между прочимъ сомнительною еще потому, что она далеко не вполнѣ проявилась въ дешевизнѣ бумажныхъ денегъ сравнительно съ звонкою монетой или со всемірнымъ представителемъ денежной цѣнности, или другими словами, что она не проявилась въ полной *депрецiяцiи* (обезцѣненіи) кредитныхъ билетовъ; это обезцѣненіе было, какъ мы уже знаемъ изъ первой главы, ничтожно въ сравненіи съ общею дороговизной, т.-е., съ паденіемъ цѣнности кредитныхъ билетовъ въ обмѣнѣ на всѣ товары, исключая звонкую монету. Но именно вслѣдствіе сравнительно слабаго паденія кредитныхъ билетовъ относительно звонкой монеты, вслѣдствіе всѣхъ условій, изложенныхъ нами въ I главѣ, искусственно поддерживавшихъ хожденіе кредитныхъ билетовъ, они не имѣли выхода изъ обращенія и обнаруживали свой избытокъ сравнительно съ періодомъ до войны лишь высокими цѣнами товаровъ.

Только бумажные знаки *неразмѣнные* могутъ быть выпущены и оставаться въ обращеніи въ такомъ излишествѣ какъ были выпущены наши кредитные билеты, и только денежные знаки, которымъ присвоенъ принудительный курсъ и которыхъ принудительный курсъ поддерживается даже для иностранцевъ вліяніемъ на вексельный курсъ, могутъ при излишествѣ своемъ производить всѣ тѣ явленія, которыхъ мы были свидѣтелями.

Дешевизна и избытокъ денегъ подвергаются однако сомнѣнію преимущественно вслѣдствіе всѣми ощущаемаго въ послѣднее время *безденежья*, то-есть недостатка въ деньгахъ. Это послѣднее явленіе сдѣлалось, во второмъ періодѣ нашихъ экономическихъ обстоятельствъ послѣ войны, преобладающимъ и главнымъ, наружнымъ, для всѣхъ видимымъ, затрудненіемъ во всѣхъ дѣлахъ и въ жизни каждаго. Объясненіемъ смысла этого явленія, причинъ его и связи со всѣми явленіями, уже объясненными, мы можемъ дополнить сдѣланное нами изложеніе затрудненій, встрѣченныхъ торговлею и промышленностью во второмъ періодѣ, а также и выяснить одно изъ важнѣйшихъ противорѣчій и недоразумѣній, возбуждаемыхъ нашимъ экономическимъ положеніемъ. При этомъ однако не забудемъ, что это *безденежье* мы называемъ явленіемъ лишь въ видѣ уступки общеупотребитель-

ному способу выражаться: оно само по себѣ не явленіе, а только ощущеніе всѣхъ описанныхъ нами явленій.

Безденежье было именно то болѣзненное ощущеніе, какимъ сопровождались всѣ экономическія затрудненія послѣдняго времени. Поэтому анализъ тѣхъ фактовъ, которые подводятся подъ общее названіе безденежья, весьма для насъ важенъ. Мы не можемъ и намъ нѣтъ надобности перечислять все то, что̀ въ публикѣ называется безденежьемъ; на чрезвычайное безденежье жалуется и человѣкъ въ пухъ промотавшійся, и купецъ, которому никто не довѣряетъ ни одной копѣйки и, но всѣ мы очень хорошо знаемъ, что подобное безденежье могло быть и дѣйствительно было во всякое время и можетъ зависѣть единственно отъ личности мота и потерявшаго всякій кредитъ купца, а нисколько не отъ окружающихъ ихъ обстоятельствъ времени или бо́льшаго или меньшаго количества денегъ въ карманахъ людей подлѣ нихъ живущихъ. Мы не будемъ останавливаться на всѣхъ неизчислимо разнообразныхъ частныхъ случаяхъ, которые подводятся по вкусу каждаго человѣка, претерпѣвающаго какое-нибудь разстройство въ своемъ хозяйствѣ, подъ одну общую жалобу на безденежье, подобно тому, какъ въ эпохи распространенія тифозныхъ горячекъ, каждый больной, хотя и страдающій разстройствомъ пищеваренія или простудною лихорадкой, непремѣнно, и по собственному убѣжденію, а иногда и по убѣжденію врача, страдаетъ тифомъ, болѣзнію времени. Мы возьмемъ двѣ главныя группы явленій, называемыхъ безденежьемъ, или два главные его вида, подъ которые болѣе или менѣе подходятъ всѣ отдѣльные случаи, вызывающіе жалобы на безденежье. Подъ нихъ подойдутъ даже тѣ случаи частнаго или случайнаго безденежья, о которыхъ мы сейчасъ упомянули. Мы знаемъ, что хотя злостные и несчастные моты и банкруты, могутъ быть всегда и вездѣ, но въ извѣстныя эпохи ихъ бываетъ особенно много; также точно мы знаемъ, что хотя люди могутъ простудиться и разстроить желудки всегда и вездѣ, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ климата и пищи, но въ извѣстныя эпохи и въ извѣстныхъ мѣстностяхъ бываетъ особенно много случаевъ простуды и желудочнаго разстройства.

Необходимо прежде всего различить два совершенно различные рода случаевъ, въ которыхъ мы привыкли слышать жалобы на безденежье: *во-первыхъ* при недостаткѣ собствен-

ныхъ *наличныхъ* денегъ у лица, которому нужны деньги для покрытія своихъ расходовъ, *вовторыхъ* при трудности отысканія денегъ въ *кредитѣ*. То и другое можетъ относиться къ расходамъ жизни, къ способамъ содержанія каждаго отдѣльнаго лица, то-есть, вообще къ потребленію, или къ промышленнымъ и коммерческимъ оборотамъ, то-есть вообще къ производству. Разсмотрѣвъ отношеніе какое всѣ эти различные случаи, заставляющіе жаловаться у насъ на *безденежье*, имѣютъ къ количеству денегъ въ обращеніи, мы можемъ отдать себѣ ясный отчетъ въ смыслѣ этого явленія, и убѣдиться въ какой степени оно можетъ свидѣтельствовать о дѣйствительномъ недостаткѣ у насъ денегъ въ публичномъ обращеніи, недостаткѣ, который многіе съ необычайнымъ упрямствомъ хотятъ видѣть во всѣхъ упомянутыхъ случаяхъ.

Въ бюджетѣ каждаго частнаго хозяйства ощущается у насъ въ послѣднее время какъ бы *дефицитъ* сравнительно съ предыдущимъ временемъ. Характеръ дефицитовъ въ частныхъ бюджетахъ, а потому и причины каждаго изъ нихъ столько же различны, какъ источники и способы содержанія каждаго лица. Мы постараемся взять то, что̀ есть, въ ощущаемыхъ дефицитахъ, наиболѣе общаго и наиболѣе близкаго обстоятельствамъ всего нашего народнаго хозяйства.

Дефицитъ есть недочетъ въ доходахъ сравнительно съ расходами. Онъ зависитъ не отъ одной цифры доходовъ, а отъ ея отношенія къ цифрѣ расходовъ. Такъ при одинаковомъ доходѣ какъ прежде, и даже при доходѣ увеличившемся противъ прежняго, можетъ оказаться дефицитъ, если увеличилась сумма потребная на расходы. У насъ дефициты стали происходить отъ усиленія расходовъ, а не отъ пониженія доходовъ. Въ большей части случаевъ цифры доходовъ увеличились; это произошло отъ того, что доходы опредѣляются рублями, а рубль сталъ дешевле противъ прежняго. Цѣнность денежной единицы уменьшилась, а потому доходы весьма многихъ лицъ, которыя извлекаютъ свои способы жизни изъ своего труда или изъ своихъ промысловъ, должны были въ общей сложности выражаться въ большемъ количествѣ денежныхъ единицъ, но цѣнность этого количества для покрытія расходовъ жизни осталась въ общей сложности та же самая какая была и при гораздо меньшемъ количествѣ денежныхъ единицъ, выражавшемъ тѣ же доходы. Это ясно, но это еще не привело бы къ дефицитамъ: доходъ возросъ

въ точности соразмѣрно возрастанію расхода; слѣдовательно отношеніе дохода къ расходу осталось то же самое, какое было прежде. Если дороговизна стала ощущаться, и дефициты стали оказываться въ хозяйствѣ лицъ, доходы которыхъ увеличились, этому причиной было то направленіе, которое, какъ мы видѣли, приняла дороговизна. Не всѣ предметы вздорожали равномѣрно, развилось потребленіе, и вообще увеличились расходы. Доходъ увеличился номинально, — по счету денежныхъ единицъ, а въ сущности былъ тотъ же самый какъ прежде; расходъ же увеличился не только номинально, но и въ сущности. Всякій могъ замѣтить, что со времени войны увеличилась роскошь и расточительность. Всѣ стали жить шире, а между тѣмъ возросшее денежное обращеніе стремилось къ равновѣсію съ цѣнами товаровъ, и это-то стремленіе должно было отзываться для каждаго отдѣльнаго лица какъ бы уменьшеніемъ его денежныхъ способовъ; каждый невольно сравнивалъ свой бюджетъ со вчерашнимъ днемъ и не могъ не замѣтить что онъ имѣетъ меньше денегъ на свои расходы. Сравненіе каждаго отдѣльнаго бюджета съ періодомъ до войны привело бы къ иному результату; но воспоминанія о томъ богатствѣ, какимъ каждый болѣе или менѣе располагалъ тотчасъ послѣ войны, сдѣлались у насъ преобладающими при сравненіи съ противоположными ощущеніями послѣдующей эпохи. Что касается до всѣхъ лицъ получающихъ доходы въ размѣрахъ опредѣленныхъ до войны, каковы напримѣръ содержаніе по государственной службѣ или проценты по долговымъ обязательствамъ, по старымъ штатамъ и контрактамъ, то очевидно, что они безусловно имѣютъ менѣе денежныхъ способовъ; избытокъ денежнаго обращенія отражается только въ расходахъ ихъ, а не въ доходахъ. Доходъ ихъ не увеличился даже и номинально, а расходъ увеличился даже въ томъ случаѣ, если они не увлекались общимъ потокомъ и не начинали жить шире прежняго. Эти лица должны были всѣхъ болѣе жаловаться на безденежье. У нихъ въ шкатулкѣ стало оказываться гораздо меньше денегъ чѣмъ прежде, и каждый изъ нихъ, судя по своему личному опыту и по всеобщимъ жалобамъ на безденежье, приходилъ къ заключенію, что въ цѣломъ государствѣ стало меньше денегъ. Само собою однако разумѣется, что та или другая доля общей массы денегъ находящейся въ народномъ обращеніи, проходящая черезъ руки того или дру

гаго лица, еще ничего не доказываетъ относительно всей этой массы. Понятія людей объ этой массѣ, составившіяся лишь на основаніи тѣхъ или другихъ суммъ денегъ, вчера и сегодня имъ лично принадлежавшихъ, не могутъ имѣть здѣсь никакого значенія. А между тѣмъ такими понятіями, заимствованными изъ личныхъ обстоятельствъ, люди безпрестанно руководствуются въ своихъ сужденіяхъ по общимъ вопросамъ. Людей же склонныхъ заключать по дефициту своихъ денежныхъ способовъ о недостачѣ денегъ вообще для потребностей обращенія развелось у насъ весьма много вслѣдствіе того всеобщаго потрясенія въ частныхъ хозяйствахъ и имуществахъ и въ обычномъ, исторически сложившемся распредѣленіи богатства, т.-е. вслѣдствіе перемѣщенія и непроизводительнаго уничтоженія капиталовъ, которое произошло у насъ послѣ усиленныхъ выпусковъ кредитныхъ билетомъ. Къ этимъ потрясеніямъ присоединились многія другія уже не экономическія, но общественныя и политическія событія послѣдняго времени, которыя причинили значительное измѣненіе въ средствахъ всѣхъ классовъ нашего общества, въ относительномъ распредѣленіи между ними богатства, въ способахъ извлеченія доходовъ изъ разныхъ имуществъ, въ способахъ приложенія каждаго личнаго труда, въ относительной цѣнности разнаго рода дѣятельности. Тѣ которые были прежде богаты сдѣлались теперь бѣдны, то дѣло которое было прежде выгоднымъ стало теперь разорительнымъ и на оборотъ. Главное мѣсто въ событіяхъ, производящихъ этотъ экономическій переворотъ, занимаетъ конечно упраздненіе крѣпостнаго состоянія. Не останавливаясь однако на всѣхъ этихъ явленіяхъ или лучше *ощущеніяхъ* такъ-называемаго безденежья въ наличныхъ способахъ жизни разныхъ группъ русскаго общества или *потребителей*,—можно кажется сказать, что во всѣхъ этихъ ощущеніяхъ преобладаетъ одно явленіе — *ощущеніе дороговизны* постепенно болѣе и болѣе парализировавшей ощущеніе избытка денежнаго обращенія каждой предыдущей минуты. Это ощущеніе, повторимъ, есть послѣдствіе того всеобщаго экономическаго процесса, въ которомъ излишнее количество денежнаго обращенія приходило въ равновѣсіе съ количествомъ капиталовъ, подвергшихся у насъ быстрому перемѣщенію и въ общей сложности (какъ мы видѣли) уничтоженію; другими словами, это явленіе есть ближайшее послѣд-

ствіе общаго кореннаго явленія, — движенія къ равновѣсію между потребленіемъ излишне расширившимся и производствомъ отставшимъ отъ потребленія.

Количество средствъ, которое *представляла* собою, для каждаго обладавшаго имъ лица, извѣстная *нарицательная масса* капитала, находившагося въ его распоряженіи, ежедневно уменьшалось вслѣдствіе дороговизны, т. е. уменьшался дѣйствительный капиталъ, которому этотъ чисто нарицательный капиталъ соотвѣтствовалъ, и такимъ образомъ можно сказать, что количество денегъ дѣлалось меньше въ смыслѣ уменьшенія дѣйствительной цѣнности нарицательнаго капитала представляемаго денежными знаками и на нихъ надписаннаго. Если наставшее для всѣхъ безденежье, въ способахъ жизни что-нибудь означаетъ, такъ оно означаетъ это, т. е. *дороговизну капиталовъ сравнительно съ дешевизной денегъ.*

Мы говорили до сихъ поръ о безденежьѣ, какъ объ ощущеніи *потребителей;* то же самое явленіе происходитъ и въ томъ наличномъ безденежьѣ, которое стало угнетать всѣ промышленные и коммерческіе обороты и на которое жалуются уже *производители*, а не потребители. Очевидно, съ возростающею дороговизною каждое промышленное предпріятіе требуетъ бо́льшаго количества денегъ для своего совершенія, и количество денежныхъ единицъ представляющихъ собою оборотный капиталъ предпріятія ежедневно становится менѣе и менѣе достаточнымъ для покрытія всѣхъ расходовъ производства. Но при обыкновенной, всеобщей дороговизнѣ возрастаніемъ продажныхъ цѣнъ уравновѣшивается возрастаніе покупныхъ цѣнъ или расходовъ производства и потому въ окончательномъ результатѣ всѣхъ операцій не должна чувствоваться убыль въ деньгахъ. У насъ же было иначе, а почему было иначе, это должно быть ясно изо всего того, что̀ мы говорили о движеніи цѣнъ.

Что̀ заставляетъ фабрикантовъ жаловаться на безденежье? Что̀ какъ не сокращеніе сбыта во всѣхъ чрезмѣрно оживившихся отрасляхъ промышленности и торговли, накопленіе товаровъ, остановка въ превращеніи ихъ въ деньги, и вмѣстѣ съ тѣмъ кажущійся, при этомъ упадкѣ сбыта, недостатокъ наличныхъ денегъ у потребителей и покупщиковъ, а потому и у продавцовъ? Но мы уже знаемъ, что всѣ эти признаки безденежья доказываютъ только поворотъ въ направ-

ленiи денегъ отъ однихъ товаровъ къ другимъ, сокращеніе чрезмѣрно расширившагося потребленія предметовъ роскоши и прихоти, отчасти перемѣщеніе денегъ въ распредѣленіи ихъ между потребителями; все это, конечно, ни мало не доказываетъ недостаточнаго количества денегъ въ обращеніи. Слабость сбыта замѣчается, между прочимъ, въ особенности, въ такъ-называемыхъ во внутренней торговлѣ *панскихъ товарахъ*; было бы несправедливо объяснять ее исключительно реформой крестьянскаго быта: она произошла отъ реакціи, естественно послѣдовавшей за неправильнымъ расширеніемъ потребленія предметовъ роскоши, случившимся именно въ то время, когда мы въ дѣйствительности, вслѣдствіе войны, стали бѣднѣе. При нормальномъ ходѣ дѣлъ, потребленіе должно бы сократиться во время войны, а у насъ, благодаря бумажнымъ деньгамъ, оно именно во время войны чрезвычайно расширилось. Мудрено ли, что сила вещей взяла свое, и что мы принуждены были наконецъ сократить наше расточительное потребленіе? Это произошло бы и безъ крестьянской реформы, которая могла только ускорить ходъ дѣла.

Далѣе, сильное побужденіе къ жалобамъ на безденежье, особенно въ промышленномъ и коммерческомъ классѣ, заключается въ трудности отысканія денегъ *въ кредитъ*, то-есть во второй изъ двухъ категорій, на которыя мы раздѣлили ощущенія *безденежья*. Чрезвычайный упадокъ предложенія кредитныхъ денежныхъ капиталовъ сравнительно съ спросомъ на нихъ заставляетъ всего болѣе отрицать излишество денежныхъ знаковъ, находящихся въ обращеніи; многіе начинаютъ сомнѣваться даже въ достаточности денежныхъ знаковъ обращающихся у насъ и желаютъ новыхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ.

Представленное нами описаніе хода нашихъ дѣлъ съ конца восточной войны, дѣлаетъ, кажется, очевидными какъ несостоятельность общаго движенія, возбужденнаго въ первомъ періодѣ выпускомъ кредитныхъ билетовъ, такъ и въ частности несостоятельность промышленной и коммерческой дѣятельности въ нѣкоторыхъ, особенно оживившихся, отрасляхъ и въ особенности во всѣхъ предпріятіяхъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ единственно этой искусственной возбужденности эпохи. Изложенныя нами экономическія условія, посреди которыхъ возникло это промышленное оживленіе, достаточно объясняютъ такую несостоятельность.

Первыя неудачи въ промышленныхъ и коммерческихъ операціяхъ въ особенности быстро и сильно должны были подѣйствовать на *кредитныя сдѣлки*. Элементъ кредита или довѣрія въ общемъ смыслѣ этого слова занимаетъ важное мѣсто въ хозяйствѣ всякаго сколько-нибудь образованнаго народа и обусловливаетъ собою, невидимымъ образомъ, всякое движеніе каждаго участника промышленности и торговли; этотъ элементъ довѣрія удивительнымъ образомъ ростетъ въ цвѣтущія эпохи и улетучивается въ эпохи упадка. Точно также и кредитныя сдѣлки въ тѣсномъ смыслѣ этого слова или всякаго рода операціи и условія на срокъ во всякое время и вездѣ весьма многочисленны, а при сколько-нибудь благопріятныхъ обстоятельствахъ способны къ чрезвычайному расширенію и размноженію. Мы уже сказали, что онѣ получили у насъ небывалые размѣры въ періодъ промышленнаго возбужденія. При первыхъ явныхъ признакахъ общей остановки въ дѣлахъ, при первыхъ частныхъ случаяхъ неоправданія кредита, которымъ воспользовалось къ тому же множество недостойныхъ и неспособныхъ лицъ,—кредитъ началъ быстро *сжиматься*. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что въ кредитныхъ сдѣлкахъ разъ начавшаяся остановка способна къ несравненно болѣе быстрому распространенію нежели остановка въ наличныхъ сдѣлкахъ, ибо каждая кредитная сдѣлка непремѣнно находится въ связи съ какими-нибудь другими ею произведенными (по крайней мѣрѣ съ одною), между тѣмъ какъ сдѣлка на наличныя есть операція сама въ себѣ законченная и не связанная непремѣнно съ другою. Страшное паденіе кредита въ послѣднее время есть, впрочемъ, фактъ всѣми сознаваемый, и намъ остается только сказать почему этотъ фактъ самъ по себѣ способенъ производить въ людяхъ, отъ него страдающихъ, ощущеніе *безденежья*, и почему онъ въ то же время нисколько не можетъ свидѣтельствовать о дѣйствительности безденежья, то-есть о недостаткѣ денегъ въ обращеніи. Прежде всего припомнимъ, что при всемъ чрезвычайномъ возрастаніи предложенія денежныхъ капиталовъ въ кредитъ (послѣ выпусковъ кредитныхъ билетовъ), спросъ на кредитъ и въ особенности надежда и разчетъ на него, подъ вліяніемъ спекуляціи и промышленнаго напряженія, возросли гораздо выше предложенія денежныхъ капиталовъ; усиленные выпуски бумажныхъ денегъ или искусственное увеличеніе представите-

лей денежныхъ капиталовъ на рынкѣ, способны при благопріятныхъ обстоятельствахъ дать еще болѣе обширное развитіе кредитнымъ сдѣлкамъ нежели наличнымъ. Когда являются на рынкѣ деньги для покупки какого-нибудь товара, то соискателями этихъ денегъ будутъ только люди имѣющіе этотъ товаръ, а когда предлагаются деньги въ кредитъ, то кто же не является соискателемъ? Такъ было и у насъ. Не только съ сжатіемъ кредита, но и гораздо раньше, нашлось достаточно предпріятій и людей, которыхъ виды и разчеты на пользованіе кредитомъ выходили изъ всякихъ границъ возможнаго; весьма естественно, что въ неудовлетвореніи своихъ желаній они отчасти искренно видятъ, отчасти только обвиняютъ недостатокъ денегъ въ обращеніи, тѣмъ болѣе что они помнятъ какъ первоначальное чрезмѣрное изобиліе денежныхъ знаковъ, послѣ ихъ выпуска, облегчило всѣ кредитныя сдѣлки и какъ множество людей, не болѣе ихъ достойныхъ кредита, широко воспользовались имъ. Далѣе въ эпоху возбужденія промышленности и кредита, сопровождавшую выпуски кредитныхъ билетовъ, масса людей, участвующихъ въ промышленныхъ и коммерческихъ операціяхъ, дѣйствительно воспользовалась кредитомъ въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ кредитъ, послѣ прекращенія выпусковъ, сдѣлался для однихъ очень труденъ, для другихъ же сталъ вовсе недоступенъ. Далѣе чрезвычайное развитіе нѣкоторыхъ отраслей промышленности и торговли, и возникновеніе совершенно новыхъ въ эпоху возбужденія, сопряжено въ общей сложности съ возростаніемъ въ странѣ требованія на кредитъ, которымъ исключительно нѣкоторыя предпріятія силились и силятся держаться и отсрочить обнаруженіе своей несостоятельности. Далѣе, всеобщая дороговизна, какъ мы уже сказали, требовала, въ одно время съ сжатіемъ кредита, все большей и большей нарицательной денежной суммы кредита для каждаго предпріятія. Что касается до кредитовъ, которыми пользовались потребители отъ продавцовъ, то эти кредиты вслѣдствіе потрясенія оборотовъ у продавцовъ, а также потрясенія всѣхъ имуществъ у потребителей, въ особенности сократились. Ко всѣмъ этимъ обстоятельствамъ, прогрессивно развивавшимся въ періодъ прекращенія выпусковъ бумажныхъ денегъ, обстоятельствамъ совершенно противоположнымъ тѣмъ, которыми сопровождались выпуски, и потому весьма естественно связывавшимся въ воображеніи

массы людей съ понятіемъ о недостаточности денежнаго обращенія, ко всѣмъ этимъ обстоятельствамъ должно присоединить одно и едва ли не самое важное здѣсь обстоятельство, заставляющее, для увеличенія кредита, желать увеличенія денежнаго обращенія. При всеобщемъ сокращеніи кредита, для каждой промышленной и коммерческой операціи требуется гораздо болѣе *наличныхъ денегъ* въ оборотѣ, нежели до сокращенія кредита, а въ особенности болѣе нежели въ эпоху промышленнаго и кредитнаго возбужденія, ибо тѣ самыя сдѣлки, которыя совершались прежде съ помощію кредита, производятся теперь наличными деньгами, то-есть количество денежныхъ платежей чрезвычайно возрастаетъ. Поэтому-то въ эпохи обнаруженія кризисовъ всегда слышится со всѣхъ сторонъ жалоба, что денегъ мало, деньги рѣдки, даже когда количество денежнаго обращенія вовсе не уменьшилось. Уменьшился кредитъ, сократилось количество кредитныхъ сдѣлокъ, увеличилось число сдѣлокъ на наличныя деньги, количество денежныхъ знаковъ могло остаться то же. Наконецъ, какъ съ одной стороны, въ эпохи сжатія кредита, количество наличныхъ денегъ необходимыхъ для платежей возрастаетъ, такъ съ другой стороны, въ тѣ же самыя эпохи возрастаетъ у всѣхъ людей потребность и желаніе хранить въ своихъ кассахъ и не пускать въ оборотъ большія суммы наличныхъ денегъ; послѣднее происходитъ какъ изъ необходимости имѣть значительные резервы для непредвидѣнныхъ случаевъ, чаще встрѣчающихся въ эпохи кризисовъ, такъ и изъ страха пускаться въ новые обороты. Такимъ образомъ во время кризиса причиненнаго избыткомъ денежныхъ знаковъ, должно непремѣнно чувствоваться, что ихъ очень мало.

Повторимъ еще разъ сущность сказаннаго. Вопервыхъ, увеличеніе бумажныхъ денегъ въ обращеніи способствуетъ на первыхъ порахъ умноженію кредитныхъ сдѣлокъ въ странѣ. Мы въ этомъ могли убѣдиться по опыту, и опытъ этотъ не есть случайность, ибо быстрое увеличеніе наличныхъ денежныхъ способовъ у каждаго, увеличиваетъ его кредитъ не только на сумму увеличенія ихъ, но еще на сумму гораздо бо́льшую. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы также по опыту знаемъ, что такое развитіе кредита нисколько не соразмѣрялось ни въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, ни въ общей сложности, съ достоинствами и способностями каждаго кредитовавшагося, что за

подобнымъ возбужденіемъ кредита быстро слѣдуетъ реакція, и что въ окончательномъ результатѣ такое явленіе не есть успѣхъ и усиленіе кредита въ странѣ, а лишь временное напряженіе, влекущее за собою упадокъ кредита, даже ниже его прежняго уровня, существовавшаго до выпуска бумажныхъ денегъ. Независимо отъ опыта, намъ достаточно знать самые способы, которыми кредитные билеты выпускались въ обращеніе чтобъ убѣдиться, что они не поступали изъ государственнаго казначейства въ руки именно тѣхъ лицъ, которые по коммерческимъ и промышленнымъ своимъ обстоятельствамъ, именно нуждались бы въ усиленіи своего кредита и заслуживали бы его. Здѣсь мы опять наталкиваемся на весьма важный вопросъ въ денежномъ обращеніи, до сихъ поръ нами лишь слегка затронутый и предназначенный нами для особой слѣдующей статьи, на вопросъ о системѣ выпуска нашихъ бумажныхъ денегъ въ обращеніе и о послѣдствіяхъ этой системы. Не вдаваясь пока въ разсмотрѣніе этого вопроса, мы, впрочемъ, можемъ убѣдиться, что хотя возбужденіе кредита значительно обязано своимъ происхожденіемъ возрастанію денежнаго обращенія, тѣмъ не менѣе сжатіе кредита никакъ не могло произойдти вслѣдствіе недостаточности денегъ въ обращеніи, или недостаточности орудій кредита, ибо для совершенія кредитныхъ сдѣлокъ, по крайней мѣрѣ въ большей части случаевъ, нѣтъ никакой необходимости въ денежныхъ знакахъ. Таковы всѣ кредиты по счетамъ и по купеческимъ книгамъ, кредиты по товарнымъ векселямъ и роспис憂ъ въ отпускѣ товаровъ, наконецъ, выдачи векселей и переводовъ, благодаря которымъ производится множество операцій безъ употребленія денегъ. Всѣ эти кредитныя сдѣлки въ эпоху промышленнаго возбужденія чрезвычайно усилились; мы можетъ сказать безъ всякаго преувеличенія, и не по одному только предположенію, но на основаніи свѣдѣній собранныхъ нами въ разныхъ мѣстахъ, что бо́льшая часть сдѣлокъ, въ которыхъ выражалось развитіе кредита въ первомъ періодѣ, были именно сдѣлки этого рода, и тугость и остановка въ этихъ именно сдѣлкахъ составляетъ предметъ повсемѣстныхъ жалобъ на сокращеніе кредита. Кредитъ, и именно въ той средѣ своей, которая наименѣе можетъ злоупотребить имъ, самъ создаетъ свои орудія и оборотные знаки. Эти кредитныя бумаги, векселя, переводы, росписки, обращаясь между коммерческими людьми по-

средствомъ бланковыхъ надписей, въ коммерческихъ оборотахъ исполняютъ ту же самую роль, какъ и деньги. Такъ было и у насъ съ векселями и переводами многихъ коммерческихъ домовъ: напр., тратты Сангушко, Яхненко и пр., ходившія въ Украйнѣ наравнѣ съ чистыми деньгами.

Потому въ крайнемъ случаѣ, кредитные, промышленные и коммерческіе обороты, могутъ для своего совершенія вовсе обойдтись безъ денежныхъ знаковъ или же могутъ сами создавать свои орудія,—а крайнимъ упадкомъ и потрясеніемъ такихъ именно оборотовъ и страдаетъ наша современная торговля. Но недостаточно этого только отрицательнаго доказательства, что *сокращеніе кредита происходитъ не отъ недостатка денежныхъ знаковъ* мы имѣемъ, еще другія, болѣе рѣшительныя, въ этомъ смыслѣ, указанія. Въ то самое время, когда раздаются, съ одной стороны, жалобы на невозможность совершенія кредитныхъ сдѣлокъ, вслѣдствіе недостаточности денежнаго обращенія, мы видимъ съ другой стороны, кредитныя операціи, привлекающія къ себѣ огромное количество денежныхъ капиталовъ. Таковы, между прочимъ, выпуски 4% металлическихъ билетовъ дошедшіе до 47 милл., таковы значительные выпуски серій, одинъ за другимъ слѣдующіе, билеты С.-Петербургскаго кредитнаго общества, до 18 милл. руб., наконецъ, процентные вклады, постоянно возрастающіе въ государственномъ банкѣ и его конторахъ и въ общей совокупности составляющіе нынѣ до 250 милл. руб. Всѣ эти операціи положительно доказываютъ, что если другія кредитныя операціи не удаются, то собственно не отъ недостатка денежныхъ знаковъ въ обращеніи, а отъ недостатка самого кредита или довѣрія. Наконецъ послѣднее еще болѣе подтверждается жалобами на высокій дисконтъ, въ коммерческомъ мірѣ, въ то самое время какъ кредитныя операціи (напр. вышепоименованныя), заключающія въ себѣ вѣрныя процентныя помѣщенія, совершаются при сравнительно гораздо меньшей высотѣ процентовъ. Вѣрныхъ процентныхъ помѣщеній капиталы стали у насъ искать въ послѣднее время даже съ особенною настойчивостью и къ нимъ устремились капиталы и новыя сбереженія изъ промышленныхъ и коммерческихъ оборотовъ. Итакъ кредитное *безденежье*, если что нибудь доказываетъ, то прежде всего упадокъ кредита, или довѣрія, какъ въ промышленномъ и коммерческомъ мірѣ, такъ и во всѣхъ нашихъ дѣлахъ, послѣ чрезвычайнаго возбужде-

нія послѣдовавшаго за войной, и доказываетъ лишь дороговизну капиталовъ, подобно безденежью въ наличныхъ оборотныхъ способахъ.

Какъ мало масса денегъ сама по себѣ способна увеличить кредитъ, доказывается краснорѣчивымъ примѣромъ Калифорніи, гдѣ при избыткѣ денегъ и даже металлическихъ, дисконтъ не бываетъ менѣе 12% и доходитъ до 48%.

Чего же, послѣ этого, могли бы мы достигнуть новымъ выпускомъ бумажныхъ денегъ въ угоду нѣкоторымъ торговымъ людямъ, обремененнымъ долгами? Что касается собственно до кредитнаго безденежья, или недостатка въ коммерческомъ и промышленномъ мірѣ оборотныхъ способовъ почерпаемыхъ въ кредитѣ, то выпуски кредитныхъ билетовъ сами по себѣ ни сколько не могутъ поддержать кредитъ. Послѣдній, если заимствуетъ свои пособія въ увеличеніи оборотныхъ денежныхъ знаковъ, то лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ эти знаки являются на рынкѣ *орудіями кредита*; въ этомъ смыслѣ, то-есть открывая кредитъ людямъ, заслуживающимъ довѣрія и потрясеннымъ общими коммерческими затрудненіями, банки дѣйствительно оказываютъ выпусками билетовъ содѣйствіе торговлѣ въ эпохи кризисовъ. Недостатокъ этого содѣйствія при слабомъ развитіи у насъ банковаго кредита весьма чувствителенъ для нашего коммерческаго міра, но увеличеніе массы денежныхъ знаковъ въ обращеніи само по себѣ не можетъ устранить этого зла. И въ экономическихъ, какъ въ физическихъ болѣзняхъ, лѣченіе должно быть направлено противъ корня и причинъ недуга, а не противъ его внѣшнихъ признаковъ. Упадку кредита могутъ противодѣйствовать лишь мѣры дѣйствующія собственно на кредитъ. Эти мѣры, которыя возможны безъ новыхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ и настоятельности которыхъ мы нисколько не отрицаемъ, безъ сомнѣнія находятся въ тѣсной связи со всею системой нашего денежнаго обращенія и съ будущими ея преобразованіями. Здѣсь мы касаемся этой стороны нашего предмета только мимоходомъ, предоставляя себѣ подробно разсмотрѣть ее въ будущей главѣ.

Теперь мы переходимъ къ послѣднему и заключительному вопросу: можно ли вообще признавать, что при многихъ измѣнившихся обстоятельствахъ, количество кредитныхъ билетовъ находящихся въ обращеніи превышаетъ потребности обращенія?

Мы сами указывали на обстоятельства, уменьшившія у насъ количество оборотныхъ и платежныхъ знаковъ и съ другой стороны, потребовавшія бо́льшихъ запасовъ наличныхъ денегъ: таково сокращеніе кредита уменьшившее обращеніе разныхъ коммерческихъ кредитныхъ бумагъ и вмѣстѣ съ тѣмъ потребовавшее бо́льшаго количества наличныхъ денегъ для платежей, производившихся прежде путемъ кредита, таково же дѣйствіе всѣхъ коммерческихъ и кредитныхъ затрудненій заставляющихъ хранить большіе запасы наличныхъ денегъ и вообще имѣть болѣе значительныя оборотныя кассы. Но зачѣмъ ограничиваться этими обстоятельствами, противодѣйствовавшими избытку денежнаго обращенія и парализировавшими его дѣйствіе? Мы можемъ пойдти гораздо далѣе и найдти въ описанныхъ нами фактахъ гораздо болѣе обстоятельствъ, дѣйствовавшихъ въ томъ же направленіи и даже еще съ большею силой.

Не таково ли дѣйствіе принудительнаго курса кредитныхъ билетовъ, съ одной стороны, вытѣснившаго изъ народнаго обращенія всю массу звонкой монеты, и съ другой стороны, не воспрепятствовавшаго тому, что вся обращавшаяся масса кредитныхъ билетовъ, несмотря на всѣ мѣры принятыя для поддержки курса, упала сравнительно съ иностранными деньгами на 14—15% (стало-быть относительно всемірной металлической разчетной единицы или собственно для международныхъ отношеній и коммерческихъ оборотовъ, съ которыми внутреннее денежное обращеніе находится въ непрерывной связи, вся масса этого обращенія составляла въ 1862 г. уже не 700 милл. р., а собственно только 600 м.); не таково ли также дѣйствіе самаго крупнаго факта во всѣхъ послѣдствіяхъ возростанія денежнаго обращенія, дѣйствіе *дороговизны*, обезцѣнившей и потому уменьшившей всю массу кредитныхъ билетовъ относительно товаровъ еще въ гораздо сильнѣйшей пропорціи нежели принудительный курсъ возвысилъ цѣну звонкой монеты? Не таково ли далѣе дѣйствіе дорогаго кредита или дорогаго найма капиталовъ, не низвело ли оно цѣнность нарицательнаго представительства капиталовъ, заключающагося въ массѣ бумажныхъ денегъ, на уровень массы дѣйствительныхъ капиталовъ? Не таково ли, кромѣ того, отвлеченіе денегъ отъ промышленныхъ и коммерческихъ оборотовъ къ процентнымъ помѣщеніямъ, уменьшившее количество денегъ въ обращеніи на товарныхъ рынкахъ въ пользу рынка процент-

ныхъ бумагъ, преимущественно государственныхъ?[1] Наконецъ, не таково ли дѣйствіе всѣхъ обстоятельствъ, входящихъ въ совокупное явленіе *застоя въ дѣлахъ*, уменьшающаго вообще быстроту обращенія денегъ при томъ же количествѣ товаровъ и капиталовъ и потому заставляющаго народное обращеніе вбирать въ себя большее количество денегъ, чѣмъ въ эпоху возбужденія промышленныхъ коммерческихъ и кредитныхъ оборотовъ?

Но что же изъ всего этого слѣдуетъ? Очевидно то, что масса бумажныхъ денежныхъ знаковъ, превышая нормальныя потребности народнаго обращенія и бывъ безвыходно заперты въ немъ неразмѣнностью знаковъ и ихъ принудительнымъ курсомъ, вступила въ борьбу съ этими *нормальными потребностями обращенія*, и въ этой борьбѣ возникли внутреннія экономическія силы, которыя проявились во всѣхъ указанныхъ обстоятельствахъ и пытались привести массу денежныхъ знаковъ *въ равновѣсіе съ потребностями обращенія*. Сперва избытокъ бумажныхъ денегъ, при обстоятельствахъ времени благопріятствовавшихъ возбужденію духа предпріимчивости и спекуляціи, искусственнымъ образомъ увеличилъ самыя потребности обращенія, или количество всѣхъ товарныхъ оборотовъ и денежныхъ операцій, непомѣрно раздулъ обороты съ акціями и биржевой ажіотажъ, потомъ дороговизной товаровъ и паденіемъ металлической цѣнности кредитныхъ билетовъ уменьшилъ цѣнность, а слѣдовательно и излишество денежныхъ знаковъ, какъ орудій мѣны на внутреннихъ и международныхъ рынкахъ, вытѣснилъ откуда только могъ звонкую монету, сократилъ дѣйствіе кредита, обращеніе всякихъ иныхъ оборотныхъ кредитныхъ знаковъ, замѣстилъ кредитъ въ коммерческихъ оборотахъ наличными бумажными деньгами, и занялъ ими всѣ мѣста въ денежномъ обращеніи опустошенныя упадкомъ кредита, наконецъ сталъ выбрасывать свои послѣдніе остатки отъ этой ожесточенной борьбы, вызванной стремленіемъ къ равновѣсію, на безопасный берегъ вѣрныхъ процентныхъ помѣщеній, каковы въ особенности процентные вклады государственнаго банка. Что эта борьба за равновѣсіе, которое во что бы то ни стало всегда должно установиться между количествомъ денегъ, пущенныхъ въ обращеніе, и по-

---

[1] Нельзя не отличать этого рынка (называемаго Англичанами loan market) отъ товарнаго.

требностями обращенія, обошлась не дешево нашему народному хозяйству, что дѣйствіе всѣхъ этихъ внутреннихъ экономическихъ усилій, возстановляющихъ равновѣсіе, породило недуги, не скоро излѣчимые, во всемъ этомъ кажется не можетъ быть никакого сомнѣнія: и описанные нами факты, и всѣ испытанія послѣдняго времени, слишкомъ для всѣхъ чувствительныя, кажется, достаточно громко въ этомъ свидѣтельствуютъ.

Но могутъ сказать: какою бы то ни было дорогою цѣною, равновѣсіе между количествомъ денежныхъ знаковъ и потребностями народнаго обращенія, во всякомъ случаѣ, все-таки возстановилось и объ *избыткѣ* денежныхъ знаковъ или кредитныхъ билетовъ въ обращеніи теперь не можетъ быть рѣчи. Конечно такъ, но въ такомъ случаѣ избытка денегъ въ обращеніи, въ прямомъ смыслѣ этого слова (то-есть, неиначе какъ въ самый моментъ выпуска), никогда не можетъ быть, исключая развѣ, когда внутренняя цѣнность бумажныхъ знаковъ, выпущенныхъ въ качествѣ денегъ, падаетъ до нуля, какъ было съ ассигнаціями французской революціи. Въ этомъ смыслѣ до тѣхъ поръ пока бумажные денежные знаки сохраняютъ какую-нибудь цѣнность, хотя одной копѣйки на рубль, пока есть какое-нибудь къ нимъ довѣріе, пока они употребляются какъ орудіе мѣны и остаются такъ или иначе въ обращеніи, а не разрываются публикою на куски, какъ ни на что негодная ветошь, до тѣхъ поръ, пожалуй. никогда не можетъ быть рѣчи объ избыткѣ денежнаго обращенія. Равновѣсіе всегда, въ силу непреложныхъ экономическихъ законовъ, должно установиться. Спрашивается только, можетъ ли такое равновѣсіе удержаться навсегда, нормальны ли отправленія всего организма народнаго хозяйства, съ которыми сопряжено такое равновѣсіе, не должны ли эти уравновѣшивающія условія измѣниться, и тогда не должно ли пошатнуться самое равновѣсіе? Словомъ, можно ли назвать подобное равновѣсіе нормальнымъ? Этотъ вопросъ совершенно тождественъ съ вопросомъ: можно ли признать состояніе желудка у человѣка, страдающаго отъ разстройства желудка, засорившаго свой желудокъ и сидящаго на строгой діэтѣ, состояніемъ нормальнымъ и здоровымъ, лишь потому что болѣзненное состояніе и діэта содержатъ въ равновѣсіи отправленія желудка съ пищею?

Рѣшительно таковъ же и вопросъ о равновѣсіи количества нашихъ денежныхъ знаковъ съ потребностями обращенія *въ*

настоящее время. Здоровы ли и нормальны ли всѣ современныя отправленія нашего народнаго хозяйства, и неужели оно не нуждается въ полномъ выздоровленіи и не стремится къ нему? А при малѣйшихъ движеніяхъ къ выздоровленію, должно нарушиться равновѣсіе. Если же этому нарушенію равновѣсія, или обнаруженію избытка кредитныхъ билетовъ въ обращеніи, будутъ поставлены искусственныя преграды, то невозможно будетъ и выздоровленіе. Примѣръ этому мы уже имѣемъ въ нѣкоторыхъ фактахъ самаго послѣдняго времени.

Ближе вникая во всѣ указанныя выше условія, уравновѣшивающія избытокъ денежнаго обращенія, мы легко убѣдимся, что всѣ они могутъ и должны измѣниться при возвращеніи нашего народнаго хозяйства къ нормальной дѣятельности.

Такъ возстановленіе металлической монетной единицы и предпринятое вмѣстѣ съ тѣмъ постепенное возвышеніе цѣнности кредитныхъ билетовъ разомъ увеличило дѣйствительную цѣнность всей массы денежныхъ знаковъ въ обращеніи. Возвышеніе размѣнной цѣны кредитныхъ билетовъ само по себѣ равносильно съ увеличеніемъ массы кредитныхъ билетовъ, относительно всемірной денежной единицы. Причиненный размѣномъ, или лучше, вслѣдствіе размѣна оказавшійся избытокъ кредитныхъ билетовъ уже заявилъ себя перевѣсомъ выдачи звонкой монеты изъ государственнаго банка надъ выдачею кредитныхъ билетовъ въ обмѣнъ на монету и драгоцѣнные металлы. Въ теченіе одного съ небольшимъ года дѣйствія размѣна, масса кредитныхъ билетовъ въ обращеніи вынуждена была уменьшиться приблизительно на 60 милліоновъ. Такое уменьшеніе денежнаго обращенія, совокупно съ возвышеніемъ металлической цѣнности кредитныхъ билетовъ,— хотя и вліяющимъ пока преимущественно на международныя коммерческія операціи, но по связи ихъ съ внутренними оборотами, необходимо отзывающимся и на послѣднихъ, такое уменьшеніе денежнаго обращенія уже отразилось на цѣнахъ, которыя, въ 1863 г., положительно, и для всѣхъ ощутительнымъ образомъ, упали по многимъ категоріямъ товаровъ. Далѣе, цѣны могутъ измѣняться сами по себѣ, подъ вліяніемъ причинъ, постороннихъ количеству денежнаго обращенія и зависящихъ исключительно отъ предложенія и спроса товаровъ; къ тому же всѣ промышленныя коммерческія обстоятельства послѣдняго времени именно способны, независимо отъ количества денежнаго обращенія, произвести

удешевленіе товаровъ, по крайней мѣрѣ въ отрасляхъ, страдающихъ отъ ихъ накопленія и отъ недостатка сбыта. А удешевленіе товаровъ не можетъ въ свою очередь не уменьшить количества денегъ, потребнаго для оборотовъ, и излишнія деньги, выдѣляющіяся изъ оборотовъ, въ видѣ сбереженій, не находящихъ для себя помѣщенія въ новыхъ оборотахъ, будутъ искать исхода изъ обращенія, и какъ мы уже видѣли, ищутъ его въ процентныхъ помѣщеніяхъ и вкладахъ. Съ другой стороны, не желательно ли удешевленіе нашихъ товаровъ, не только для удешевленія жизни внутри Россіи, но и для усиленія вывоза нашихъ товаровъ въ другія страны? Тутъ успѣхъ неминуемо ведетъ къ обнаруженію избытка въ бумажныхъ деньгахъ. Также точно болѣе быстрое и оживленное обращеніе денегъ, разнаго рода усовершенствованія въ способахъ и механизмѣ платежей (таковы—чеки, переводы, всякія облегченія въ пересылкѣ денегъ и проч.), при томъ же самомъ количествѣ капиталовъ и товаровъ въ странѣ, не должны ли уменьшить нужное для обращенія количество денегъ? То же самое послѣдствіе можетъ имѣть и всякое оживленіе денежныхъ операцій. Столь желательное и столь всѣми коммерческими людьми ожидаемое развитіе банковаго кредита и нормальное возрастаніе учетныхъ банковыхъ операцій невозможно, какъ мы увидимъ, при избыткѣ денежнаго обращенія; представимъ себѣ появленіе у насъ новыхъ оборотныхъ знаковъ, какъ орудій банковаго или коммерческаго кредита,—обращеніе ихъ должно было бы сейчасъ отозваться излишкомъ въ обращеніи кредитныхъ билетовъ. Въ дѣйствительности это могло бы обнаружиться сравнительно бо́льшими удобствами кредита въ разныхъ мѣстныхъ и частныхъ банкахъ, и сокращеніемъ учетныхъ операцій государственнаго банка, путемъ которыхъ собирающіеся въ немъ въ видѣ вкладовъ денежные знаки вновь возвращаются въ обращеніе. При этомъ процентные вклады банка должны были бы непомѣрно возрости, а въ случаѣ консолидированія ихъ,—опять тождественнаго съ уменьшеніемъ количества обращающихся кредитныхъ билетовъ,—не могли бы найдти для себя другаго употребленія какъ развѣ въ ссудахъ государственному казначейству. Наконецъ, эти вклады, которые служатъ, между прочимъ, также каналами для истока избытковъ денежнаго обращенія, и потому, при нынѣшнемъ положеніи его, совершенно необходимы, отвлекаютъ капиталы отъ промышленныхъ по-

мѣщеній и коммерческихъ оборотовъ; пріостановленіе пріема вкладовъ въ государственномъ банкѣ, или насильственное изгнаніе ихъ, произвело бы дѣйствіе подобное пониженію вкладныхъ процентовъ въ 1857 г. и могло бы болѣе или менѣе снова придать возбужденіе промышленности и торговли. Но тогда опять неминуемо обнаружился бы избытокъ кредитныхъ билетовъ, и причиненное ими возбужденіе промышленности и торговли непремѣнно оказалось бы лихорадочнымъ возбужденіемъ.

Итакъ, всѣ эти условія, удерживающія денежное обращеніе въ равновѣсіи, болѣе или менѣе неразрывно связаны съ болѣзненнымъ экономическимъ состояніемъ страны и не соотвѣтствуютъ нормальному положенію народнаго хозяйства. Во всякомъ случаѣ, они нисколько не благопріятны для его успѣховъ; притомъ нѣкоторыя изъ этихъ условій могутъ сами собою измѣниться, устраненіе другихъ облегчило бы многія важнѣйшія и необходимыя преобразованія въ нашемъ экономическомъ бытѣ и въ нашихъ государственныхъ финансахъ,—преобразованія невозможныя при этихъ условіяхъ. Такимъ образомъ, съ малѣйшимъ измѣненіемъ всѣхъ этихъ условій, равновѣсіе денежнаго обращенія можетъ быть нарушено. Отъ безчисленнаго множества обстоятельствъ—внѣшнихъ и внутреннихъ, промышленныхъ, коммерческихъ и финансовыхъ обстоятельствъ, отчасти зависящихъ, отчасти независящихъ отъ воли людей, отъ обстоятельствъ, которыхъ разнообразныя сочетанія и сплетенія трудно и даже невозможно предвидѣть,—зависитъ проявленіе избытковъ денежнаго обращенія, тѣмъ или другимъ путемъ, въ тотъ или другой моментъ времени, съ большею или меньшею стремительностію. Но что такія проявленія будутъ и что они заявятъ себя въ единственномъ открытомъ пока прямо для нихъ каналѣ—размѣнѣ билетовъ на звонкую монету, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. На это мы имѣемъ положительныя указанія въ ходѣ дѣлъ самаго послѣдняго времени. Если наше народное хозяйство не будетъ подвержено никакимъ исключительнымъ потрясеніямъ, то съ вѣроятностію можно предвидѣть, что избытки денежнаго обращенія будутъ выдѣляться изъ коммерческихъ и промышленныхъ оборотовъ не быстро, а постепенно, въ видѣ сбереженій, которыя будутъ производить напоръ на пути ими уже отчасти прежде избранномъ, то-есть къ процентнымъ помѣщеніямъ и размѣну;

но если когда-нибудь трудно пророчествовать, то въ минуты, нами теперь переживаемыя.... Предусмотрительность въ финансовыхъ операціяхъ, относящихся къ регулированію денежнаго обращенія, чуткость къ настроенію и потребностямъ времени, можетъ отклонить нѣкоторыя затрудненія и предупредить слишкомъ бурныя потрясенія въ ходѣ нашихъ промышленныхъ и коммерческихъ дѣлъ. Но эти потрясенія столько же возможны при быстромъ и насильственномъ расширеніи денежнаго обращенія, какъ и при *подобномъ же его сокращеніи*. Мы надѣемся, что въ предусмотрительности у насъ не будетъ недостатка. Болѣе теперь ничего сказать нельзя.

Оканчивая наше и безъ того слишкомъ длинное изложеніе послѣдствій чрезвычайнаго возрастанія денежнаго обращенія въ эпоху 1853—1857 г., мы считаемъ не лишнимъ соединить эти послѣдствія въ нѣсколькихъ выводахъ. Эти послѣдствія главнѣйше заключались въ слѣдующемъ:

1) Искусственное возбужденіе промышленнаго духа, предпріимчивости и спекуляціи вслѣдъ за восточною войной.

2) Чрезвычайное усиленіе непроизводительнаго потребленія капиталовъ.

3) Оживленіе отечественнаго производства и ввоза товаровъ по нѣкоторымъ отраслямъ въ пропорціи несоотвѣтствовавшей остальнымъ отраслямъ.

4) Нарушеніе какъ общаго равновѣсія между производствомъ и потребленіемъ страны, такъ и во взаимныхъ отношеніяхъ производства въ разныхъ отрасляхъ народнаго хозяйства.

5) Всеобщее возрастаніе дороговизны товаровъ и капиталовъ, или дешевизны денегъ, связанное съ неравномѣрными потрясеніями во всѣхъ цѣнахъ.

6) Отсюда всеобщая дороговизна жизни, обрушившаяся преимущественно на людей, живущихъ на счетъ постоянныхъ окладовъ, и кризисъ въ разныхъ, преимущественно оживившихся отрасляхъ промышленности и торговли.

7) За несостоятельностью какъ общаго оживленія промышленной предпріимчивости, такъ и въ особенности по всѣмъ операціямъ, порожденнымъ спекуляціей, разстройство въ дѣлахъ и застой въ оборотахъ.

8) Потрясеніе и сокращеніе кредита, послѣ чрезмѣрнаго его расширенія.

9) Искусственно-вызванное перемѣщеніе капиталовъ и труда изъ одной области народнаго хозяйства въ другую.

10) Чрезмѣрное возрастаніе основныхъ капиталовъ на счетъ оборотныхъ.

11) Потрясеніе во всѣхъ имущественныхъ отношеніяхъ, и привычки роскоши во всемъ обществѣ, искусственно привитыя временнымъ возбужденіемъ потребленія.

12) Ощущенія безденежья, происходящія отъ дороговизны капиталовъ и сжатія кредита, или отъ движенія денежнаго обращенія къ равновѣсію между количествомъ денегъ и потребностями обращенія, ощущенія въ особенности рѣзкія послѣ недавнихъ рѣзкихъ ощущеній избытка денежныхъ знаковъ.

Полагаемъ, что въ совокупности этихъ явленій заключаются важнѣйшія общія затрудненія, испытываемыя нашимъ народнымъ хозяйствомъ въ послѣднее время. Во всѣхъ этихъ затрудненіяхъ участвовали усиленные выпуски кредитныхъ билетовъ въ 1853—1857 г., увеличившіе массу нашего денежнаго обращенія болѣе чѣмъ на 120%.

Мы нисколько не отрицаемъ дѣйствія иныхъ причинъ, сверхъ избытка кредитныхъ билетовъ; мы сами не разъ вынуждены были касаться и этихъ причинъ, хотя большею частію мимоходомъ. Припоминая однако весь ходъ нашей общественной и государственной жизни съ восточной войны, мы легко убѣдимся, что обстоятельства послѣдняго времени не только не могли парализировать дѣйствіе главной причины нашихъ экономическихъ затрудненій, а напротивъ должны были значительно усилить его. Таковы въ первомъ періодѣ: послѣ ожесточенной войны, и при всеобщемъ сознаніи несостоятельности стараго порядка вещей, надежды, возлагавшіяся на вожделѣнный миръ и новое царствованіе, надежды всегда сами по себѣ благопріятныя для возбужденія духа предпріимчивости и промышленной отваги; нѣкоторыя фактическія облегченія и льготы, тотчасъ наступившія съ новымъ царствованіемъ, благодушіе внезапно разлившееся во всей нравственной атмосферѣ государства и всюду во всѣхъ общественныхъ отношеніяхъ распространившееся чаяніе новой политической и гражданской жизни, освобожденіе международныхъ сношеній и торговли и общественной предпріимчивости отъ разныхъ стѣснительныхъ формальностей; пріѣздъ иностранцевъ и ожиданія

прилива огромныхъ иностранныхъ капиталовъ; наконецъ какія-то темныя, инстинктивныя стремленія, во всѣхъ слояхъ русскаго общества, къ обновленію, объявшія Россію и давшія умамъ сангвиническое направленіе. Все это было конечно почвою весьма благопріятною для дѣйствія массы новыхъ денежныхъ знаковъ. Съ 1857 г., съ ожиданіями упраздненія крѣпостнаго состоянія, начинаются нѣкоторые признаки новаго періода дѣйствительнаго вступленія Россіи на путь реформы и встрѣчи неясносознанныхъ предчувствій и чаяній съ дѣломъ, съ жизнію. Но пока общество еще полно отваги и бодрости передъ этою встрѣчей, оно видитъ только розовыя стороны дѣла. Вытѣсненіе вкладовъ изъ банковъ, т.-е. тотъ же выпускъ новыхъ кредитныхъ билетовъ, и открывшаяся свобода къ образованію компанейскихъ предпріятій, съ нѣкоторымъ даже офиціяльнымъ къ нимъ поощреніемъ, поддали еще болѣе жара промышленному и спекулятивному возбужденію; появляется биржевой ажіотажъ. Съ 1858 г. однако начинаются со всѣхъ сторонъ и въ офиціяльномъ и въ частномъ мірѣ рѣшительные приступы къ дѣлу и по необходимости связанныя съ нимъ, послѣ всякаго сангвиническаго настроенія, разочарованія. Ожиданія перерожденія Россіи посредствомъ акціонерныхъ компаній начинаютъ давать чувствовать свою несостоятельность; количество дѣйствительныхъ умственныхъ и нравственныхъ капиталовъ, знаніе промышленнаго дѣла и добросовѣстность оказываются неизмѣримо ниже предъявленныхъ на нихъ требованій и бумажнаго ихъ представительства. Между тѣмъ съ 1859 г. все государственное зданіе начинаетъ перестраиваться; совѣтчики этого дѣла воодушевлены самыми противоположными наклонностями и только въ одномъ всего болѣе сходятся,—въ уничтоженіи всего стараго, каково бы оно ни было. Но вотъ приближается самый коренной переворотъ въ жизни нашего общества, разрѣшеніе крестьянскаго вопроса; воображеніе людей, знакомыхъ съ тревогами политической жизни лишь изъ легкаго чтенія журналовъ, людей, издавна привыкшихъ легкомысленно обо всемъ рядить и судить и въ канцеляріяхъ и въ салонахъ и въ своихъ барскихъ захолустьяхъ, людей издавна отученныхъ отъ всякой самоличной дѣятельности, отъ стоянія на собственныхъ ногахъ, воображеніе всѣхъ этихъ людей настраивается въ направленіи совершенно противоположномъ

прежнимъ сангвиническимъ надеждамъ. Коммерческій и промышленный міръ, и безъ того недовѣрчивый ко всякимъ государственнымъ реформамъ, подпадаетъ вліянію этихъ созданій воображенія, и не мало капиталовъ бѣжитъ за границу. Въ 1859 г. система нашихъ государственныхъ кредитныхъ установленій идетъ быстрыми шагами къ несостоятельности; энергическія мѣры принятыя правительствомъ, производятъ крутой переворотъ во всѣхъ привычкахъ кредита, связанныхъ съ столѣтнимъ существованіемъ казенныхъ банковъ; частный кредитъ, и безъ того пошатнувшійся отъ начавшагося поворота въ дѣлахъ, вступаетъ въ страшную конкурренцію съ государственнымъ кредитомъ, рѣшившимся на всякія жертвы для спасенія себя отъ кризиса; консолидація вкладовъ отнимаетъ послѣднія надежды на позаимствованіе недостающихъ оборотныхъ капиталовъ изъ кредитныхъ установленій. Прекращеніе ссудъ изъ банковъ подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ стѣсняетъ денежные способы и кредитъ главныхъ нашихъ потребителей; незамѣненіе старыхъ банковъ никакою новою системой кредита ставитъ сельское хозяйство въ затруднительное положеніе именно въ эпоху разрѣшенія крестьянскаго вопроса. Наконецъ, перестройка всей податной системы, такъ близко обусловливающей собою всѣ промышленные и коммерческіе обороты; наконецъ вступленіе крестьянской реформы въ дѣйствіе и по необходимости сопряженное съ нею на первое время уменьшеніе народнаго производства въ сельскомъ хозяйствѣ и нѣкоторый упадокъ духа въ высшемъ и самомъ образованномъ нашемъ сословіи...

Вся совокупность этихъ событій такова, что они должны были могущественно усилить реакцію возникшую въ промышленномъ мірѣ послѣ первоначальнаго періода возбужденія; съ одной стороны, потрясено было довѣріе къ продолженію сложившагося строя жизни, а съ другой стороны, потребовались чрезвычайное напряженіе и трата силъ къ довершенію начатыхъ преобразованій, обѣщающихъ положительные плоды для народнаго благосостоянія лишь въ будущемъ. Наши государственныя реформы также болѣе или менѣе заключаютъ въ себѣ затраты умственныхъ и матеріяльныхъ капиталовъ на счетъ оборотныхъ силъ страны, затраты, долженствующія сдѣлаться производительными не въ скоромъ времени; для на-

стоящей минуты онѣ всѣ повернулись лишь стороною жертвъ и лишеній.

Совершенно благополучный въ политическомъ отношеніи ходъ крестьянскаго вопроса долженъ былъ разсѣять много недовѣрія къ будущему; съ нынѣшнимъ годомъ благопріятное положеніе крестьянскаго вопроса могло сдѣлаться первымъ началомъ для измѣненія въ дѣлахъ къ лучшему... Тутъ открылась старая рана,—польскій вопросъ, заговорившій громче всякихъ иныхъ недуговъ....

III.

СПОСОБЪ ВЫПУСКА КРЕДИТНЫХЪ БИЛЕТОВЪ ВЪ ОБРАЩЕНІЕ И РАЗЛИЧІЕ АССИГНАЦІОННОЙ ДЕНЕЖНОЙ СИСТЕМЫ ОТЪ БАНКОВОЙ.

Въ первой главѣ настоящаго труда мы исключительно разсматривали послѣдствія *принудительнаго* (или, какъ обыкновенно говорятъ, насильственнаго, cours forcé) курса кредитныхъ билетовъ, то-есть безусловнаго прекращенія размѣна ихъ на звонкую монету съ конца 1856 по 1 мая 1862 г. Во второй главѣ мы говорили о возрастаніи массы кредитныхъ билетовъ въ народномъ обращеніи и потрясеніяхъ, произведенныхъ въ народномъ хозяйствѣ избыткомъ денежныхъ знаковъ, послѣ чрезвычайныхъ выпусковъ ихъ съ 1855 по 1859 г. Какъ въ первой главѣ мы преимущественно имѣли въ виду цѣнность кредитныхъ билетовъ относительно всемірной или металлической денежной единицы и вредныя послѣдствія колебаній этой цѣнности, такъ во второй главѣ мы преимущественно заняты были *количествомъ* билетовъ въ обращеніи и старались показать дѣйствіе избытка денежныхъ знаковъ въ разныхъ промышленныхъ, коммерческихъ и кредитныхъ обстоятельствахъ послѣдняго времени. Вѣрные первоначально избранному нами способу изученія, мы до сихъ поръ *почти* не касались третьей стороны бумажнаго денежнаго обращенія,—вопроса о *способѣ выпуска* денежныхъ знаковъ въ обращеніе; мы говоримъ *почти* не касались, ибо въ предыдущей главѣ, описывая наши промышленныя и коммерче-

скія затрудненія, мы уже отчасти видѣли дѣйствіе въ нихъ того особаго обстоятельства, что вновь выпущенные въ военное время кредитные билеты служили она покрытіе государственныхъ расходовъ и проникали въ народное обращеніе каналами государственнаго казначейства и администраціи, а не коммерческими. Изображая обстоятельства нашего народнаго хозяйства вслѣдъ за восточною войной, во всей ихъ фактической цѣлости и исторической послѣдовательности, мы не могли вовсе умолчать о дѣйствіи самой *системы выпуска* кредитныхъ билетовъ, и уже нѣсколько разъ упоминали о ней *; тѣмъ легче будетъ намъ теперь, имѣя въ виду факты, заняться исключительно этою именно стороной бумажнаго денежнаго обращенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ обсужденіе системы выпуска денежныхъ знаковъ позволитъ намъ всего лучше соединить всѣ до сихъ поръ разъединенныя наши разсужденія относительно разныхъ сторонъ денежнаго обращенія, и придти къ нѣкоторымъ общимъ выводамъ.

Государственные кредитные билеты введены были въ 1843 году для замѣна въ народномъ обращеніи государственныхъ ассигнацій, которыя сперва (1769 г.) были учреждены единственно для облегченія внутреннихъ оборотовъ, въ замѣнъ мѣдной монеты, а потомъ, съ 1786 г., стали уже выпускаться *въ видахъ доставленія пособій государственному казначейству, вмѣсто обремененія подданныхъ новыми налогами.* Эта послѣдняя мысль прямо высказана императрицею Екатериной II въ указѣ 28 іюня 1786 г. **; вмѣстѣ съ тѣмъ изображена въ этомъ указѣ и другая цѣль ассигнацій: „явить вѣрноподданнымъ нашимъ знакъ нашей милости“.

Упомянутой мысли указа 1786 г. суждено было сдѣлаться надолго господствующею въ нашей бумажной денежной системѣ и источникомъ великихъ государственныхъ затрудненій для всѣхъ преемниковъ этого финансоваго наслѣдія великой монархини. Какъ ни различны были отъ екатерининскихъ ассигнацій новые бумажные денежные знаки, введенные графомъ Канкринымъ, однако и они сохранили въ себѣ всю силу тяготѣнія къ ассигнаціямъ, доставлявшимъ пособія государственному казначейству.

---

* См. *Русск. Вѣстн.* № 5, стр. 366, 368 и № 6, стр. 641, 645, 657, 668, 671, 676.

** *Полное Собраніе Законовъ* № 16 410.

Различіе кредитныхъ билетовъ отъ старыхъ ассигнацій было, безъ сомнѣнія, весьма важное, и могло даже сдѣлаться первымъ шагомъ къ окончательному преобразованію денежной системы, какъ, можетъ-быть, и предполагалось сперва графомъ Канкринымъ. Кредитнымъ билетамъ былъ, на подобіе банковыхъ безпроцентныхъ или оборотныхъ знаковъ, присвоенъ постоянный размѣнъ на звонкую монету, по предъявленію, въ замѣнъ искусственной, ассигнаціонной денежной единицы (существовавшей подлѣ другой — металлической), и узаконялась единственная металлическая денежная единица— *серебряный рубль*. Вотъ главное и существенное различіе кредитныхъ билетовъ отъ ассигнацій и сходство ихъ съ банковыми билетами. Въ то время какъ старыя ассигнаціи (не только на дѣлѣ, но и по закону) пользовались, подобно всякимъ государственнымъ ассигнаціямъ, принудительнымъ курсомъ, то-есть неразмѣнностію на звонкую монету совокупно съ узаконеннымъ хожденіемъ ихъ наравнѣ съ нею,—кредитные билеты, сохраняя узаконенный или обязательный курсъ, сдѣлались размѣнными на звонкую монету. Но кромѣ узаконеннаго курса, для банковыхъ билетовъ вовсе не необходимаго, кредитные билеты сохранили еще другое коренное сходство съ ассигнаціями—*въ способѣ своего выпуска*. Сущность ассигнацій, или *бумажныхъ денегъ*, выпускаемыхъ для покрытія государственныхъ расходовъ, отличающая ихъ отъ банковыхъ билетовъ, или кредитныхъ оборотныхъ бумагъ, выпускаемыхъ не иначе, какъ либо подъ звонкую монету, либо по кредитнымъ операціямъ банковъ, осталась и въ кредитныхъ билетахъ, хотя это ассигнаціонное свойство кредитныхъ билетовъ и должно было вполнѣ заявить себя лишь въ послѣдствіи. *

---

* Этимъ и объясняется различіе въ бумажномъ денежномъ обращеніи Англіи и Россіи, несмотря на сходство нѣкоторыхъ началъ, принятыхъ у насъ съ 1843 г., и въ Англіи, по закону Роберта Пиля, съ 1844 года. Билеты англійскаго банка, имѣя, подобно нашимъ кредитнымъ билетамъ и ассигнаціямъ, узаконенный курсъ, то-есть составляя узаконенный способъ платежа во всѣхъ сдѣлкахъ (legal tender), не перестали быть, по способу своего вступленія въ обращеніе и изъятія изъ него, банковыми билетами. Ограниченіе предписанное Пилевскимъ закономъ 1844 г. относительно предѣловъ выпуска билетовъ, *не покрытыхъ звонкою монетой*, само по себѣ было бы еще недостаточно, чтобъ оградить билеты англійскаго банка отъ превращенія въ ассигнаціи, тѣмъ болѣе что огра-

Нѣкоторая связь, чисто, впрочемъ, наружная и механическая, въ которую поставлены были выпуски кредитныхъ билетовъ съ банками или государственными кредитными установленіями, а также и самое названіе *кредитныхъ* билетовъ на мѣсто ассигнацій, могли причинить нѣкоторое заблужденіе относительно характера кредитныхъ билетовъ,—характера какъ будто банковаго; но посмотримъ, какова была эта связь ихъ съ банками, не говоря уже о томъ, что наши банки были *казенные*, и потому самому были скорѣе государственными установленіями, какъ они весьма правильно и назывались, и вообще правительственными мѣстами, нежели *настоящими банками*.

При самомъ учрежденіи кредитныхъ билетовъ они выпущены были въ обмѣнъ на ассигнаціи и частію на депозитные билеты (обезпеченные рубль за рубль драгоцѣнными металлами, полученными отъ частныхъ лицъ, желавшихъ имѣть болѣе удобные въ обращеніи бумажные денежные знаки). Стало-быть, кредитные билеты, такъ сказать, исторически заключали въ себѣ два элемента: ассигнаціи и депозитные билеты. ** Этотъ первоначальный способъ выпуска кредитныхъ билетовъ въ обмѣнъ на ассигнаціи (170 милліон.) отождествлялъ по своему происхожденію новые денежные знаки съ ассигнаціями, но въ практическихъ своихъ послѣдствіяхъ этотъ способъ первоначальнаго выпуска не заключалъ въ себѣ никакихъ затрудненій и не могъ причинить никакого вреда; находившаяся въ обращеніи масса ассигнацій представляла собою наименьшую потребность народа въ бумажныхъ денежныхъ знакахъ, въ прибавокъ къ звонкой монетѣ, что̀ и было блистательно доказано приливомъ драгоцѣнныхъ металловъ къ обмѣну на депозитные билеты (до 50 милліон.),

---

ниченіе это было два раза (въ 1847 и въ 1857 г.) отмѣняемо безъ всякаго, однако, разстройства денежнаго обращенія такими экстренными выпусками. Сказанное нами здѣсь служитъ достаточнымъ отвѣтомъ на вопросъ: почему та же самая (судя по наружности) система денежнаго обращенія привела въ Россіи и Англіи къ совершенно различнымъ результатамъ? (См. *Русскій Вѣстн.* 1862 г. „Замѣтки о хозяйственномъ бытѣ Россіи“ Т. X.).

** Депозитные билеты, представляющіе собою свидѣтельство на сберегаемые металлы и монету, не совсѣмъ одно и то же что̀ банковые (оборотные) билеты, которые представляютъ собою (какъ увидимъ) нѣчто иное.

послужившіе доказательствомъ этой наименьшей потребности. Но, какъ извѣстно, правительство не остановилось и, пожалуй, даже не могло остановиться на выпускѣ кредитныхъ билетовъ *лишь для обмѣна* на старыя ассигнаціи и *на депозитные билеты*; выпускъ новыхъ кредитныхъ билетовъ (сверхъ 170 милліон., выпущенныхъ въ замѣнъ ассигнацій) только въ обмѣнъ на драгоцѣнные металлы, приносимые частными лицами и предназначенные къ неприкосновенному храненію въ казенныхъ кассахъ, то-есть выпускъ кредитныхъ билетовъ *съ исключительнымъ характеромъ депозитныхъ билетовъ*, составлялъ бы единственную безусловно благонадежную для правительства выпускную операцію, ибо это единственная система выпуска бумажныхъ денежныхъ знаковъ, которая не требуетъ для себя никакихъ соотвѣтствующихъ банковыхъ операцій. Такая система была бы въ самомъ дѣлѣ, по словамъ императрицы Екатерины, „знакомъ милости къ вѣрноподданнымъ“.

Въ одно время съ депозитными билетами, другой опытъ (выпускъ 50-ти-рублевыхъ кредитныхъ билетовъ) доказалъ, что потребность въ бумажныхъ денежныхъ знакахъ, для народнаго обращенія, и довѣріе къ нимъ публики такъ велики, что для выпуска ихъ и безпрепятственнаго обращенія въ рукахъ публики не требуется удостовѣренія, что драгоцѣнные металлы, ими представляемые, будутъ оставаться *неприкосновенными* въ фондѣ для обезпеченія билетовъ, а достаточно обѣщанія выдавать звонкую монету по востребованію. И этотъ опытъ такъ удался, что поступленіе отъ публики драгоцѣнныхъ металловъ въ обмѣнъ на кредитные билеты постоянно (по 1846 годъ) превышало обратное предъявленіе билетовъ къ обмѣну на звонкую монету. Потому признано было возможнымъ выпускать отъ времени до времени небольшими количествами кредитные билеты внося въ размѣнный фондъ не полную сумму драгоцѣнныхъ металловъ, а лишь извѣстную часть, и именно не менѣе $^1/_6$ части суммы выпущенныхъ такимъ образомъ билетовъ. Эта пропорція фонда $^1/_6$ къ массѣ выпускаемыхъ билетовъ сдѣлалась мало-по-малу какою-то кабалистическою цифрой, которая переходила, по преданію, между нашими финансовыми дѣятелями, представляя собою будто бы высшій предѣлъ благоразумія въ выпускахъ бумажныхъ денегъ. Удивительный примѣръ того, ка-

кую силу можетъ иногда имѣть надъ людьми потерявшая всякій смыслъ буква.

Кажется можно столькоже мало сомнѣваться въ томъ, что для оборотовъ каждой страны необходимо во всякое время извѣстное наименьшее количество денегъ, безъ котораго они не могутъ обойдтись, какъ и въ томъ, что никакая страна не можетъ обойдтись безъ денегъ съ тѣхъ поръ, какъ онѣ изобрѣтены; далѣе, не подлежитъ также никакому сомнѣнію, что извѣстное количество денегъ, посредниковъ или орудій мѣны, можетъ быть замѣнено бумажными представителями звонкой монеты, билетами, по которымъ выдавалась бы предъявителямъ звонкая монета по востребованію. Наконецъ, нельзя сомнѣваться, какъ доказалъ опытъ, и въ томъ, что вслѣдствіе чрезвычайныхъ удобствъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ сравнительно съ металлическою монетой, *извѣстное* количество этихъ знаковъ водворяется во внутреннемъ обращеніи и не предъявляется вовсе къ размѣну. Это *извѣстное* количество можетъ поэтому не требовать металлическаго обезпеченія полною суммой въ размѣнномъ фондѣ.* Употребленіе бумажныхъ денежныхъ знаковъ, какъ орудій мѣны, заключаетъ въ себѣ даже такія важныя удобства, что достаточно было чисто *условной цѣнности* бумагъ, подобныхъ нашимъ ассигнаціямъ, то-есть согласія правительства принимать ихъ за чистыя деньги по всѣмъ земнымъ платежамъ, и объявленія ихъ законнымъ способомъ расплаты въ частныхъ сдѣлкахъ, чтобы нѣкоторое количество такихъ бумагъ прочнымъ образомъ водворилось въ обращеніи. Такое *наименьшее, неизмѣнно необходимое* для внутренняго народнаго обращенія количество орудій мѣны, какъ всюду замѣчено, довольно постоянно, и если измѣняется, то весьма не быстро; если даже оно съ возрастаніемъ промышленности, торговли и народонаселенія, обусловливающихъ собою количество денежныхъ сдѣлокъ, а потому и количество нужныхъ

---

* Такамъ наименьшимъ количествомъ билетовъ англійскаго банка, необходимымъ для внутренняго обращенія, признано съ 1844 г. 14 милл. фунт. стерл., которые обезпечиваются не драгоцѣнными металлами, а только долгомъ правительства банку, въ томъ числѣ 11 милл. фунт. стерл. долга, записаннаго лишь по книгамъ, безъ выдачи банку соотвѣтствующихъ этому долгу кредитныхъ цѣнностей или бумагъ, подлежащихъ отчужденію.

для нихъ орудій, должно возрастать, то съ другой стороны, при нѣкоторыхъ условіяхъ, при развитіи разныхъ коммерческихъ и кредитныхъ учрежденій и обычаевъ, упрощающихъ денежные разчеты (каковы, напримѣръ, банкирскіе дома, занимающіеся переводами денегъ и взаимными счетами торгующихъ, текущіе счеты въ банкахъ, чеки и проч.), это *наименьшее постоянное количество* необходимыхъ для народа орудій мѣны, должно скорѣе даже уменьшаться нежели возрастать. Это явленіе было уже замѣчено въ Англіи и Шотландіи. Во всякомъ случаѣ, очевидно, не можетъ быть никакого основанія полагать, что для народнаго обращенія потребуется вдругъ на 60 милл. болѣе денегъ, потому лишь, что въ это время 10 милл. золота и серебра отложено въ мѣсто, называемое размѣннымъ фондомъ (можетъ-быть даже принесено публикою за излишествомъ ихъ для обращенія). Выводить подобное предположеніе изъ того только, что наименьшее постоянное количество бумажныхъ денежныхъ знаковъ, при безусловномъ довѣріи публики къ ихъ размѣнности, могло быть обезпечено въ размѣнномъ фондѣ не полною суммой, а одною шестою (какъ было сдѣлано граф. Канкриным при учрежденіи кредитныхъ билетовъ)—было бы весьма странно. Между тѣмъ, на основаніи этого разчета $^1/_6$ доли металлическаго обезпеченія, откладываемаго въ размѣнный фондъ, производились у насъ всѣ послѣдующіе выпуски кредитныхъ билетовъ. Но осуждая съ точки зрѣнія теоріи такую ни на чемъ не основанную систему выпусковъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ въ обращеніе, мы не должны, однако, упускать изъ виду обстоятельствъ, которыя ее обусловливали, и не позволяли водвориться у насъ иной, болѣе раціональной системѣ выпуска оборотныхъ знаковъ, и которыя отчасти оправдываютъ опасные для правительства выпуски новыхъ кредитныхъ билетовъ, не покрытыхъ (въ полной суммѣ) звонкою монетой въ размѣнномъ фондѣ. *

Дѣло въ томъ, что кромѣ движеній размѣннаго фонда,—

---

* Само собою разумѣется, что мы говоримъ это единственно о выпускахъ нормальнаго періода денежнаго обращенія до восточной войны, на которую были истрачены чрезвычайные выпуски 1855—1857 г., не имѣющіе для себя ничего подобнаго въ предыдущемъ нормальномъ періодѣ и произведенные даже безъ соблюденія традиціоннаго правила объ $^1/_6$ долѣ металлическаго обезпеченія.

движеній оказывающихся уже послѣ выпусковъ, правительство не имѣло никакихъ указаній на размѣры потребности въ бумажныхъ денежныхъ знакахъ.

Правда, что всѣ кредитные билеты, выдававшіеся не въ обмѣнъ на звонкую монету, выпускались въ народное обращеніе и у насъ (исключая чрезвычайныхъ выпусковъ 1855—1857 г., прямо предназначенныхъ на покрытіе государственныхъ расходовъ) путемъ банковыхъ учрежденій; но эта связь выпускной операціи съ банковыми операціями была, можно сказать, мнимая. Кредитные билеты выпускались для такъ-называемаго подкрѣпленія банковыхъ кассъ (начавшагося еще при графѣ Канкринѣ); но государственное казначейство постоянно заимствовалось изъ вкладовъ кредитныхъ установленій и возвращало эти займы новыми кредитными билетами, что̀ и называлось подкрѣпленіемъ кассъ. Такимъ образомъ собственно не банки, а казна выпускала въ обращеніе кредитные билеты; ибо настоящая выпускная операція заключалась не въ банковыхъ ссудахъ, выдававшихся изъ вкладовъ, а въ покрытіи государственныхъ расходовъ заимствованіями изъ банковыхъ кассъ. Такимъ образомъ, если даже и смотрѣть на наши кредитныя установленія, какъ на настоящіе банки и самостоятельныя, отдѣльныя отъ государственнаго казначейства, учрежденія, то выпускная операція все же была не въ ихъ рукахъ и распоряженіи, и служила не кредитнымъ операціямъ банковъ, а была въ полномъ распоряженіи государственнаго казначейства и служила его цѣлямъ. Впрочемъ, съ другой стороны, самое устройство нашихъ банковыхъ установленій вызывало заимствованія изъ нихъ государственнаго казначейства; вся система ихъ операцій и, между прочимъ, правила безостановочнаго пріема процентныхъ вкладовъ, не всегда находившихъ достаточное для себя употребленіе въ ссудахъ частнымъ лицамъ, вынуждали обращать въ государственные займы вклады, накоплявшіеся и обременявшіе собою банки. Вмѣстѣ съ тѣмъ должно замѣтить, что собственно выпускная операція (то-есть выпускъ безпроцентныхъ или оборотныхъ денежныхъ знаковъ) и не могла быть принадлежностію нашихъ банковыхъ установленій, ибо эта операція не имѣетъ органической связи съ сущностію кредитныхъ операцій, которыми занимались наши банки: ихъ главный и почти исключительный предметъ былъ поземельный и долгосрочный кредитъ, съ которымъ никакъ не можетъ

быть правильнымъ образомъ соединенъ выпускъ безпроцентныхъ билетовъ. Вслѣдствіе всего этого, преобразованію нашей денежной системы необходимо должно было предшествовать преобразованіе нашихъ банковыхъ учрежденій. *

Устройство нашихъ банковыхъ учрежденій было, дѣйствительно, тѣсно связано съ системой нашего бумажнаго денежнаго обращенія, но не въ томъ смыслѣ, чтобы выпуски бумажныхъ денежныхъ знаковъ служили для банковыхъ операцій, какъ это бываетъ при выпускѣ настоящихъ банковыхъ безпроцентныхъ билетовъ. Связь нашей бумажной денежной системы съ банками была совершенно въ обратномъ смыслѣ, то-есть организація банковыхъ операцій сама обусловливалась выпусками бумажныхъ денежныхъ знаковъ для цѣлей государственнаго казначейства, — выпусками денежныхъ знаковъ, какъ государственныхъ ассигнацій; безостановочный пріемъ банковыхъ вкладовъ и долгосрочныя ссуды служили, съ одной стороны, весьма важнымъ *отвлекающимъ* средствомъ противъ потрясеній, производимыхъ выпусками кредитныхъ билетовъ, какъ государственныхъ ассигнацій, и съ другой стороны они же содѣйствовали самымъ выпускамъ, прикрывая ихъ благовидностью наружныхъ формъ банковой системы и въ то же время завлекая казначейство въ постоянное увеличеніе государственнаго долга. Въ сущности это, дѣйствительно, была одна цѣльная и весьма послѣдовательная система бумажнаго денежнаго обращенія, основанная на выпускѣ денежныхъ знаковъ, какъ государственныхъ ассигнацій.

---

* Мы весьма были удивлены, встрѣтивъ восхваленіе дѣйствовавшей у насъ банковой и денежной системы въ статьѣ одного автора, котораго практическія коммерческія свѣдѣнія заставляли насъ ожидать отъ него совершенно иного образа мыслей. Мы говоримъ о статьѣ г. Тило: „Russlands Finanzlage“ (см. *Baltische Monatsschrift* 1862. Mai). Мы упоминаемъ объ этой статьѣ лишь потому, что она произвела въ свое время впечатлѣніе въ коммерческихъ кругахъ, и дѣйствительно имѣетъ свои достоинства. Мы всего менѣе можемъ понять, какъ можетъ авторъ, практическій знатокъ коммерческихъ и кредитныхъ операцій, находить нормальнымъ выпускъ безпроцентныхъ денежныхъ знаковъ въ совокупности съ операціями по долгосрочному кредиту, хотя бы даже эти знаки и не предназначались для покрытія государственныхъ расходовъ, и какъ онъ можетъ оправдывать процентные вклады, съ востребованіемъ, въ нашихъ прежнихъ банкахъ (p. 453—454) въ соединеніи съ долгосрочными ссудами?

Съ кореннымъ преобразованіемъ въ нашей банковой системѣ, съ ликвидаціей всѣхъ нашихъ государственныхъ кредитныхъ установленій, исключая коммерческаго банка, съ прекращеніемъ всѣхъ долгосрочныхъ банковыхъ ссудъ подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ и пріема вкладовъ на прежнихъ основаніяхъ, съ учрежденіемъ государственнаго банка, на мѣсто прежняго коммерческаго, съ присоединеніемъ къ нему экспедиціи кредитныхъ билетовъ и со включеніемъ всѣхъ счетовъ по нимъ въ счеты государственнаго банка, кредитные билеты получили нѣкоторое тяготѣніе къ характеру банковыхъ билетовъ, подобно тому какъ вслѣдъ за возвращеніемъ ихъ они тяготѣли къ характеру ассигнацій. Какъ извѣстно, теперь прекращены всякіе другіе ихъ выпуски, исключая обмѣна на драгоцѣнные металлы (по смыслу указа 14 апрѣля 1862 г.).

Но прежде нежели мы будемъ говорить объ этихъ видахъ на лучшее будущее, мы должны въ точности обозначить тѣ неправильности, которыя были приданы нашему денежному обращенію способомъ выпуска кредитныхъ билетовъ, какъ государственныхъ ассигнацій.

Безпроцентные денежные знаки, выпускаемые правительствами,—*ассигнаціи*, или *бумажныя деньги*,—и тѣ же самые безпроцентные денежные знаки, выпускаемые банками—*банковые билеты*, или *банкноты*—могутъ имѣть и имѣютъ весьма много *общихъ имъ наружныхъ* свойствъ, служащихъ поводомъ къ смѣшенію этихъ двухъ кореннымъ образомъ различныхъ категорій оборотныхъ знаковъ. *

Свойство общее и банковымъ безпроцентнымъ билетамъ и ассигнаціямъ есть прежде всего то, что какъ тѣ, такъ и другіе одинаково служатъ въ народномъ хозяйствѣ *орудіями* или *посредниками мѣны* товаровъ или цѣнностей и, въ этомъ смыслѣ, какъ тѣ, такъ и другіе могутъ быть называемы *деньгами*, въ различіе отъ товаровъ, для взаимнаго обмѣна которыхъ тѣ и другіе одинаково служатъ. Въ денежномъ и товарномъ

---

* Для различенія ассигнацій отъ банковыхъ билетовъ Французы называютъ первыя *papier monnaie*, а вторыя—*monnaie de papier*, причисляя сюда всякаго рода оборотныя кредитныя бумаги: векселя, переводы, чеки и проч., составляющія вмѣстѣ съ безпроцентными банковыми билетами категорію *кредитныхъ бумагъ* (papier de crédit) въ отличіе отъ *бумажныхъ денегъ* (названія, принадлежащаго только ассигнаціямъ).

обращеніи обѣ категоріи оборотныхъ денежныхъ знаковъ могутъ быть, въ одной совокупной массѣ, противопоставляемы массѣ товаровъ: на денежномъ рынкѣ, какъ оборотные билеты, выпускаемые банкомъ, такъ и ассигнаціи, выпускаемыя правительствами, составляютъ покупную силу относительно товаровъ, или *спросъ на товаръ*, подобно тому какъ всякій товаръ, являющійся на рынокъ, представляетъ собою *спросъ на деньги*. Но дѣйствіе покупной силы въ банковыхъ билетахъ и ассигнаціяхъ и отношеніе этой силы въ тѣхъ и другихъ къ промышленности, торговлѣ и кредиту, весьма различны и могутъ быть тождественны лишь при нѣкоторыхъ особыхъ и весьма исключительныхъ условіяхъ, какъ мы увидимъ ниже. Кромѣ того, какъ банковымъ билетамъ, такъ и ассигнаціямъ могутъ быть искусственно присвоиваемы нѣкоторыя общія свойства, составляющія характеристическія особенности одной изъ двухъ категорій. Для примѣра можно указать на обязательный или узаконенный курсъ билетовъ Англійскаго банка, уподобляющій ихъ ассигнаціямъ, также на временную неразмѣнность или принудительный курсъ билетовъ Англійскаго банка съ 1796 по 1819 г., съ другой стороны на размѣнъ нашихъ кредитныхъ билетовъ, уподоблявшій ихъ банковымъ билетамъ и т. д. Каждое изъ этихъ свойствъ и условій обращенія, встрѣчающихся какъ въ ассигнаціяхъ, такъ и въ банковыхъ билетахъ, болѣе или менѣе родственное или чуждое натурѣ той и другой категоріи бумагъ, можетъ быть выведено изъ сущности лишь одной изъ нихъ и лишь искусственнымъ образомъ навязано другой; но во всякомъ случаѣ, въ дѣйствительности, всѣ эти свойства и условія весьма часто являются во взаимномъ смѣшеніи и вовлекаютъ въ смѣшеніе самыя понятія, присущія натурѣ той и другой категоріи. Самое существенное характеристическое различіе ассигнацій и банковыхъ билетовъ, сопровождающееся и внѣшними, для всѣхъ осязательными признаками, заключается *въ различіи способа выпуска тѣхъ и другихъ въ народное обращеніе.*

Государственныя *бумажныя деньги*, или ассигнаціи выпускаются въ народное обращеніе посредствомъ *платежей*, а банковые билеты посредствомъ *ссудъ*. * Въ этомъ многіе но-

---

* Это чрезвычайно ясное и вѣрное опредѣленіе фундаментальнаго различія ассигнацій отъ банковыхъ билетовъ принадлежитъ одному изъ перостепенныхъ англійскихъ знатоковъ по кредитной части, Фуллартону

вѣйшіе экономисты видятъ первоначальное основное различіе оборотныхъ денежныхъ знаковъ, выпускаемыхъ правительствами подъ разными наименованіями, имѣющими для себя одно общепринятое названіе ассигнацій, отъ такихъ же знаковъ (банкнотъ, банкцетелей), выпускаемыхъ банками; различіе это можетъ служить основаніемъ для объясленія всѣхъ прочихъ отличительныхъ принадлежностей тѣхъ и другихъ.

Ассигнація, выдаваемая правительствомъ, непремѣнно служитъ для какого-нибудь платежа, представляетъ собою окончательную расплату, какъ бы чистыми деньгами, за какую-нибудь потребленную казною цѣнность или товаръ (за вещественный ли товаръ, нужный для правительства, или услуги, жалованье должностнымъ лицамъ, или въ уплату стараго долга) и не представляетъ собою *никакой кредитной сдѣлки*, влекущей за собою дальнѣйшую и окончательную расплату. Банковый безпроцентный, или оборотный, билетъ, выдаваемый банкомъ взамѣнъ какого-нибудь долговаго обязательства со стороны частнаго лица банку, непремѣнно представляетъ собою какую-нибудь кредитную сдѣлку; благонадежна или рискованна эта сдѣлка—другое дѣло, не измѣняющее сущности созданной банкомъ бумаги, и имѣющее прямое значеніе только для состоятельности банка, а для обращенія этой бумаги лишь косвенное, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи. Банковый билетъ дурно или хорошо, но непремѣнно полною суммою обезпеченъ, независимо отъ собственнаго капитала банка (также и независимо отъ размѣннаго металлическаго фонда, обезпечивающаго размѣнъ билета на звонкую монету, по предъявленію) и его кредитной отвѣтственности; его обезпечиваетъ полною суммою срочное долговое обязательство, выданное банку отъ его заемщика. Выпущенный такимъ образомъ банковый билетъ есть послѣдствіе, или выраженіе двухъ кредитовъ или двухъ долговыхъ обязательствъ, одно другое покрывающихъ или погашающихъ: обязательства заемщика, получателя билета передъ банкомъ и обязательства банка пе-

---

(*On the regulation of currencies* Lond. 1844). Прекрасное развитіе этого опредѣленія сдѣлано г. Вагнеромъ (*Beiträge zur Lehre von den Banken*, Lpz. 1857, p. 120 — 123). Ср. также о различіи банковыхъ билетовъ отъ ассигнацій. Hübner, *Die Banken*, Lpz. 1854 г. (p. 41); Courcelle-Seneuil, *Traité théorique et pratique d'économie politique*, P. 1859. T. II (p. 336 — 354) Michel Chevalier, *La monnaie*, P. 1850 (p. 385).

редъ получателемъ билета и лицами въ чьихъ рукахъ онъ будетъ находиться, т.-е. публикой. Ассигнація, если она заключаетъ въ себѣ кредитъ, то только односторонній и безсрочный: правительства, государства передъ публикою. Она обезпечивается такъ-называемымъ достояніемъ государства, т.-е. государственными имуществами и правомъ на налогъ, но не покрыта никакимъ срочнымъ долговымъ обязательствомъ, съ погашеніемъ котораго ассигнація могла бы сама собою возвратиться отъ публики къ учрежденію его выпустившему. Ассигнація можетъ возвратиться изъ народнаго обращенія въ руки правительства только путемъ взноса податей или какихъ-нибудь платежей въ казну; но такое возвращеніе ассигнацій, возможное и безпрестанно случающееся противно какъ самой цѣли выпуска ассигнацій, такъ и цѣли всякаго платежа, поступающаго въ казну. Взиманіе всякаго новаго платежа въ казну должно снабдить ее новыми наличными деньгами, уже получившими свое назначеніе въ бюджетѣ. Потому поступившія обратно въ казну бумажныя деньги должны непремѣнно снова вступить въ обращеніе, а изъятіе ихъ изъ обращенія можетъ составить предметъ лишь особой финансовой операціи, не заключающейся въ самой операціи выпуска. Правительство, въ послѣднемъ случаѣ, должно обратиться къ источникамъ обезпеченія своихъ денежныхъ знаковъ, къ государственнымъ имуществамъ и къ праву налога такъ или иначе реализировать эти источники, т.-е. создать изъ нихъ новые наличные способы для выкупа своихъ денежныхъ знаковъ изъ обращенія, или же выдать взамѣнъ ихъ долгосрочныя и процентныя обязательства, т.-е. заключить новый заемъ.

Совершенно противоположный характеръ имѣетъ всякая банковая операція, давшая поводъ къ выпуску банковыхъ билетовъ; въ ней самой, въ ея завершеніи необходимо заключается обратное шествіе билетовъ въ банкъ изъ рукъ лицъ, получившихъ отъ него ссуды, т.-е. изъ публичнаго обращенія, ибо всякій выпускъ банковыхъ билетовъ, составляющихъ долговыя обязательства банка передъ публикою, обезпеченъ соотвѣтствующимъ долгомъ публики передъ банкомъ; этотъ долгъ и будетъ въ извѣстный срокъ уплаченъ билетами банка. Банкъ, выдавъ свои билеты посредствомъ дисконта векселей, долженъ съ наступленіемъ сроковъ векселей получить уплату по этимъ векселямъ, остающимся у него до

сроковъ въ портфелѣ. По всякому выпуску билетовъ банкъ имѣетъ непремѣнно получить какой-нибудь наличный платежъ, который можетъ возвратить къ нему его билеты, даже если банкъ не размѣниваетъ своихъ билетовъ на звонкую монету. Это обратное теченіе билетовъ въ банкъ по всѣмъ должнымъ ему платежамъ, идущее параллельно выпускамъ билетовъ въ обращеніе, имѣетъ первостепенную важность; оно само собою и безъ размѣна изъемлетъ ихъ изъ обращенія, и само собою погашаетъ долговыя обязательства банка передъ публикою, заключающіяся въ его билетахъ; При томъ, вслѣдствіе того что банкъ взимаетъ по всѣмъ открываемымъ имъ кредитамъ проценты, суммы, возвращающіяся въ банкъ, даже превосходятъ суммы, выданныя имъ въ ссуду. Съ пріостановкой новыхъ кредитовъ, даваемыхъ банкомъ, всѣ его билеты могутъ безъ размѣна, сами собою и весьма скоро, возвратиться къ нему путемъ должныхъ ему платежей по прежнимъ кредитамъ. Это обратное теченіе уменьшаетъ количество обращающихся билетовъ независимо отъ размѣна ихъ на звонкую монету въ кассѣ банка по востребованію *. Размѣнъ, хотя и необходимое нормальное условіе для всякихъ банковыхъ билетовъ, самъ по себѣ еще не отличаетъ банковыхъ билетовъ отъ государственныхъ ассигнацій, которыя иногда также могутъ быть размѣнны (какъ было у насъ). Непрерывный размѣнъ на звонкую монету въ кассахъ банка его билетовъ, которые, вступивъ въ публичное обращеніе, замѣняютъ собою металлическія деньги и обращаются совокупно съ ними, имѣетъ спеціальнымъ своимъ назначеніемъ сохранить единство денежной единицы, или всеобщаго мѣрила цѣнности ** въ звон-

---

* Поэтому-то всякое возвышеніе банковаго дисконта способно такъ быстро и такъ энергически сокращать обращеніе банковыхъ билетовъ.

** Не должно терять изъ виду этого всеобщаго *мѣрила* цѣнности, заключающагося въ звонкой монетѣ, которая единственная изъ всѣхъ родовъ денегъ (какъ орудій мѣны)—имѣетъ *внутреннюю цѣнность*. Эта внутренняя цѣнность и есть та постоянная и всеобщая цѣна денегъ (*чистыхъ денегъ*), около которой безпрестанно колеблется ходячая, рыночная, временная цѣна денегъ (*наличныхъ денегъ*) въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время. Эта послѣдняя цѣна денегъ зависитъ отъ всѣхъ измѣняющихся условій предложенія и спроса денегъ, какъ орудій мѣны (сравни J. S. Mill *Principles* etc. B. III Ch. VIII и IX; предлагаемое здѣсь различіе *чистыхъ* и *наличныхъ* денегъ принадлежитъ впрочемъ собственно намъ).

кой монетѣ и въ бумажныхъ ея представителяхъ, обезпечить публику на случай надобности собственно въ звонкой монетѣ (т.-е. именно, въ этомъ родѣ наличности), служить непрерывно термометромъ потребности публики какъ въ звонкой монетѣ, такъ и въ бумажныхъ денежныхъ знакахъ, а также и термометромъ довѣрія публикикъ учрежденію, выпускающему билеты, и наконецъ предохранительнымъ средствомъ противъ злоупотребленій и увлеченій въ выпускахъ. Чѣмъ болѣе банкъ пріобрѣтаетъ довѣрія въ публикѣ добросовѣстностью и точностью своихъ кредитныхъ операцій, чѣмъ благонадежнѣе открываемые имъ кредиты и чѣмъ обширнѣе кругъ лицъ, имѣющихъ съ нимъ дѣло, тѣмъ менѣе предъявляется билетовъ къ размѣну, который дѣлается для внутренняго обращенія почти только номинальною, нравственною, хотя и совершенно необходимою принадлежностью билетовъ, а вещественно служитъ преимущественно для международныхъ движеній драгоцѣнныхъ металловъ, для заграничныхъ платежей, невозможныхъ посредствомъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ. Для цѣнности выпущенныхъ въ обращеніе банковыхъ билетовъ размѣнный металлическій фондъ, какъ и собственный капиталъ банка, составляютъ лишь весьма второстепенное обезпеченіе; главное существенное ихъ обезпеченіе заключается въ кредитныхъ сдѣлкахъ, по которымъ были выданы билеты, въ тѣхъ долговыхъ обязательствахъ частныхъ лицъ передъ банкомъ, которыя покрываютъ его ссуды, выданныя имъ билетами, и находятся въ портфелѣ банка. Чтобы судить, какова цѣнность банковыхъ билетовъ, необходимо знать прежде всего, какова цѣнность кредитныхъ бумагъ или обязательствъ, находящихся въ его портфелѣ. Собственный капиталъ банка есть только *придаточное* обезпеченіе благонадежности всѣхъ его долговыхъ обязательствъ, въ томъ числѣ и его безпроцентныхъ, оборотныхъ знаковъ,—*придатокъ*, необходимый къ этому существенному обезпеченію, заключающемуся въ долговыхъ обязательствахъ въ пользу банка, придатокъ на случай непредвидѣнной неисправности по долговымъ обязательствамъ и безвозвратныхъ ущербовъ банка. Также точно размѣнный фондъ есть только придатокъ къ обезпеченію нормальнаго обращенія билетовъ въ публикѣ и къ нормальному ихъ возвращенію въ кассы банка посредствомъ всѣхъ полученій банка, т.-е., *къ нормальному ихъ погашенію*,—придатокъ, необходимый на случай непредвидѣн-

ныхъ и чрезвычайныхъ потрясеній въ публичномъ кредитѣ и исключительныхъ надобностей въ звонкой монетѣ. Величина размѣннаго фонда зависитъ отъ разныхъ соображеній банка: относительно движенія драгоцѣнныхъ металловъ на денежныхъ рынкахъ, въ связи съ которыми находятся его операціи; относительно существующей на этихъ (въ особенности иностранныхъ) рынкахъ въ разное время потребности въ звонкой монетѣ; относительно прочности водворенія его билетовъ въ публичномъ обращеніи, и наконецъ относительно тѣхъ періодическихъ и внезапныхъ коммерческихъ и кредитныхъ потрясеній, которымъ бываютъ подвержены денежные рынки. Масса размѣннаго металлическаго фонда, находящагося въ банкѣ, сама по себѣ не можетъ, не должна служить и никогда не служитъ въ банкахъ къ опредѣленію количества выпускаемыхъ имъ билетовъ; также точно и послѣднее не можетъ само по себѣ опредѣлить величину необходимаго для банка размѣннаго фонда. Эта величина узнается только по опыту, и можетъ быть весьма различна для каждаго банка, для каждой мѣстности, и для каждаго періода времени; какъ и можно въ этомъ удостовѣрится изъ банковыхъ отчетовъ *. Масса находящихся въ обращеніи

---

* Чтобы дать понятіе, какъ разнообразна бываетъ пропорція металлическаго размѣннаго фонда къ массѣ находящихся въ обращеніи банковыхъ билетовъ, мы можемъ представить слѣдующія данныя этой пропорціи (въ процентномъ содержаніи фонда къ массѣ билетовъ) въ разныхъ банкахъ, равно состоятельныхъ и въ разныя эпохи, одинаково полнаго довѣрія къ билетамъ:

Французскій банкъ	106%
Бельгійскій	74
Генуэзскій.	44
Савойскій.	78
Прусскій.	110
Англійскій	91
Шотландскіе вообще до.	34
въ 1845 г.	13
Ирландскіе	38
Массачусетса.	17
Коннектикута	11
Вермонта.	4

И такъ разнообразіе простирается отъ 110% до 4%. Пропорція собственнаго капитала каждаго банка въ разное время не менѣе разнообразна.

бумажныхъ денежныхъ знаковъ есть только *одно изъ многихъ* условій для опредѣленія величины необходимаго размѣннаго фонда, но не болѣе; однимъ изъ такихъ элементовъ исчисленія она, конечно, можетъ быть, ибо отъ размѣровъ всей массы обращающихся билетовъ болѣе или менѣе зависитъ сила внезапнаго напора билетовъ къ предъявленію при всѣхъ другихъ равныхъ условіяхъ. Но всякія постоянныя правила для опредѣленія пропорціи размѣннаго металлическаго фонда къ массѣ находящихся въ народномъ обращеніи билетовъ мечтательны *, лишены всякаго какъ практическаго, такъ и теоретическаго основанія въ сущности дѣла, въ механизмѣ денежнаго обращенія, какъ этотъ механизмъ понимается нынѣ наукою, и какъ онъ оказывался на опытѣ. Всего же менѣе масса размѣннаго металлическаго фонда (если билеты выпускаются не исключительно въ обмѣнъ на металлы) можетъ указывать на массу бумажныхъ денежныхъ знаковъ, какая требуется для народнаго обращенія и какая потому можетъ благонадежно въ немъ удержаться: эта послѣдняя опредѣляется потребностями самаго обращенія, т. е. существующими въ данномъ мѣстѣ и въ данное время мѣновыми сдѣлками, *спросомъ на орудія мѣны*, заключающимся въ условіяхъ промышленности, торговли и кредита каждой страны, или въ количествѣ товаровъ (лучше предложеній товара), количествѣ сдѣлокъ на нихъ и быстротѣ денежнаго обращенія. Замѣнить, въ качествѣ этихъ орудій мѣны (представителей денегъ), звонкую монету или драгоцѣнные металлы, сохраняя ихъ лишь какъ всеобщее мѣрило цѣнности, какъ *всемірную мѣновую цѣнность* или *денежную единицу*, таково и есть назначеніе всякихъ бумажныхъ представителей монеты. Этимъ способомъ сберегается для каждой страны извѣстная масса драгоцѣнныхъ металловъ, необходимая для ея денежнаго обращенія, и потому то же самое количество народнаго капитала дѣлается болѣе производительнымъ.

---

* Нельзя положительно сказать, откуда произошли эти странныя понятія о необходимости $^1/_3$ или $^1/_6$ части и проч. металлическаго фонда, часто высказываемыя публикою; всего вѣроятнѣе, они коренятся въ историческомъ происхожденіи банковыхъ безпроцентныхъ билетовъ изъ металлическихъ депозитныхъ билетовъ. (О несостоятельности теоріи пропорціональнаго металлическаго покрытія см. Wagner, *Die Geld und Credit Theorie*, etc. Wien, 1862 года).

Возможно бо́льшее равновѣсіе между потребностями страны въ орудіяхъ мѣны или деньгахъ и количествомъ ихъ, находящимся дѣйствительно въ народномъ обращеніи, очевидно и есть главная задача всякой денежной системы. Съ другой стороны, нарушеніе этого равновѣсія есть одно изъ важнѣйшихъ экономическихъ неудобствъ. Послѣдствіемъ его бываютъ потрясенія въ цѣнахъ товаровъ и кредитѣ, и за тѣмъ смущеніе въ естественномъ порядкѣ производства, торговли и потребленія; факты такого разстройства народнаго хозяйства или денежныхъ кризисовъ хорошо извѣстны какъ изъ собственнаго нашего опыта, такъ изъ опыта другихъ странъ. Внутренняя экономическая причина этихъ явленій — разстройство въ главномъ элементѣ народнаго хозяйства, въ деньгахъ и въ представителѣ ихъ—бумажныхъ денежныхъ знакахъ—намъ также извѣстна. Теперь намъ нужно вникнуть, почему эти явленія органически коренятся въ самыхъ основаніяхъ ассигнаціонной денежной системы.

Ассигнаціи, или государственныя бумажныя деньги, вводворяясь въ народномъ обращеніи, также сберегаютъ драгоцѣнные металлы, замѣняя, подобно банковымъ билетамъ, металлическую монету. Въ этомъ отношеніи выгоды, представляемыя тѣми и другими, одинаковы. Но, вслѣдствіе различія въ способѣ выпуска и изъятія, изъ обращенія, эти два рода бумагъ стоятъ совершенно въ различномъ отношеніи къ *потребностямъ обращенія*.

Между тѣмъ какъ ассигнація, служа для правительства чистыми деньгами по его платежамъ, является въ народномъ обращеніи никѣмъ не прошеная и заключаетъ въ себѣ всякій разъ *новое предложеніе денегъ* безъ соотвѣтствующаго спроса на деньги,—банковый билетъ является въ обращеніе не иначе, какъ вслѣдствіе заявленнаго на него требованія со стороны публики, заявленнаго тѣмъ долговымъ обязательствомъ, которое вручается банку взамѣнъ получаемаго отъ него билета. Необходимость расплаты въ банкѣ по этому долговому обязательству производитъ во второй разъ спросъ на билетъ на денежномъ рынкѣ, со стороны лицъ, обязанныхъ расплатою со стороны публики. Вслѣдствіе этого обстоятельства, обращеніе банковаго билета въ публикѣ уже обезпечено самымъ способомъ его выпуска и не нуждается въ искусственной поддержкѣ подобной привилегіи обязательнаго курса и пріема въ казенные платежи, присваи-

ваемой ассигнаціямъ. Добровольный пріемъ банковыхъ билетовъ во всѣ платежи есть условіе ихъ обращенія, необходимо истекающее изъ всѣхъ внутреннихъ ихъ свойствъ. Дальше мы увидимъ правила ихъ выпуска, еще больше обезпечивающія ихъ прочное и естественное водвореніе на рынкѣ. Съ полученіемъ расплаты по долговому обязательству, банковый билетъ непремѣнно возвращается въ банкъ; когда полученіе дѣлается въ звонкой монетѣ, а билетъ остается въ обращеніи, то этимъ только усиленно доказывается, что билетъ нуженъ для обращенія,—нуженъ болѣе нежели звонкая монета. Съ полученіемъ по каждому долговому обязательству, банковая операція закончена; если уплата сдѣлана звонкою монетою, а не билетомъ, то банкъ можетъ хранить у себя монету въ наличности, а если онъ и ее выпуститъ въ обращеніе, то также не иначе, какъ вслѣдствіе новой кредитной сдѣлки или новаго требованія. Такимъ образомъ уже изъ этого можно видѣть, что банковое денежное обращеніе разширяется и сокращается соотвѣтственно потребностямъ обращенія, соотвѣтственно спросу на деньги. Долговое обязательство, поступившее въ банкъ взамѣнъ выпущеннаго имъ билета,—не даровое; лицо, давшее банку обязательство и получившее билетъ, платитъ за него проценты, чѣмъ доказывается потребность для этого лица въ томъ орудіи мѣны, какимъ будетъ для него банковый билетъ, и какимъ не могло сдѣлаться долговое обязательство, переданное имъ банку. Каждое долговое обязательство, черезъ передачу права на него отъ одного лица другому, можетъ сдѣлаться орудіемъ мѣны и оборотовъ или способомъ уплаты; таковы векселя, обращающіеся въ коммерческомъ мірѣ посредствомъ передаточныхъ надписей, таковы тратты или переводы, обращающіеся и не въ коммерческомъ мірѣ. Лицо, получающее билетъ изъ банка, обмѣниваетъ его на долговое обязательство, оставляемое имъ въ банкѣ лишь потому, что къ билету публика имѣетъ болѣе довѣрія чѣмъ къ обязательству, въ силу бо́льшаго довѣрія къ состоятельности банка, нежели къ состоятельности лицъ, ручающихся по частнымъ долговымъ обязательствамъ. Такимъ образомъ каждый банковый билетъ есть одно долговое обязательство, превращенное въ другое, пользующееся бо́льшимъ довѣріемъ и бо́льшею силою обращенія обязательства; это тотъ же самый частный кредитъ, одаренный бо́льшимъ могуществомъ обраще-

нія * и всякій банковый билетъ есть *та же коммерческая кредитная бумага*, по которой существующее долговое обязательство переведено съ одного лица на другое, напримѣръ съ послѣдняго надписателя векселя, учтеннаго въ банкѣ, на банкъ, который вмѣсто того чтобы снабдить этотъ векселъ своею собственною передаточною надписью, своимъ собственнымъ ручательствомъ, болѣе уважительнымъ (то-есть болѣе состоятельнымъ), чѣмъ всѣ сдѣланныя на векселѣ передаточныя надписи, и такимъ образомъ пустить этотъ векселъ въ обращеніе, выпускаетъ свой собственный векселъ, за одною своею подписью,—банковый билетъ, который, какъ всякое долговое обязательство, долженъ быть и, дѣйствительно, будетъ погашенъ. Банковый билетъ представляетъ собою, пока находится въ обращеніи, *капиталъ*, занятый изъ массы существующихъ капиталовъ, съ помощью усиленнаго ручательства банка,—капиталъ не вымышленный, какъ не вымышленно долговое обязательство, данное банку получателемъ билета и заставляющее его производительно употребить капиталъ, и имѣть послѣдній въ наличности къ сроку уплаты. Покупная сила, создаваемая банкомъ на рынкѣ, чрезъ выпускъ билета, ею вооруженнаго, вызвана самимъ рынкомъ, самими заемщиками банка, или лучше тѣми капиталами (товарами), на обмѣнъ которыхъ не достаетъ покупной силы у заемщиковъ банка. Эта покупная сила также не вымышленная, ибо она достается заемщикамъ не даромъ, она въ ихъ собственныхъ капиталахъ, только еще не готовыхъ, не наличныхъ, а обязанныхъ быть въ наличности къ сроку уплаты и замѣнить собою наличность капиталовъ, занятыхъ ими подъ билеты. Такимъ образомъ билеты представляютъ собою дѣйствительную покупную силу, т.-е. покупную силу однихъ капиталовъ, однихъ товаровъ на другіе, и во все время обращенія должны имѣть за собою дѣйствительные наличные капиталы. Ассигнація, при своемъ выпускѣ, представляетъ собою, напротивъ, капиталъ безвозвратно израсходованный государствомъ и на счетъ этого капитала создаетъ на рынкѣ искусственную покупную силу, которой появленіе не оправдывается никакими ни существующими, ни готовыми капиталами, никакими товарами, ищущими кредитнаго обмѣна на другіе товары.

---

* См. J. S. Mill. *Principles of Pol. Econ.* Econ. VII B. III Ch. XI, of credit as a substitude for money

Оборотный банковый билетъ есть только высшая ступень частнаго, коммерческаго кредита, и собственно говоря (если только ему не присвоено какихъ-либо правительственныхъ привилегій въ обращеніи) не можетъ быть названъ *деньгами*. Размѣнъ на звонкую монету, обѣщанный банкомъ, по первому предъявленію каждаго его билета, или возвратъ капитала по востребованію, дѣйствительно, придаетъ ему особенную силу обращаемости, превосходящую обращаемость срочной кредитной бумаги, напримѣръ векселя, способнаго превратиться въ наличныя деньги лишь по наступленіи извѣстнаго срока; эта непрерывная размѣнность банковаго билета уподобляетъ его въ публичномъ обращеніи наличнымъ деньгамъ (а при безусловномъ довѣріи къ билетамъ отождествляетъ съ ними), и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ обращенію возможность во всякое время освободиться отъ излишне выпущеннаго билета, т.-е. даетъ возможность билету, *въ крайнемъ случаѣ*, по миновaніи въ немъ надобности, какъ въ орудіи оборотовъ, возвратиться въ банкъ и до истеченія сроковъ по долговымъ обязательствамъ, находящимся въ банкѣ взамѣнъ выпущенныхъ билетовъ. Размѣнъ представляетъ собою именно способъ освободиться отъ избытковъ банковыхъ билетовъ, накопившихся въ обращеніи сверхъ потребности, которая дѣйствительно можетъ измѣниться, можетъ напримѣръ сократиться, въ промежутки времени между выпусками билетовъ, между спросомъ на нихъ и полученіями по кредитнымъ обязательствамъ, оставленнымъ въ банкѣ взамѣнъ билетовъ. Но это только крайній способъ, какъ для погашенія билетовъ, такъ и для установленія равновѣсія между выпусками и потребностями обращенія. Никакой банкъ не можетъ иначе, какъ для самыхъ крайнихъ случаевъ внезапныхъ измѣненій въ потребностяхъ обращенія, положиться на этотъ способъ погашенія билетовъ или изъятія ихъ изъ обращенія,—способъ, который постоянно подвергалъ бы банкъ опасности банкротства; превращеніе билетовъ въ звонкую монету вслѣдствіе ненадобности ихъ для обращенія есть только самый крайній предѣлъ для излишнихъ выпусковъ и самый крайній, можно сказать, *неправильный*, не нормальный, путь для сокращенія обращенія банковыхъ билетовъ. Билетъ долженъ возвратиться въ банкъ въ срокъ платежа; до этого срока онъ занятъ публикою, какъ необходимое орудіе обращенія, какъ необходимыя на это время наличныя деньги. Въ самой банковой

системѣ выпуска билетовъ и ихъ возвращенія, въ самомъ ходѣ кредитныхъ сдѣлокъ, дающихъ поводъ къ выпуску и къ погашенію билетовъ, находитъ банкъ правильный и нормальный способъ соразмѣрить выпуски съ потребностями обращенія; посредствомъ же *быстраго сокращенія и разширенія открываемыхъ имъ кредитовъ*, идущихъ параллельно съ срочнымъ поступленіемъ платежей по всѣмъ сдѣланнымъ ссудамъ, банкъ, въ случаѣ измѣнившихся обстоятельствъ рынка, получаетъ возможность во всякое время соразмѣрить количество своихъ билетовъ въ обращеніи съ потребностями рынка.

Прежде нежели мы перейдемъ къ описанію послѣдствій ассигнаціоннаго способа выпуска денежныхъ знаковъ, намъ остается сказать еще нѣсколько дополнительныхъ словъ о дѣйствіи банковаго способа выпуска, преимущественно въ отношеніи къ движенію цѣнъ товаровъ и денегъ и къ промышленнымъ и коммерческимъ потрясеніямъ. Многіе экономисты безусловно отвергаютъ *самую возможность* такъ-называемыхъ *излишнихъ* выпусковъ банковыхъ билетовъ,—т. е. не соразмѣрныхъ съ потребностями публики (если билеты не пользуются въ обращеніи никакими искусственными привилегіями, то-есть если пріемъ ихъ въ платежи совершенно добровольный), и потому самому отвергаютъ возможность вліянія банковыхъ билетовъ на цѣны и на коммерческіе кризисы: экономисты этой школы приписываютъ всякія промышленныя и коммерческія потрясенія обстоятельствамъ самаго рынка, въ зависимости отъ которыхъ находятся банки по своей выпускной операціи. Мы оставляемъ въ сторонѣ этотъ сложный вопросъ, породившій въ средѣ европейскихъ экономистовъ самыя ожесточенныя прения и цѣлую обширную и спеціяльную литературу, преимущественно богатую въ Англіи,—и сосредоточимъ наше вниманіе лишь на различіи вліянія банковой и ассигнаціонной системы на промышленныя и коммерческія дѣла и на цѣны.

Непрерывное обратное теченіе билетовъ въ банкъ по платежамъ есть самая существенная сторона банковаго денежнаго обращенія. Это обратное теченіе важно не только какъ особенность механизма банковой выпускной операціи, чрезвычайно облегчающей погашеніе билетовъ и изъятіе ихъ изъ обращенія, оно важно еще и по тому особому значенію, которое оно имѣетъ для разрѣшенія задачи, какъ достигнуть равновѣсія между выпусками и потребностями обращенія.

Чрезъ это обратное теченіе, ни на минуту не останавливающееся, масса билетовъ, находящаяся въ обращеніи, безпрерывно измѣняется, и можно сказать, что количество обращающихся билетовъ бываетъ въ каждую данную минуту иное, нежели въ предшествующую и послѣдующую. Цифра обращающихся билетовъ каждый разъ обусловлена *потребностями обращенія* и измѣняется въ точности сообразно съ измѣненіями въ потребностяхъ. Уже изъ этого можно заключить, что когда цифра денежнаго обращенія — масса денежныхъ знаковъ находящихся въ рукахъ публики — такъ подвижна и упруга, когда количество предложенія денегъ такъ быстро слѣдуетъ во всѣхъ своихъ движеніяхъ за движеніями спроса на деньги, то не можетъ быть и рѣчи о *цѣнѣ денегъ*, искусственно созданной тѣмъ или другимъ количествомъ ихъ, выпущеннымъ въ обращеніе по тѣмъ или другимъ соображеніямъ и побужденіямъ, чуждымъ рынку и искусственно обусловливающимъ собою цѣны всѣхъ товаровъ. Цѣна наличныхъ денегъ въ банковомъ денежномъ обращеніи есть собственно *цѣна кредита*, а не цѣна денегъ, — цѣна кредита, отъ условій котораго зависитъ всякая выдача билетовъ изъ банка въ руки публики или въ руки лица кредитующагося въ банкѣ. Такимъ образомъ въ дѣйствительности цѣна банковыхъ билетовъ для публики опредѣляется высотою процентовъ, по которымъ выдаются ссуды банка, преимущественно высотою *дисконта*, которымъ прежде всего и обусловливается количество билетовъ, находящихся въ обращеніи и который составляетъ главное основаніе, или базисъ всѣхъ операцій выпускныхъ или оборотныхъ банковъ.

Здѣсь мы скажемъ нѣсколько словъ объ этой операціи, то-есть *объ учетѣ коммерческихъ бумагъ* или векселей, какъ объ операціи служащей для выпуска банковыхъ безпроцентныхъ билетовъ.

Мы говорили, что въ системѣ банковаго денежнаго обращенія количество денежныхъ знаковъ въ обращеніи или предложеніе наличныхъ денегъ зависитъ единственно отъ *спроса на нихъ*, и вполнѣ ему повинуется. Съ перваго взгляда такое условіе бумажной денежной системы можетъ казаться весьма страннымъ, ибо спросъ какъ каждаго отдѣльнаго лица, такъ и всей публики на наличныя деньги неограниченъ, и если цифра денегъ въ обращеніи должна зависѣть только отъ

спроса на нихъ, то нѣтъ причины, чтобъ она не возрастала до безконечности. Такъ и было бы въ дѣйствительности, еслибы банковые выпуски производились подобно ассигнаціоннымъ, то-есть, въ видѣ платежей, а не ссудъ, или еслибы спросъ на деньги заключался единственно въ желаніи имѣть то или другое количество наличныхъ денегъ. Такое желаніе, дѣйствительно, не имѣетъ никакихъ для себя границъ. Но спросъ на наличныя деньги въ банковой системѣ денежнаго обращенія уже во всякомъ случаѣ *ограниченъ* условіями кредитности каждаго лица, получающаго банковую ссуду, и условіями кредитности той сдѣлки или того обязательства, которыя служатъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ обезпеченіемъ для ссуды. Эти условія далеко не безграничны и такъ какъ банкъ, при каждомъ выпускѣ билета, принимаетъ на себя весьма строгое и точное обязательство передъ публикою и, между прочимъ, обязательство выдачи по билету звонкой монеты во всякое время по востребованію, и точность выполненія банковыхъ обязательствъ ограждена строгою коммерческою отвѣтственностію банка, то банкъ вынужденъ къ весьма строгому опредѣленію и разбору условій кредитности каждой своей выпускной ссуды. Мы оставимъ, однако, въ сторонѣ эти границы, полагаемыя условіями собственно кредита и отвѣтственности банка, границы, которыя могутъ при всей своей строгости не совпадать съ потребностями рынка въ денежныхъ знакахъ. Мы займемся спеціяльно тѣми границами выпускной операціи, которыя возникаютъ изъ самой потребности рынка въ денежныхъ знакахъ и которыя весьма правильно отражаются въ учетѣ векселей, служащемъ основаніемъ выпусковъ.

Здѣсь нужно вникнуть въ тотъ особенный способъ, посредствомъ котораго выражается спросъ на наличныя деньги, или оборотные денежные знаки, въ учетной операціи. Что̀, собственно, такое спросъ на деньги, заключающійся въ каждомъ товарномъ коммерческомъ векселѣ, предъявляемомъ къ учету въ банкѣ? Откуда произошелъ этотъ вексель и что̀ онъ собою доказываетъ?

Каждый коммерческій и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствительный *товарный* вексель, снабженный нѣсколькими передаточными надписями, представляетъ собою рядъ товаровъ, въ уплату за которые онъ былъ выданъ и потомъ передаваемъ изъ рукъ въ руки по надписямъ. Такимъ образомъ, учету по-

добнаго векселя въ банкѣ и выпуску банкомъ подъ этотъ учетъ билетовъ предшествуетъ обращеніе векселя, который въ дальнѣйшемъ своемъ ходѣ замѣняется билетомъ, а самъ, оставаясь въ портфелѣ банка, изъемлется изъ обращенія. Учету векселя и вступленію на рынокъ новыхъ оборотныхъ денежныхъ знаковъ предшествуетъ рядъ товарныхъ сдѣлокъ, которыя въ коммерческихъ рукахъ не имѣютъ иной цѣли, какъ продажу тѣхъ же самыхъ, закупленныхъ по векселямъ товаровъ, или сбытъ товара. По этому параллельно и соразмѣрно съ появленіемъ на рынкѣ новыхъ денежныхъ знаковъ, вслѣдствіе произведеннаго банкомъ учета, то-есть параллельно и соразмѣрно съ *предложеніемъ денежныхъ знаковъ*, происходитъ на рынкѣ цѣлый рядъ сдѣлокъ, требующихъ для себя орудій мѣны, и представляющихъ собою готовую почву для обращенія билетовъ до нормальнаго возвращенія ихъ въ банкъ путемъ платежей, рядъ *предложеній товара*, заключающихъ въ себѣ спросъ на деньги и соотвѣтствующихъ новому предложенію денегъ. При этомъ надо замѣтить, что всѣ товарныя сдѣлки, предшествовавшія учету, влекутъ за собою быстрое предложеніе товара (изъ рукъ лицъ, закупившихъ товаръ) не только вслѣдствіе *коммерческаго* характера этихъ сдѣлокъ, вынуждающаго покупать товаръ не иначе, какъ для его продажи, но и въ особенности влекутъ за собою быстрыя предложенія товара вслѣдствіе *кредитнаго* характера этихъ сдѣлокъ. Каждый передавшій вексель въ другія руки (въ томъ числѣ и предъявившій его къ учету) потерялъ (то-есть уплатилъ) извѣстную сумму процентовъ за время до срока платежа по векселю, и вмѣстѣ съ тѣмъ остается отвѣтственнымъ по этому векселю до платежа по немъ банку, и потому каждое изъ этихъ лицъ должно стараться возможно скорѣе воротить свои убытки и для этого дать своему капиталу возможно большее количество оборотовъ, то-есть, возможно скорѣе сбыть полученный на вексель товаръ. Итакъ посредствомъ учета товарныхъ векселей, предложеніе денегъ, возникающее изъ выпуска билетовъ, возрастаетъ не иначе, какъ соразмѣрно предложенію товара или спросу на деньги; выпускъ билетовъ подъ учетъ въ сущности только облегчаетъ мѣну товаровъ между собою; новые оборотные знаки и новыя цѣнности, ими представляемыя, суть не что иное какъ новые товары, одаренные способностію мѣны. Вслѣдствіе такого соотношенія между предложеніемъ и спросомъ, коли-

чество денежныхъ знаковъ въ обращеніи можетъ, при этой системѣ, держаться въ равновѣсіи съ потребностями обращенія, порождаемыми самою промышленностію и торговлей, и за тѣмъ измѣненія въ количествѣ обращающихся билетовъ, какъ измѣненія нисколько не нарушающія основнаго экономическаго закона обмѣна товаровъ на товары, не могутъ производить опасныхъ *потрясеній* въ цѣнахъ, потрясеній искусственныхъ или не зависящихъ отъ взаимныхъ отношеній цѣнности самихъ товаровъ, ихъ производства, распредѣленія, обращенія и потребленія.

Такова теорія выпуска банковыхъ билетовъ подъ учетъ векселей. Тѣ изъ экономистовъ, которые защищаютъ неограниченную свободу банковыхъ выпусковъ, безусловно отрицаютъ самую *возможность банковыхъ выпусковъ, превосходящихъ потребности рынка.* Хотя въ практическомъ отношеніи и нельзя *безусловно* присоединиться къ подобному взгляду (о чемъ мы скажемъ ниже), опирающемуся, впрочемъ, нынѣ не на одну только отвлеченную теорію, но и на точныя статистическія данныя,* во всякомъ случаѣ невозможно отрицать этихъ очевидныхъ свойствъ банковаго денежнаго обращенія, не имѣющихъ ничего общаго съ ассигнаціоннымъ. Но прежде чѣмъ перейдти къ послѣднему, мы должны еще дополнить нѣсколькими чертами характеристику банковыхъ выпусковъ подъ учетъ векселей.

Выпускъ безпроцентныхъ банковыхъ билетовъ и учетъ коммерческихъ бумагъ, сочетаніе этихъ двухъ операцій для банковаго механизма заключаетъ въ себѣ важное экономическое начало. Коммерческія кредитныя бумаги представляютъ собою капиталы по преимуществу *оборотные* въ каждой странѣ; только эти капиталы, непрерывно обращающіеся и дѣлающіеся производительными лишь вслѣдствіе непрерывной мѣны однихъ на другіе (вслѣдствіе непрерывнаго потребленія и возобновленія ихъ), могутъ быть занимаемы на рынкѣ подъ безпроцентныя бумаги, предназначенныя по натурѣ своей также единственно для обращенія, и именно представляющія собою упомянутые оборотные капиталы. Поэтому правильное и нормальное соединеніе выпуска безпроцентныхъ бумагъ съ не коммерческимъ, а инымъ кредитомъ (напримѣръ позе-

---

* Здѣсь должно указать преимущественно на статистическія изслѣдованія Тука и Ньюмарча.

мельнымъ) не мыслимо; долгосрочные кредиты и займы основныхъ капиталовъ, возобновляющихся весьма медленно, а часто затрачиваемыхъ и навсегда, никоимъ образомъ не могутъ быть производимы посредствомъ оборотныхъ безпроцентныхъ бумагъ.

Далѣе, должно замѣтить, что учетъ векселей даетъ поводъ къ самымъ краткосрочнымъ кредитамъ, какіе только существуютъ. Обстоятельства денежнаго обращенія могутъ только исключительнымъ образомъ измѣниться въ краткіе сроки между выдачами ссудъ (то-есть, выпусками билетовъ) и полученіями по векселямъ (то-есть, нормальнымъ изъятіемъ билетовъ изъ обращенія). Поэтому здѣсь банкъ всего менѣе рискуетъ, что денежное обращеніе станетъ сокращаться не нормальнымъ, не благонадежнымъ и крайне невыгоднымъ для банка путемъ предъявленія билетовъ къ размѣну. Вмѣстѣ съ тѣмъ посредствомъ быстраго измѣненія условій учета, банкъ можетъ самымъ могущественнымъ образомъ дѣйствовать на расширеніе и сокращеніе обращенія своихъ билетовъ. Наконецъ, билеты выпускаемые единственно подъ учетъ векселей, или по крайней мѣрѣ, тѣ выпуски билетовъ, которые превосходятъ наименьшую неизмѣнную цифру бумажнаго денежнаго обращенія страны, остаются почти исключительно въ кругу коммерческихъ людей, не нисходя въ слои мелкихъ промышленниковъ и потребителей, гдѣ бумажные денежные знаки способны производить, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, наиболѣе опасныя потрясенія въ дѣлахъ.

Очертивъ главныя свойства банковаго денежнаго обращенія, мы снова возвращаемся къ ассигнаціонному, отличающемуся совершенно противоположными свойствами.

Способъ выпуска государственныхъ ассигнацій сопровождается для народнаго хозяйства совершенно иными результатами, нежели способъ выпуска банковыхъ билетовъ. Каждая ассигнація представляетъ собою капиталъ, не производительно истраченный или потребленный,* тогда какъ банко-

---

* *Не производительно* въ промышленномъ и коммерческомъ отношеніи, хотя бы государственные расходы, покрытые ассигнаціями, и были необходимы и полезны для государства и народа. Если же такіе, въ государственномъ отношеніи необходимые расходы могутъ дѣлаться *косвенно производительны* и въ промышленномъ отношеніи, то во всякомъ случаѣ не иначе, какъ въ отдаленномъ будущемъ, иногда чрезъ цѣлыя столѣтія, а въ эпоху покрытія такихъ расходовъ, они составляютъ лишь непроизводительное потребленіе.

вый билетъ, вслѣдствіе кредитной сдѣлки, обусловившей его выпускъ, означаетъ собою капиталъ занятый для коммерческаго оборота, и за тѣмъ при переходѣ своемъ изъ однѣхъ рукъ въ другія передаетъ лишь право на производительное употребленіе этого же капитала. Ассигнація, потребивъ подписанный на ней капиталъ, не ограничивается этимъ потребленіемъ, а является на рынокъ, какъ новое предложеніе денегъ, какъ новый спросъ на товаръ, не вызванный и не уравновѣшиваемый подобно банковому билету никакимъ новымъ предложеніемъ товара и новымъ спросомъ на деньги, никакими новыми товарными сдѣлками. Банковый билетъ имѣетъ передъ собою въ коммерческихъ операціяхъ, сопровождающихъ учетъ векселя, открытый путь для своего дальнѣйшаго обращенія, онъ увеличилъ собою количество орудій мѣны, но въ то же время увеличилось и количество мѣновыхъ сдѣлокъ, которыя потребуютъ для себя этихъ орудій; обращеніе же ассигнаціи не имѣетъ для себя никакой будущности въ дѣйствительныхъ потребностяхъ народнаго хозяйства, съ которыми потребность побудившая къ выпуску ассигнацій не имѣетъ ничего общаго. Обычный выпускъ банковаго билета необходимо означаетъ собою усиленіе производства; обычный выпускъ ассигнаціи—усиленіе потребленія; дальнѣйшее движеніе той и другой бумаги обусловлено тѣмъ же первоначальнымъ различіемъ въ характерѣ ихъ выпуска. Послѣдствія всего этого очевидны.

Вопервыхъ и прежде всего, какъ обращеніе банковаго билета возникаетъ само собою и естественнымъ образомъ поглощается (по крайней мѣрѣ при нормальныхъ условіяхъ выпуска и нормальныхъ обстоятельствахъ рынка) потребностями самихъ коммерческихъ оборотовъ, породившихъ выпускъ билета, такъ для ассигнаціи должно быть создано искусственное обращеніе. Оно и создается сперва пріемомъ ассигнаціи въ уплату податей и всякихъ денежныхъ взносовъ въ казну, а потомъ, когда такого обращенія при размноженіи ассигнацій не достаточно,—узаконеннымъ или обязательнымъ пріемомъ ассигнаціи наравнѣ съ звонкою монетою, во всѣхъ платежахъ между частными лицами. Такимъ образомъ обязательный курсъ государственныхъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ, составляющій столь важное вообще различіе ихъ отъ банковыхъ, пользующихся вольнымъ курсомъ (или добровольнымъ пріемомъ въ платежахъ между частными лицами), и при-

знаваемый за одну изъ отличительныхъ принадлежностей ассигнацій въ сравненіи съ банковыми билетами, есть необходимое послѣдствіе самаго способа выпуска ассигнацій въ обращеніе. Обязательный или узаконенный курсъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ придаетъ обращенію ихъ такія свойства и послѣдствія, какія чужды обращенію денежныхъ знаковъ съ вольнымъ курсомъ. Обязательный курсъ справедливо признается однимъ изъ главнѣйшихъ признаковъ ассигнацій.

Но здѣсь намъ нѣтъ надобности разсматривать вопросъ объ обязательномъ курсѣ; этому вопросу спеціяльно посвящена первая глава нашего труда, и при томъ, обязательный курсъ можетъ быть, какъ мы сказали, присвоиваемъ (хотя и исключительнымъ образомъ) также и банковымъ билетамъ, подобно билетамъ англійскаго банка. * Потому здѣсь мы разсматриваемъ способъ выпуска ассигнацій, какъ бы независимо отъ обязательнаго курса, и касаемся послѣдняго лишь на столько, на сколько онъ находится въ связи съ системою выпуска. Дѣло въ томъ, что весьма важно убѣдиться, что обязательный курсъ, съ одной стороны, необходимъ для ассигнацій и вовсе не необходимъ для банковыхъ билетовъ, но что, съ другой стороны, обязательный курсъ не можетъ сопровождаться при банковомъ способѣ выпуска тѣми вредными послѣдствіями, какъ при ассигнаціонномъ. Не говоримъ уже о томъ, что банковый способъ выпуска все-таки самъ собою *количественно* ограничиваетъ предѣлы выпусковъ обязательныхъ денежныхъ знаковъ, но сверхъ того банковые билеты даже и при обязательномъ курсѣ не теряютъ своего значенія *кредитныхъ бумагъ* и не превращаются въ ассигнаціи, потому что продолжаютъ являться въ обращеніе не иначе, какъ въ видѣ ссуды, и стало-быть вслѣдствіе спроса на деньги и предложенія товара, и не перестаютъ возвращаться въ банкъ съ погашеніемъ кредитныхъ обязательствъ, оставшихся въ портфелѣ банка. Однимъ словомъ, банковый механизмъ денежнаго обращенія не перестаетъ дѣйствовать и при узако-

---

* Билеты англійскаго (привилегированнаго частнаго) банка составляютъ во всѣхъ платежахъ legal tender, то-есть узаконенную монету, наравнѣ съ золотомъ, кромѣ платежей самого банка, который обязанъ выдавать звонкую монету по предъявленіи ему билетовъ (то-есть обязанъ размѣнивать ихъ). Билеты прусскаго (также частнаго) банка принимаются обязательно во всѣ казенные платежи.

ненномъ курсѣ банковыхъ билетовъ, хотя бы бумажное денежное обращеніе, основанное на банковыхъ билетахъ съ узаконеннымъ курсомъ, и нельзя было считать (въ особенности въ обстоятельствахъ исключительныхъ и ненормальныхъ и при отсутствіи соперничества другихъ частныхъ банковъ) тождественнымъ съ денежнымъ обращеніемъ, состоящимъ исключительно изъ банковыхъ билетовъ съ вольными курсами. *

Единственное вѣрное средство противодѣйствовать вреднымъ послѣдствіямъ обязательнаго курса бумажныхъ денежныхъ знаковъ и спасти денежную систему отъ двойственной монетной единицы заключается въ безусловной *размѣнности* узаконенныхъ денежныхъ знаковъ на звонкую монету, по предъявленію. Размѣнъ, самъ по себѣ необходимый для правильнаго денежнаго обращенія, даже при вольномъ курсѣ банковыхъ билетовъ, есть conditio sine qua non при обязательномъ курсѣ, который, какъ мы сказали, составляетъ необходимую принадлежность ассигнацій. Между тѣмъ, условіе *размѣна* денежныхъ знаковъ есть условіе особенно трудновыполнимое при *ассигнаціонномъ способѣ* ихъ выпуска.

Размѣнъ на звонкую монету есть, какъ не разъ уже было нами сказано, одна изъ важнѣйшихъ принадлежностей всякихъ безпроцентныхъ денежныхъ знаковъ и второе главное основаніе для категорическаго ихъ различенія. Неразмѣнность признается одною изъ главныхъ принадлежностей *ассигнацій*, а она также является болѣе или менѣе послѣдствіемъ самаго способа ихъ выпуска. Ассигнаціямъ недостаетъ того *банковаго покрытія* (всѣхъ кредитныхъ обязательствъ обезпечивающихъ выпуски банковыхъ билетовъ) и также не достаетъ всѣхъ кредитныхъ операцій, находящихся въ распоряженіи банка, и того непрерывнаго обратнаго движенія билетовъ въ банкъ по всѣмъ долговымъ платежамъ, посредствомъ которыхъ, съ одной стороны, банкъ можетъ всегда временно усилить запасъ своего размѣннаго металлическаго фонда (ускоренною реализаціей разныхъ своихъ бумагъ, покупкою звонкой монеты, временными займами) и посредствомъ которыхъ, съ другой стороны, парализуетъ опасный для банка напоръ билетовъ къ размѣну. Нами уже достаточно было объяснено, что размѣнъ есть только самый крайній, и даже неправильный, ненор-

---

* Это и объясняетъ, между прочимъ, ограниченія поставленныя закономъ Реберта Пиля выпускамъ билетовъ англійскаго банка.

мальный, исключительный путь возвращенія банковыхъ билетовъ въ банкъ и реакціи денежнаго рынка противъ избытка билетовъ; нормальный путь этихъ движеній заключается въ непрерывномъ теченіи билетовъ въ банкъ по всѣмъ его полученіямъ. Напротивъ того, для ассигнацій размѣнъ есть единственный путь къ возвращенію и изъятію ихъ изъ обращенія; это единственный способъ, находящійся въ распоряженіи денежнаго рынка, освободиться или вообще отъ излишнихъ выпусковъ ассигнацій, или же только отъ ихъ временныхъ избытковъ при измѣнившихся обстоятельствахъ денежнаго обращенія. Потому размѣнъ можетъ сдѣлаться для ассигнацій нормальнымъ способомъ погашенія, и правительство, безъ банковыхъ операцій и не прибѣгая къ чрезвычайнымъ мѣрамъ выкупа ассигнацій изъ обращенія, не имѣетъ средствъ противодѣйствовать этому приливу ассигнацій къ размѣну. Вмѣстѣ съ тѣмъ должно замѣтить, что движеніе размѣна ассигнацій не можетъ служить одною изъ главныхъ цѣлей размѣна банковыхъ билетовъ: быть чувствительнымъ термометромъ потребностей публики въ бумажныхъ денежныхъ знакахъ и въ звонкой монетѣ. Не говоря уже объ обязательномъ курсѣ, искусственно задерживающемъ ассигнаціи на рынкѣ, въ особенности на разобщенныхъ отъ размѣнныхъ центровъ пунктахъ, способъ выпуска ассигнацій дѣлаетъ ощутительнымъ для рынка излишество ихъ гораздо позднѣе нежели способъ выпуска банковыхъ билетовъ. По всѣмъ этимъ причинамъ, присвоеніе размѣна ассигнаціямъ есть вообще дѣло очень трудное и возможное вполнѣ лишь въ томъ случаѣ когда масса ассигнацій вообще ниже (или по крайней мѣрѣ не выше) наименьшаго неизмѣннаго количества знаковъ, нужнаго для рынка. Наши кредитные билеты суть единственныя ассигнаціи въ мірѣ, которымъ былъ присвоенъ размѣнъ на звонкую монету по предъявленію. Это и придаетъ между прочимъ нашимъ бумажнымъ деньгамъ такой исключительный, своеобразный характеръ, не имѣющій ничего себѣ подобнаго въ другихъ государствахъ.

Въ заключеніе всего этого ясно, что ассигнаціи съ обязательнымъ курсомъ, ихъ неотъемлемою принадлежностію, и еще болѣе съ присвоеніемъ имъ неразмѣнности, къ которой онѣ по натурѣ своей тяготѣютъ, создаютъ въ своихъ окон-

чательныхъ результатахъ денежное обращеніе совершенно отличное отъ банковаго, и столь вредно дѣйствующее на народное хозяйство.

Но для насъ здѣсь особенно важно замѣтить, что способъ выпуска банковыхъ билетовъ такъ отличенъ въ своихъ экономическихъ послѣдствіяхъ отъ способа выпуска ассигнацій, и такъ самъ по себѣ важенъ, что даже пріостановленіе размѣна банковыхъ билетовъ на звонкую монету, или принудительный ихъ курсъ не можетъ имѣть того вліянія, какое производитъ принудительный курсъ ассигнацій. Доказательствомъ этому можетъ служить пріостановленіе размѣна въ англійскомъ банкѣ, продолжавшееся съ 1797 по 1819 г., породившее лажъ на звонкую монету, но вовсе не сопровождавшееся тѣми коренными потрясеніями народнаго хозяйства и всеобщимъ разстройствомъ государственныхъ и частныхъ финансовъ операцій, какія всюду сопровождали выпуски государственныхъ ассигнацій *. Также точно временное пріостановленіе размѣна и обязательный курсъ билетовъ французскаго банка въ 1848 г. не произвели сколько-нибудь продолжительныхъ экономическихъ потрясеній во Франціи. Въ Австріи денежное обращеніе и всѣ коммерческія дѣла значительно исправились преимущественно съ тѣхъ поръ, какъ государственныя ассигнаціи превратились въ билеты національнаго банка, несмотря на продолженіе ихъ принудительнаго курса **. Все это весьма понятно. Пріостановка раз-

---

* Фуллартонъ, на котораго нельзя не смотрѣть, какъ на одного изъ первостепенныхъ авторитетовъ по вопросамъ денежнаго обращенія, говоритъ: „Не столько размѣнъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ на звонкую монету дѣлаетъ невозможными излишніе ихъ выпуски въ обращеніе, сколько правильное обратное теченіе (reflut) ихъ въ банкъ по платежамъ. Это теченіе есть великое регулирующее начало для *внутренняго* денежнаго обращенія; вслѣдствіе сохраненія этого начала, денежная система Великобританіи была спасена (съ 1797 по 1819 г.) отъ окончательнаго разстройства, какое сопровождало всѣ ассигнаціонные выпуски на континентѣ и какое по всей вѣроятности было бы и въ Англіи, еслибы денежное обращеніе этой эпохи было въ распоряженіи правительственнаго, а не частнаго банка.“ (См. Wagner, *Beiträge* etc. p. 121 и 122).

** Всѣ эти факты достаточно оправдываютъ, независимо отъ теоріи, необходимость различенія ассигнацій и банковыхъ билетовъ, по самому способу ихъ выпуска, и разсмотрѣнія этой стороны денежнаго обращенія, отдѣльно отъ всѣхъ другихъ.

мѣна банковыхъ билетовъ есть только временное закрытіе одного (и при томъ самаго маловажнаго и исключительнаго) канала для отлива излишковъ денежнаго обращенія; въ то время какъ другой и настоящій каналъ изъятія билетовъ изъ обращенія (по платежамъ) продолжаетъ дѣйствовать во всей своей силѣ. Какъ ни вредно вообще закрытіе размѣнныхъ кассъ въ банкахъ, но если оно только временно, то оно не имѣетъ характера банкрутства, и означаетъ собою лишь мгновенную пріостановку одной изъ многихъ операцій, погашающихъ билеты банка, нисколько не препятствующую дѣятельности всѣхъ другихъ пружинъ банка, непрерывно погашающихъ билеты. Для ассигнацій, напротивъ того, размѣнъ есть единственный нормальный способъ ихъ погашенія, и пріостановка размѣна бываетъ сопряжена съ гораздо бо́льшими неудобствами.

Изъ всего нами сказаннаго, кажется, съ достаточною ясностію обозначились теперь характеристическія черты денежнаго обращенія, зависящія преимущественно отъ способа выпуска бумажныхъ денежныхъ знаковъ въ обращеніе, способа ассигнаціоннаго и банковаго, и также обозначились общія экономическія послѣдствія того и другаго для народнаго хозяйства. Эти послѣдствія заключаются главнымъ образомъ въ дѣйствіи того и другаго способа выпуска *на цѣну денегъ* и *на кредитъ*, на эти важнѣйшіе элементы промышленной жизни, обусловливающіе собою всѣ ея проявленія. Чтобы выразиться какъ можно короче, можно сказать, что *ассигнаціи удешевляютъ цѣну денегъ, а банковые оборотные билеты удешевляютъ цѣну кредита*: въ этихъ словахъ заключается едва ли не самое общее выраженіе для всѣхъ народно-хозяйственныхъ послѣдствій той и другой системы денежныхъ знаковъ и возможныхъ при каждой изъ нихъ экономическихъ потрясеній. Банковая система бумажнаго денежнаго обращенія имѣетъ также, подобно всему на свѣтѣ, свои болѣзненныя явленія; но эти явленія зависятъ единственно или отъ злоупотребленій банковъ, или же отъ недуговъ, принадлежащихъ самому народному хозяйству, и только отражающихся на банкахъ. Банковыя денежныя потрясенія могутъ быть болѣе или менѣе парализуемы и даже вовсе устранены, какъ осмотрительностію банковъ, такъ и правилами, которымъ подчинена ихъ дѣятельность; во всякомъ же случаѣ, если банки и участвуютъ въ этихъ потрясеніяхъ, то вредъ уравновѣшивается здѣсь несомнѣнными

благодѣяніями банковаго кредита. Сравнивъ нормальныя условія обѣихъ системъ, мы должны теперь нѣсколько ближе вникнуть въ болѣзненныя экономическія явленія, связанныя съ тою и другою.

Единственное средство, при ассигнаціонной денежной системѣ, спасти народное хозяйство отъ кризисовъ и произвольнаго, искусственнаго вліянія на цѣны и на ходъ промышленности и торговли, и спасти самый механизмъ ассигнаціонной системы отъ опасности крушенія, — это остановиться въ выпускахъ ассигнацій на цифрѣ *наименьшаго неизмѣннаго количества* бумажныхъ денежныхъ знаковъ, во всякое время и при всякихъ обстоятельствахъ необходимаго для оборотовъ страны, въ прибавокъ къ обращающейся звонкой монетѣ. Почти такъ и было у насъ до восточной войны, въ періодъ времени съ 1848 по 1853 г., который мы назвали нормальнымъ періодомъ обращенія кредитныхъ билетовъ. По опыту извѣстно, что вездѣ есть такая неизмѣнная цифра орудій мѣны, необходимыхъ для каждой страны, если и измѣняющаяся, то весьма медленно. Количество выпущенныхъ ассигнацій можетъ быть при этомъ, для безусловной благонадежности денежной системы, поставлено даже ниже упомянутой цифры, ибо для народнаго хозяйства всегда безопаснѣе имѣть менѣе бумажныхъ денегъ въ обращеніи, нежели болѣе того сколько нужно. Недостающее количество, въ крайнемъ случаѣ, можетъ быть всегда замѣнено, если не звонкою монетой, то частными кредитными оборотными способами, каковы преимущественно коммерческіе векселя. Очевидно, что до тѣхъ поръ, пока выпуски ассигнацій только вытѣсняютъ изъ обращенія звонкую монету, они могутъ производить лишь временныя потрясенія въ цѣнахъ, промышленности и торговлѣ, потрясенія, сглаживающіяся посредствомъ соотвѣтственнаго уменьшенія количества орудій мѣны, или пропорціональнаго изчезновенія звонкой монеты. Настоящіе и самые важные ассигнаціонные кризисы начинаются послѣ совершеннаго вытѣсненія ассигнаціями звонкой монеты изъ народнаго обращенія; они усиливаются соразмѣрно съ возрастаніемъ выпусковъ, къ чему ассигнаціонная система всегда имѣетъ нѣкоторое тяготѣніе. Это тяготѣніе ассигнаціонной системы къ увеличенію массы денежныхъ знаковъ происходитъ вовсе не отъ одной только наклонности государственной казны пользоваться ассигнаціями, какъ финан-

совымъ воспособленіемъ, и расширять свои расходы, но оно имѣетъ и другую, не менѣе естественную причину, тѣсно связанную съ самыми свойствами ассигнаціоннаго денежнаго обращенія.

И теорія народнаго хозяйства, и факты денежнаго обращенія всѣхъ странъ доказываютъ, что сверхъ общей неизмѣнной, наименьшей, цифры денегъ, необходимой для каждой страны, мѣстное и временное количество ихъ въ обращеніи, подъ вліяніемъ мѣстныхъ и временныхъ обстоятельствъ промышленности, торговли и кредита, чрезвычайно измѣнчиво. Эта измѣнчивость, эта колеблимость цифры денежнаго обращенія, около извѣстной средней цифры, явствуетъ изъ отчетовъ всѣхъ оборотныхъ банковъ: количество билетовъ выпускаемыхъ ими въ обращеніе, *сверхъ извѣстнаго тіпітит и около извѣстной средней цифры, ежедневно измѣняется.* Когда обстоятельства денежныхъ рынковъ положительно указываютъ на временную или мѣстную потребность въ увеличеніи существующаго количества денежныхъ знаковъ, то правительство находитъ въ этихъ обстоятельствахъ все оправданіе для новыхъ выпусковъ, быстро поглощаемыхъ тогда потребностями рынка и не влекущихъ за собою на первое время никакихъ болѣзненныхъ послѣдствій. Но обстоятельства измѣняются, ассигнаціонная система не обладаетъ никакимъ нормальнымъ способомъ къ сокращенію денежнаго обращенія, кромѣ размѣна на звонкую монету, а вновь выпущенное количество ассигнацій остается въ обращеніи и производитъ искусственныя измѣненія въ отношеніяхъ цѣны денегъ и товаровъ. Такъ было у насъ въ 1848 г., когда, послѣ чрезвычайнаго требованія кредитныхъ билетовъ въ обмѣнъ на звонкую монету въ предшествовавшемъ 1847 г., выпущено было вновь въ обращеніе 34 милліона кредитныхъ билетовъ, въ томъ числѣ 17 милліоновъ непокрытыхъ взносомъ звонкой монеты въ размѣнный фондъ. Въ этомъ 1848 году новый выпускъ, можетъ быть, и соотвѣтствовалъ обстоятельствамъ времени, и, можетъ-быть, сверхъ того, соотвѣтствовалъ обстоятельствамъ мѣстнымъ; но, въ быстромъ возрастаніи востребованія звонкой монеты въ 1848 и 1849 г., обнаружилась реакція денежныхъ рынковъ противъ денежныхъ выпусковъ 1847 и 1848 г. Не прекращавшееся дѣйствіе размѣна кредитныхъ билетовъ возстановило равновѣсіе и низвело цифру кредитныхъ билетовъ въ обращеніи до прежняго уровня —300 милліоновъ руб.

Размѣнъ на звонкую монету, даже когда онъ и присвоенъ ассигнаціоннымъ денежнымъ знакамъ, не разрѣшаетъ однако вполнѣ задачи равновѣсія между потребностями обращенія и количествомъ орудій обращенія и не уничтожаетъ искусственнаго вліянія ассигнацій на цѣны денегъ и товаровъ. Не говоря уже объ обязательномъ курсѣ ассигнаціонныхъ денежныхъ знаковъ, задерживающемъ ихъ искусственно въ обращеніи и нарушающемъ свободное дѣйствіе размѣна, самый способъ ассигнаціонныхъ выпусковъ не допускаетъ быстраго возстановленія равновѣсія въ денежномъ обращеніи путемъ размѣна. Какъ было уже сказано, всякій ассигнаціонный выпускъ заключаетъ въ себѣ предложеніе денегъ, спросъ на товаръ и усиленіе потребленія безъ соотвѣтствующаго предложенія товаровъ, спроса на деньги и усиленія производства. Весьма естественно по этому, что всякій ассигнаціонный выпускъ, какова бы ни была масса бывшихъ до него въ обращеніи денежныхъ знаковъ, и каково бы ни было количество вновь выпускаемыхъ, имѣетъ наклонность къ возвышенію цѣнъ на товары и къ удешевленію денегъ. Это необходимое послѣдствіе всякаго ассигнаціоннаго выпуска, парализуемое лишь разными случайными и побочными обстоятельствами, въ свою очередь заставляетъ, какъ всякое вздорожаніе товаровъ, желать и оправдывать новое увеличеніе количества бумажныхъ денегъ. Эта дороговизна товаровъ и удешевленіе денегъ, искусственнымъ образомъ возстановляющія равновѣсіе въ ассигнаціонномъ денежномъ обращеніи (что̀ мы видѣли на дѣлѣ въ предыдущей главѣ), съ одной стороны, создаютъ искусственную потребность въ денежныхъ знакахъ и, съ другой стороны, парализуютъ естественное движеніе размѣна и быстрый приливъ къ нему избытковъ денежныхъ знаковъ. Это особенное явленіе, свойственное преимущественно ассигнаціонной денежной системѣ, мы уже замѣтили въ фактахъ нашего денежнаго обращенія (то-есть въ относительно-медленномъ приливѣ билетовъ къ размѣну послѣ усиленныхъ выпусковъ и послѣ возобновленія размѣна, временно прекращавшагося) до восточной войны, и послѣ. Такимъ образомъ ассигнаціонная денежная система, можно сказать, обречена послѣдовательно: увеличивать количество денежныхъ знаковъ новыми выпусками, производить ими искусственную потребность въ деньгахъ и ощущеніе безденежья, и продолжать прогрес-

сивно свои выпуски, безъ всякихъ наружныхъ признаковъ ихъ избытковъ до тѣхъ поръ, пока промышленный и коммерческій кризисъ не обнаружитъ корня зла. Размѣнъ, дѣйствительно, въ окончательныхъ своихъ результатахъ, во что бы то ни стало, возстановитъ равновѣсіе въ денежномъ обращеніи, но для этого при ассигнаціонной денежной системѣ необходимо, чтобы совершился довольно медленный процессъ перехода вновь выпущенныхъ денежныхъ знаковъ изъ однихъ слоевъ общества и народнаго хозяйства въ другіе, вообще изъ рукъ потребителей и публики въ руки производителей и людей коммерческихъ, чтобъ образовались въ этихъ послѣднихъ рукахъ сбереженія капиталовъ; чтобы проявились обстоятельства неблагопріятныя для дороговизны, чтобы международныя коммерческія отношенія и курсы воздѣйствовали на ходъ внутреннихъ дѣлъ и т. д. Всѣ эти неблагопріятныя для народнаго хозяйства явленія происходятъ изъ того кореннаго вреднаго свойства ассигнаціонной денежной системы, что количество денегъ находящихся въ обращеніи народномъ опредѣляется при этой системѣ искусственно, и потому произвольно создаются, независимо отъ естественныхъ отношеній предложенія и спроса, искусственная цѣна денегъ и искусственныя цѣны для всѣхъ товаровъ. Поэтому-то вопросъ о *количествѣ находящихся* въ народномъ обращеніи *ассигнацій* и получаетъ такое огромное преобладающее значеніе, какого никогда не имѣетъ этотъ вопросъ въ чисто-банковой системѣ денежнаго обращенія.

Теперь мы должны сказать нѣсколько словъ о потрясеніяхъ, сопровождающихъ систему банковаго и денежнаго обращенія. Хотя многіе экономисты отвергаютъ всякую возможность банковыхъ выпусковъ, сверхъ потребностей рынка, но ни въ теоріи, ни въ виду дѣйствительныхъ фактовъ, нельзя вовсе отрицать возможности этихъ, такъ-называемыхъ, *излишнихъ* выпусковъ банковыхъ билетовъ и также возможности вліянія выпускныхъ банковъ на промышленные и коммерческіе кризисы. *

---

* Много, впрочемъ, ошибочныхъ воззрѣній распространилось вслѣдствіе страннаго понятія о банковыхъ безпроцентныхъ билетахъ, какъ о даровомъ кредитѣ, ничего будто бы не стоющемъ банкамъ. Не мало также ошибочныхъ понятій извлечено изъ дѣйствій привилегированныхъ банковъ, злоупотреблявшихъ своими преимуществами.

Здѣсь должно въ особенности замѣтить, что при нормальныхъ обстоятельствахъ коммерческихъ дѣлъ, банковые выпуски не могутъ производить никакихъ потрясеній; послѣднія возможны лишь при извѣстномъ спекулятивномъ направленіи, овладѣвающемъ рынками и находящемъ въ выпускныхъ банкахъ дѣйствительно нѣкоторую поддержку для продолженія напряженнаго состоянія цѣнъ и спекуляцій. * Такъ какъ главное превосходство банковой системы выпусковъ предъ ассигнаціонною заключается въ усиливающемся, въ одно время съ новымъ предложеніемъ денегъ, предложеніи товаровъ, то можно вообще сказать, что банковые выпуски способны тогда именно смущать естественное теченіе дѣлъ, когда упомянутое предложеніе товара и увеличеніе товарныхъ сдѣлокъ исключительнымъ образомъ ослабѣваютъ и останавливаются. Банки, продолжая безостановочно свои выпуски подъ учетъ векселей въ эпоху промышленнаго возбужденія и спекуляціи, даютъ возможность торговцамъ продолжать свои спекулятивныя закупки товаровъ, и удерживать цѣны на высокомъ уровнѣ, и потому не только затягиваютъ, но и ожесточаютъ разрѣшеніе кризиса (чѣмъ больше накуплено товаровъ, тѣмъ продажа излишне - закупленныхъ товаровъ должна быть убыточнѣе). Это и было не разъ уже замѣчено, въ особенности относительно американскихъ банковъ. Но здѣсь необходимо однако замѣтить, что вслѣдствіе кредитныхъ обязательствъ, обременяющихъ всѣ лица, получавшія билеты изъ банка, необходимо, чтобы рынкомъ уже овладѣло извѣстное спекулятивное направленіе, для того чтобы кредиторы банка рѣшились во что̀ бы то ни стало задерживать въ своихъ рукахъ товаръ, пріобрѣтенный на билеты банка. За тѣмъ даже и въ подобномъ случаѣ и даже при самыхъ сильныхъ злоупотребленіяхъ банковыми выпусками, реакція, небходимо связанная съ кредитными обязательствами, быстро возстановляетъ равновѣсіе, принуждаетъ торгующихъ къ ликвидаціи, дѣйствуетъ разрушительно преимущественно лишь въ коммерческихъ кругахъ, и отзывается на каждомъ отдѣльномъ лицѣ болѣе или менѣе соразмѣрно съ его увлеченіями. Каждый страдаетъ болѣе или менѣе по своей винѣ. Съ другой стороны, когда въ коммерческихъ кризисахъ наступаетъ реакція послѣ перваго періода спекулятив-

---

* Срав. J. S. Mill *Principles. of Pol. Econ.*, v. II, p. 65.

наго возбужденія, то въ банкахъ же торговля находитъ необходимыя для себя кредитныя пособія, и они даютъ возможность людямъ заслуживающимъ кредита преодолѣть временныя затрудненія и не сдѣлаться жертвами кризиса. Такія пособія кредита, чрезъ расширеніе учета, по миновании перваго періода кризиса, всюду оказывались чрезвычайно благодѣтельными, парализуя продолжительность кризиса въ его вліяніи на производство и на все народное хозяйство. Этимъ и объясняется быстрое поправленіе дѣлъ послѣ коммерческихъ кризисовъ въ государствахъ Западной Европы и Сѣверной Америкѣ, не имѣющихъ иныхъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ, кромѣ банковыхъ.

Кризисы, въ которыхъ участвуютъ, какъ ухудшающее условіе, безразсудныя банковыя операціи по выпуску билетовъ, никогда не теряютъ характера исключительно промышленныхъ и коммерческихъ затрудненій, ибо денежныя потрясенія ихъ сопровождающія являются только какъ послѣдствія промышленныхъ и коммерческихъ потрясеній и, съ поправленіемъ промышленныхъ и коммерческихъ дѣлъ, денежныя затрудненія сами собою устраняются. Промышленныя и коммерческія потрясенія, порождаемыя ассигнаціонными кризисами, имѣютъ характеръ по преимуществу денежный; въ нихъ денежныя потрясенія дѣйствуютъ какъ причина, и потому такія затрудненія порождаютъ всеобщее народно-хозяйственное разстройство, которое, съ измѣненіемъ промышленныхъ и коммерческихъ дѣлъ, можетъ быть устранено только временно; но совершенно уступаетъ лишь врачеванію коренным образомъдѣйствующему на самую причину, *то-есть на денежную систему государства.*

Смѣемъ думать, что изложенная нами теорія ассигнаціонной денежной системы сравнительно съ банковою можетъ послужить къ достаточному объясненію многихъ явленій нашего денежнаго обращенія и многихъ нашихъ промышленныхъ, коммерческихъ и кредитныхъ затрудненій, которыя были описаны нами въ предыдущей главѣ. Впрочемъ во всѣхъ нашихъ разсужденіяхъ мы постоянно имѣли въ виду дѣйствительные факты, и именно наши отечественные факты, которые только подкрѣпляютъ общую теорію, и могутъ, мы надѣемся, содѣйствовать дальнѣйшему развитію нѣкоторыхъ ея сторонъ.

На основаніи всего нами изложеннаго въ настоящей главѣ

мы можемъ представить теперь слѣдующіе общіе выводы относительно главнѣйшихъ послѣдствій дѣйствовавшаго у насъ ассигнаціоннаго способа выпуска кредитныхъ билетовъ:

1. До тѣхъ поръ пока масса кредитныхъ билетовъ въ обращеніи соотвѣтствовала неизмѣнной наименьшей потребности въ бумажныхъ знакахъ, какъ въ прибавкѣ къ звонкой монетѣ, до тѣхъ поръ вредное вліяніе ассигнаціонной денежной системы могло проявляться у насъ лишь *отрицательно*, то-есть при этомъ наша промышленность и торговля *были только лишены* кредитныхъ пособій оборотныхъ или выпускныхъ банковъ. Потомъ вредное вліяніе ассигнаціонной денежной системы сдѣлалось уже *положительнымъ* явленіемъ и росло пропорціонально вытѣсненію звонкой монеты изъ нашего денежнаго обращенія, а съ принудительнымъ курсомъ билетовъ (то-есть, закрытіемъ размѣна въ 1856 г.) это зло окончательно отвердѣло въ нашемъ народномъ хозяйствѣ и обусловило собою его недуги.

2. Вслѣдствіе способа выпуска кредитныхъ билетовъ, совокупно съ принудительнымъ курсомъ, *количество* денежныхъ знаковъ въ обращеніи сдѣлалось преобладающимъ условіемъ для цѣны денегъ и цѣнъ товаровъ, такимъ преобладающимъ условіемъ, какимъ это количество само по себѣ никогда не могло бы быть при банковомъ денежномъ обращеніи, при которомъ количество выпущенныхъ билетовъ можетъ имѣть значеніе лишь для оборотовъ и интересовъ самого банка.

3. Вслѣдствіе способа выпуска кредитныхъ билетовъ, излишніе ихъ выпуски не могли быстро отражаться въ движеніяхъ размѣна; этимъ и объясняются, замѣченные нами въ предыдущей главѣ, поздніе приливы билетовъ къ размѣну послѣ усиленнаго выпуска 1847 г. и чрезвычайныхъ выпусковъ 1853 и 1855 гг., независимо отъ стѣсненій размѣна.

4. Также точно и съ возобновленіемъ размѣна въ 1862 году избытки кредитныхъ билетовъ не могли, послѣ продолжительнаго принудительнаго курса, тотчасъ заявить себя у размѣнной кассы.

5. Вслѣдствіе самаго способа выпуска кредитныхъ билетовъ, размѣнъ дѣлается для рынка не только источникомъ пріобрѣтенія звонкой монеты, чѣмъ онъ почти исключительно служитъ въ банковой денежной системѣ, но и каналомъ къ освобожденію отъ избытковъ денежныхъ знаковъ.

6. Наши коммерческія и промышленныя затрудненія не

могутъ имѣть характера западно-европейскихъ и сѣверо-американскихъ кризисовъ, и, между прочимъ, они не заключаютъ въ себѣ условій быстрой реакціи и поправленія дѣлъ, принадлежащихъ банковому денежному обращенію.

Разсмотрѣвъ послѣдствія ассигнаціоннаго способа выпуска кредитныхъ билетовъ и показавъ относительныя выгоды банковой системы, мы должны перейдти теперь къ тѣмъ тяготѣніямъ, которыя обнаружились, въ послѣднее время, въ нашей бумажной денежной системѣ къ превращенію въ банковую.

IV.

СУЩЕСТВУЮЩІЯ НЫНѢ УСЛОВІЯ ПРЕВРАЩЕНІЯ КРЕДИТНЫХЪ БИЛЕТОВЪ ИЗЪ АССИГНАЦІОННЫХЪ ДЕНЕЖНЫХЪ ЗНАКОВЪ ВЪ БАНКОВЫЕ.

Эпохою для перерожденія внутренняго характера кредитныхъ билетовъ или для превращенія ихъ изъ ассигнацій въ банковые билеты, было учрежденіе въ 1860 г. государственнаго банка. *Упроченіе денежной кредитной системы* поставлено было въ уставѣ банка (§ 1) главною его задачею. Къ нему перешли всѣ обязанности экспедиціи государственныхъ кредитныхъ билетовъ, вся масса билетовъ, выпущенныхъ въ народное обращеніе, введена въ счеты банка, или въ его дебетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ распоряженіе государственнаго банка поступилъ размѣнный фондъ, а вся остальная сумма билетовъ, не обезпеченныхъ фондомъ, поставлена долгомъ государственнаго казначейства банку или его кредитомъ. Всѣ операціи, относящіяся къ кредитнымъ билетамъ, производятся съ тѣхъ поръ не иначе, какъ чрезъ посредство государственнаго банка, который сдѣлался какъ бы лицомъ отвѣтственнымъ передъ публикой по всѣмъ находящимся

въ обращеніи кредитнымъ билетамъ, подобно всякому банку, отвѣтственному по своимъ собственнымъ билетамъ, и въ то же время, государственный банкъ сдѣлался кредиторомъ государственнаго казначейства, отвѣтственнаго передъ банкомъ на всю сумму билетовъ не покрытыхъ соотвѣтствующею наличностью въ размѣнномъ фондѣ. Хотя чрезъ все это еще не измѣнилась сущность нашихъ кредитныхъ билетовъ, т. е. сущность ихъ какъ ассигнацій, какъ узаконенной государственной монеты и какъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ, обезпеченныхъ всѣмъ достояніемъ государства; хотя возникшая въ лицѣ государственнаго банка *посредствующая* (между государственнымъ казначействомъ и публикой) банковая отвѣтственность есть отвѣтственность собственно не банка (т.-е., учрежденія частнаго и независимаго отъ правительства), а только отвѣтственность такого же государственнаго учрежденія, какъ само государственное казначейство, и потому въ окончательномъ результатѣ это та же самая отвѣтственность государства по своимъ кредитнымъ обязательствамъ, однако, несмотря на все это, *внѣшній механизмъ* операцій по выпуску и изъятію изъ обращенія кредитныхъ билетовъ сдѣлался во многихъ отношеніяхъ банковымъ. Всего же важнѣе для насъ, то обстоятельство, что существующій механизмъ государственнаго банка можетъ послужить первымъ шагомъ къ окончательному превращенію нашихъ государственныхъ ассигнацій въ банковые билеты. Дальнѣйшія въ этомъ отношеніи преобразованія тѣсно связаны съ преобразованіями въ самомъ устройствѣ и уставѣ государственнаго банка, который съ самаго его основанія былъ впрочемъ разсматриваемъ лишь какъ переходная ступень къ превращенію изъ чистоправительственнаго учрежденія (государственнаго коммерческаго банка) въ настоящій (т. е. частный) банкъ. Во всякомъ случаѣ, уже первый сдѣланный шагъ могъ и можетъ послужить важнымъ облегченіемъ для тѣхъ финансовыхъ операцій, которыя предприняты правительствомъ относительно денежнаго обращенія. Сверхъ всего этого, гласность и періодическая отчетность по всѣмъ операціямъ государственнаго банка были рѣшительнымъ пріобрѣтеніемъ для кредитныхъ би-

летовъ. Наконецъ какъ ни мало можетъ быть самостоятельно учрежденіе, подобное государственному банку и какъ, потому, ни тщетно было бы требовать отъ него настоящей коммерческой и кредитной отвѣтственности и отчетности передъ публикой въ лицѣ его распорядителей, все-таки для кредитныхъ билетовъ возникла нѣкоторая публичная, нравственная и личная отвѣтственность о которой прежде не было и помину.

Посвятивъ свой трудъ собственно изслѣдованію существующихъ фактовъ нашего денежнаго обращенія и по возможности отклоняя отъ себя обсужденіе практическихъ мѣръ для будущаго, мы оставляемъ въ сторонѣ вопросъ о предстоящихъ преобразованіяхъ въ отношеніяхъ государственнаго банка къ государственному казначейству и ограничимся замѣчаніями относительно связи нашего бумажнаго денежнаго обращенія съ операціями государственнаго банка, *чисто съ технической точки зрѣнія*. Наши замѣчанія преимущественно должны выяснить все то, *чего собственно еще недостаетъ кредитнымъ билетамъ, дабы въ чисто техническомъ банковомъ отношеніи, чтобы сдѣлаться настоящими банковыми билетами*.

Съ этой точки зрѣнія должно вообще сказать, что принятое раздѣленіе всѣхъ операцій государственнаго банка на двѣ категоріи: 1) за счетъ государственнаго казначейства и 2) коммерческія, — весьма раціонально и полезно. Первая категорія, къ которой принадлежатъ и всѣ обороты банка по кредитнымъ билетамъ, представляетъ собою всю совокупность финансовыхъ операцій, принятыхъ на себя банкомъ отъ правительства, какъ бы на отвѣтственную комиссію *. Вторая категорія заключаетъ въ себѣ всѣ собственныя кредитныя операціи банка.

Эти послѣднія исключительно сосредоточены около коммерческаго и краткосрочнаго кредита, который признается,

---

* Нельзя не признать весьма правильнымъ отнесеніе къ той же категоріи процентныхъ вкладовъ, не только перешедшихъ изъ прежнихъ кредитныхъ установленій, но даже и вновь поступающихъ. Эти вклады обусловлены въ настоящее время гораздо менѣе собственными коммерческими операціями банка, нежели обстоятельствами денежнаго обращенія, для котораго вклады служатъ однимъ изъ средствъ сокращенія.

какъ мы уже говорили, наиболѣе способнымъ съ соединенію съ операціями по выпуску безпроцентныхъ денежныхъ знаковъ.

Мы должны взглянуть на связь кредитныхъ билетовъ съ операціями государственнаго банка: *вопервыхъ* въ отношеніи къ банковому обезпеченію билетовъ и *вовторыхъ* въ отношеніи къ ихъ выпуску и обращенію.

Относительно банковаго обезпеченія кредитныхъ билетовъ можно сдѣлать одно существенное замѣчаніе. Это обезпеченіе, кромѣ металлическаго размѣннаго фонда заключается единственно въ записанномъ по счетамъ банка безпроцентномъ долгѣ государственнаго казначейства за кредитные билеты. По смыслу этого долга государственное казначейство приняло на себя разъ навсегда обязательство снабжать банкъ всѣми необходимыми способами для исполненія обязательствъ, возникающихъ для банка изъ кредитныхъ билетовъ, въ томъ числѣ по размѣну ихъ на звонкую монету, по предъявленію.* Такимъ образомъ, въ силу этихъ отношеній государственнаго казначейства къ государственному банку, былъ заключенъ правительствомъ 7-й пятипроцентный заемъ для усиленія размѣннаго металлическаго фонда, и суммы этого займа поступали въ банкъ въ счетъ долга государственнаго казначейства за кредитные билеты; также точно вмѣстѣ съ звонкою монетой по этому займу поступали въ размѣнную кассу, по нѣкоторымъ недѣльнымъ отчетамъ банка, въ 1863 г. государственные фонды, *вѣроятно* также въ счетъ общаго долга государственнаго казначейства по выпущеннымъ въ обращеніе кредитнымъ билетамъ. Итакъ государственное казначейство доставляетъ банку по мѣрѣ надобности способы, обезпечивающіе исполненіе передъ публикой обязательствъ по кредитнымъ билетамъ, перешедшихъ отъ государственнаго казначейства на отвѣтственность банка. Съ банковой точки зрѣнія, приня-

---

* Какъ относительно обязанностей государственнаго банка по кредитнымъ билетамъ не было постановлено никакихъ формальныхъ правилъ, то и неизвѣстно, въ какой степени переходятъ на банкъ разныя обязанности государственнаго казначейства по кредитнымъ билетамъ, напр. повсемѣстный размѣнъ ихъ на звонкую монету (до 100 р.) въ уѣздныхъ казначействахъ.

тая до сихъ поръ система обезпеченія кредитныхъ билетовъ (т.-е. зачисленіе безпроцентнымъ долгомъ государственнаго казначейства всей массы билетовъ, не покрытой размѣннымъ фондомъ) очевидно недостаточна; мы уже говорили, что вся масса банковыхъ билетовъ, выпущенныхъ въ обращеніе, необходимо требуетъ для себя *банковаго покрытія* полною суммой. За тѣмъ характеръ такой цѣнности, какъ безпроцентный долгъ государственаго казначейства, лишь записанный по счетамъ въ кредитъ банка, не соотвѣтствуетъ характеру массы кредитныхъ билетовъ, обезпеченной этимъ долгомъ; эта сумма не покрытая размѣннымъ фондомъ (по послѣднимъ отчетамъ * до 570 мил.) далеко не представляетъ собою, какъ всякій знаетъ, того наименьшаго количества бумажныхъ денежныхъ знаковъ, которое при всякихъ условіяхъ и обстоятельствахъ было бы неизмѣнно необходимо для нашего денежнаго обращенія и которое потому было бы внѣ всякой опасности предъявленія къ размѣну. Подобною цифрою денежнаго обращенія конечно не можетъ быть у насъ 570 мил. кредитныхъ билетовъ а развѣ только количество ихъ вдвое этого меньшее.

Въ этой массѣ кредитныхъ билетовъ, обезпеченной долгомъ государственнаго казначейства, заключаются не только тѣ бумажные денежные знаки, которыхъ количество, смотря по надобностямъ рынка, можетъ безпрестанно измѣняться и потому требовать при извѣстныхъ обстоятельствахъ временнаго сокращенія, или увеличенія, но въ этой же массѣ заключается тотъ положительный избытокъ билетовъ, о которомъ мы говорили въ предыдущей главѣ и который будетъ неуклонно стремиться къ выходу изъ народнаго обращенія, какъ это уже и отразилось на ходѣ размѣнной операціи въ 1862 и 1863 г. Если съ точки зрѣнія банковаго механизма необходимо требуется *банковое покрытіе* (т.-е. обезпеченіе въ полной суммѣ кредитными обязательствами, остающимся въ портфелѣ банка) для всѣхъ безъ изъятія билетовъ банка, находящихся въ народномъ обращеніи, то такое покрытіе тѣмъ болѣе требуется

---

* 11 ноября 1863 г. до 568 мил.

для массы билетовъ, имѣющей свойства подобныя описаннымъ выше *.

Строгое благоразуміе требуетъ, чтобы банковое покрытіе даже наименьшей неизмѣнной цифры билетовъ заключало въ себѣ на случай чрезвычайныхъ надобностей извѣстную долю легко реализуемыхъ бумагъ; такъ напримѣръ въ Англійскомъ банкѣ лишь извѣстная доля цифры 14 милл. ф. стерл., признанной наименьшею цифрой денежнаго обращенія, покрыта записаннымъ по счетамъ долгомъ государственнаго казначейства (11 мил. ф. с.) *при томъ не безпроцентнымъ*; а остальная сумма заключается въ разныхъ государственныхъ бумагахъ, способныхъ къ быстрой реализаціи, въ томъ числѣ срочныхъ билетахъ государственнаго казначейства. Сверхъ того, всѣ эти 14 мил. билетовъ, составляющихъ maximum билетовъ, дозволенныхъ Англійскому банку къ выпуску безъ металлическаго покрытія и переданныхъ разъ навсегда изъ *выпускнаго департамента* банка въ департаментъ банковыхъ операцій, выпущены банкомъ (а не государственнымъ казначействомъ) по разнымъ кредитнымъ операціямъ прежде нежели послѣдовало въ 1844 г. законодательное ограниченіе выпусковъ банка. Поэтому весьма значительная и обыкновенно даже бо́льшая часть этихъ 14 мил. ф. с. билетовъ покрыта частными долговыми обязательствами въ портфелѣ банка (стало-быть покрыта вдвойнѣ.) **

Такое обезпеченіе извѣстной части кредитныхъ билетовъ, находящихся въ народномъ обращеніи (т.-е. части превосходящей наименьшее всегда необходимое для государства количество ихъ) посредствомъ государственныхъ процентныхъ бумагъ, выданныхъ банку въ счетъ общаго долга

---

* Къ банковому покрытію могутъ принадлежать и извѣстныя опредѣленныя права банка на нѣкоторыя государственныя имущества. О банковомъ покрытіи для кредитныхъ билетовъ было уже заявляемо въ нашей литературѣ и между прочимъ однимъ изъ знатоковъ нашихъ по банковой части, составившемъ въ 1861 проектъ регулированія нашей денежной системы и превращенія кредитныхъ билетовъ въ банковые (смотри *Совр. Лѣтоп. Рус. Вѣст.* 1862 г. № 7). Самая замѣчательная часть этого проекта едва ли не заключалась въ изложеніи необходимости банковаго покрытія для кредитныхъ билетовъ.

** Это обстоятельство заслуживаетъ особаго вниманія, когда разсуждаютъ объ обезпеченіи билетовъ Англійскаго банка единственно будто бы долгомъ государственнаго казначейства *записаннымъ по книгамъ банка.*

государственнаго kазначейства по билетамъ, — процентныхъ бумагъ, по мѣрѣ надобности легко реализуемыхъ банкомъ, должно было бы служить самымъ правильнымъ способомъ изъятія изъ обращенія излишнихъ kредитныхъ билетовъ и мѣрою необходимою для устойчиваго хода размѣнной операціи. Эта мѣра очевидно замѣнила бы для нашихъ kредитныхъ билетовъ и то обратное теченіе ихъ въ банкъ, о которомъ мы достаточно говорили, котораго не допускаетъ нашимъ билетамъ, какъ бумагамъ выпущеннымъ не банкомъ, и которое во всякой банковой системѣ уравновѣшиваетъ излишніе приливы билетовъ къ размѣну. Въ сущности эта мѣра, клонящаяся къ выпуску государственныхъ процентныхъ бумагъ въ замѣнъ излишнихъ kредитныхъ билетовъ, есть въ своихъ окончательныхъ результатахъ внутренній государственный заемъ, но лишь произведенный банковымъ путемъ.

Если kредитные билеты должны получить характеръ банковыхъ билетовъ, то банковое покрытіе ихъ тѣми или другими способными къ реализаціи цѣнностями или государственными процентными бумагами гораздо болѣе сообразно съ условіями банковыхъ операцій, нежели прямой государственный заемъ (напримѣръ по подпискѣ). Входить въ болѣе подробное разсмотрѣніе этого чисто практическаго вопроса, мы считаемъ впрочемъ противнымъ настоящей цѣли нашихъ изслѣдованій; мы ограничимся здѣсь лишь однимъ общимъ замѣчаніемъ, что выдача въ распоряженіе банка государственныхъ процентныхъ бумагъ для извлеченія изъ обращенія излишнихъ kредитныхъ билетовъ имѣла бы тѣ несомнѣнныя выгоды сравнительно съ прямымъ государственнымъ займомъ, что сокращеніе бумажнаго денежнаго обращенія шло бы постепенно, безъ всякихъ искусственныхъ потрясеній, но сообразно потребностямъ и движеніямъ самаго рынка.

Во всякомъ случаѣ, kогда мы говоримъ о недостаткѣ банковаго обезпеченія kредитныхъ билетовъ, то мы нисколько не затрогиваемъ этимъ вопроса о внутренней сущности ихъ обезпеченія, которая заключается въ достояніи государства или въ государственномъ kредитѣ и нисколько не измѣняется отъ тѣхъ или другихъ условій банковаго ихъ обезпеченія. Эти условія, само собою разумѣется, имѣютъ значеніе не столько для внутренней цѣнности kредитныхъ

билетовъ и довѣрія къ нимъ, которое конечно мало теряетъ отъ нынѣшнихъ формъ банковаго ихъ обращенія,—сколько для превращенія ихъ въ настоящіе банковые билеты и для обезпеченія устойчивости банковыхъ оборотовъ съ ними связанныхъ.

Теперь переходимъ къ способу выпуска кредитныхъ билетовъ изъ государственнаго банка въ народное обращеніе. Государственному банку дозволено было (съ 1 мая 1862 г.) выпускать вновь кредитные билеты лишь въ обмѣнъ на драгоцѣнные металлы (звонкую монету и слитки). Противъ этой операціи нельзя ничего сказать,—она безусловно благонадежна, и даже во все продолженіе дѣйствія размѣна, которымъ она была обусловлена, не составляла собственно выпуска вновь кредитныхъ билетовъ въ обращеніе, ибо съ тѣхъ поръ, какъ былъ открытъ размѣнъ и по день его пріостановленія, обмѣнъ кредитныхъ билетовъ на звонкую монету постоянно превышалъ обмѣнъ металловъ на билеты. Разница въ пользу обмѣна билетовъ на звонкую монету достигла, въ теченіи полутора-годоваго дѣйствія размѣна, даже такой значительной цифры, что она доказываетъ, въ общей сложности денежнаго обращенія, положительное отсутствіе спроса на бумажные денежные знаки, которые требовались публикою въ обмѣнъ на монету въ такихъ ничтожныхъ количествахъ, что подобныя требованія можно принять за совершенно случайныя, спекулятивныя и мгновенныя. Сюда принадлежатъ преимущественно приливы звонкой монеты отъ спекулянтовъ на монету и слитковъ отъ золотопромышленниковъ; тѣ и другія требованія бумажныхъ денежныхъ знаковъ не заключаютъ въ себѣ никакихъ условій для прочнаго ихъ водворенія въ денежномъ обращеніи и не доказываютъ сами по себѣ никакой потребности рынка въ увеличеніи количества орудій мѣны. Поэтому обмѣнъ металловъ на билеты не можетъ пока служить для государственнаго банка источникомъ усиленія своего размѣннаго фонда; для этого банкъ долженъ расчитывать на иные способы.

Впрочемъ обмѣнъ драгоцѣнныхъ металловъ на бумажные денежные знаки не составляетъ собственно банковой выпускной операціи: подъ драгоцѣнные металлы можетъ выпускать билеты и само правительство, не хуже чѣмъ всякій

банкъ; эта операція не имѣетъ никакой непосредственной связи со всѣми прочими кредитными операціями банка.

Но если государственный банкъ и не производитъ собственно новыхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ и потому не можетъ *прямо* увеличивать массу денежныхъ знаковъ въ обращеніи, то во всякомъ случаѣ онъ имѣетъ посредствомъ своихъ операцій весьма важное *косвенное* вліяніе на эту массу, на ея распредѣленіе въ разныхъ мѣстностяхъ, на ея временныя движенія на разныхъ нашихъ рынкахъ и на отношенія этой массы къ торговлѣ и промышленности.

Здѣсь мы должны обратить вниманіе въ особенности на *учетную* операцію, занимающую по своимъ размѣрамъ главное мѣсто въ банковыхъ помѣщеніяхъ или ссудахъ банка *.

Учетъ коммерческихъ векселей въ государственномъ банкѣ и его конторахъ заслуживаетъ въ вопросахъ нашего денежнаго обращенія особеннаго разсмотрѣнія, какъ потому что учетная операція признается вообще самымъ нормальнымъ банковымъ способомъ выпуска оборотныхъ безпроцентныхъ бумагъ, и учетныя ссуды государственнаго банка нынѣ уже указываются у насъ многими, какъ способъ выпуска новыхъ кредитныхъ билетовъ въ обращеніе; такъ и потому, что даже безъ всякихъ новыхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ, всѣ движенія ихъ на денежныхъ рынкахъ, временныя сокращенія и расширенія денежнаго обращенія въ разныхъ коммерческихъ и промышленныхъ средоточіяхъ Россіи находятся въ самой тѣсной связи съ движеніями учетной операціи. Государственный банкъ, нисколько не измѣняя общей *нарицательной* цифры кредитныхъ билетовъ выпущенныхъ въ обращеніе, можетъ посредствомъ сокращенія и расширенія учетной операціи и измѣненія размѣровъ учетнаго процента, имѣть быстрѣе и сильнѣе, нежели посредствомъ другихъ своихъ кредит-

---

* Въ 1862 г. учтено банкомъ съ конторами векселей на $73^1/_2$ мил., а всѣхъ прочихъ ссудъ (подъ залогъ товаровъ и государственныхъ и частныхъ бумагъ) выдано всего на $43^1/_2$ милл. Въ 1863 г., по конторамъ банка учетъ составлялъ (къ 1 мая) 21 милл. 700 тыс., а прочія ссуды всего 8 мил. 600 тыс.; въ самомъ банкѣ (къ 12 августа) учетъ равнялся 8 мил. 200 тыс., прочія ссуды 11 мил. Если въ самомъ банкѣ эти ссуды (подъ залогъ товаровъ и бумагъ) иногда равняются, иногда даже превышаютъ учетныя ссуды, то въ совокупности операцій банка съ его конторами учетъ значительно превосходитъ всѣ прочія ссуды.

ныхъ операцій, вліяніе на отношенія количества денежныхъ знаковъ къ потребностямъ обращенія, на спросъ и предложеніе наличныхъ денегъ, а слѣдовательно и на движенія размѣна (т. е. въ его временныхъ колебаніяхъ.)

Признаемся, что вопросъ, по которому мы хотѣли бы сообщить здѣсь нѣсколько личныхъ нашихъ наблюденій (преимущественно относящихся къ нѣкоторымъ провинціяльнымъ конторамъ государственнаго банка, съ дѣйствіями которыхъ мы имѣли случай ознакомиться *) самъ по себѣ довольно щекотливъ. Учетная операція составляетъ сколько намъ извѣстно, предметъ постоянныхъ взаимныхъ жалобъ между банкомъ (или по крайней мѣрѣ мѣстными его распорядителями) и коммерческимъ міромъ. Всѣ наши изслѣдованія убѣдили насъ, что жалобы той и другой стороны большею частію одинаково основательны, что сущность ихъ заключается преимущественно въ недоразумѣніяхъ, порождаемыхъ самою силою вещей, и въ которыхъ не виноваты ни распорядители банка, ни коммерческія лица **. Эти недоразумѣнія по необходимости возникаютъ изъ самыхъ условій дѣятельности всякаго казеннаго банка, его полукоммерческихъ, и получастныхъ, полуправительственныхъ и полуофиціяльныхъ отношеній къ публикѣ.

Въ самой первой строкѣ устава государственнаго банка сказано, что онъ „учреждается для оживленія торговыхъ оборотовъ“ (§ 1). Эти слова сами по себѣ не имѣли бы никакой важности; они могли бы попасть для украшенія слога во всякій банковый уставъ; но эти слова получаютъ особенное практическое значеніе вслѣдствіе существующихъ въ публикѣ воззрѣній на государственный банкъ, обусловленныхъ правительственнымъ его характеромъ. Оживленіе торговыхъ оборотовъ есть необходимое, или лучше, неизбѣжное послѣдствіе дѣятельности всякаго банка, имѣющаго своимъ предметомъ коммерческій кредитъ. Для коммерческаго банка состоятельнаго и не ликвидирующаго

---

* Хотя мы имѣемъ нѣкоторыя причины полагать, что сущность нашихъ замѣчаній можетъ равно относиться ко всѣмъ вообще дѣйствіямъ государственнаго банка по учетной операціи, однако мы предупреждаемъ, что въ основаніе нашихъ замѣчаній положены свѣдѣнія лишь по нѣкоторымъ конторамъ банка, и что условія учетной операціи въ другихъ мѣстностяхъ могутъ быть нѣсколько иныя.

** Исключая конечно случаи рѣшительныхъ злоупотребленій со стороны тѣхъ и другихъ.

свои дѣла гораздо труднѣе избѣжать оживленія, нежели неоживленія торговли; всякій кредитъ оказанный торговлѣ необходимо оживляетъ ея дѣла, а безъ кредитныхъ операцій банку нечего дѣлать. Однако не въ этомъ простомъ смыслѣ толкуются приведенныя нами слова устава; такой простой смыслъ считаютъ недостаточнымъ для объясненія причины помѣщенія этихъ словъ въ уставѣ государственнаго банка. Въ томъ особомъ смыслѣ, который придаютъ наши коммерческіе люди первой вступительной строкѣ устава государственнаго банка, „оживленіе торговыхъ оборотовъ“ заключаетъ въ себѣ нѣчто болѣе чѣмъ необходимое, естественное *послѣдствіе* всякой коммерческой кредитной операціи, имѣющей *цѣлію* единственно *открывать кредитъ* кредитующемуся торгующему лицу, сообразно съ представленными имъ кредитными обезпеченіями и съ наличными способами кредитующаго, т. е. банка, и съ обоюдною коммерческою пользою для того и другаго. Въ томъ особомъ смыслѣ, о которомъ мы говоримъ, — „оживленіе торговыхъ оборотовъ“ возводится изъ простаго послѣдствія всякой кредитной операціи на степень высшей цѣли банка; кредитныя операціи обращаются только въ средство для этой цѣли. Такимъ образомъ самыя естественныя понятія о кредитѣ и его условіяхъ, совершенно извращаются; къ коммерческимъ операціямъ государственнаго банка не прилагаются общія понятія о коммерческомъ кредитѣ, какъ его сферѣ дѣятельности, а лишь понятія объ учрежденіи, обязанномъ во что бы то ни стало оживлять торговые обороты къ государствѣ. Отсюда возникаютъ такія отношенія коммерческаго міра къ государственному банку, которыя порождаютъ взаимныя притязанія и недоразумѣнія, невозможныя и немыслимыя, при обыкновенныхъ отношеніяхъ кредитуемыхъ къ кредитующимъ. При этомъ нельзя не замѣтить здѣсь того особаго во всякомъ казенномъ банкѣ обстоятельства, что коммерческій міръ не видитъ за нимъ той коммерческой отвѣтственности, которая связана съ подобными же кредитными операціями каждаго частнаго лица, и которая вынуждаетъ каждое частное лицо, занимающееся кредитными сдѣлками, дѣйствовать въ границахъ лишь этой коммерческой отвѣтственности. Коммерческій міръ видитъ передъ собою въ лицѣ распорядителей банка не лица, дѣйствующія для своей личной пользы и на свой рискъ,

и потому имѣющія право соблюдать свои коммерческіе интересы, а государственныхъ чиновниковъ, обязанныхъ заботиться лишь о всеобщемъ благѣ государства, благѣ, которое всякій понимаетъ по своему, и полагать свою дѣятельность главнымъ образомъ въ *искусственномъ* „оживленіи торговыхъ оборотовъ,“ хотя бы посредствомъ новыхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ. Наконецъ, сверхъ всего этого, видя фактическое преобладаніе въ странѣ кредитныхъ операцій государственнаго банка, коммерческій міръ ожидаетъ отъ него нѣчто болѣе чѣмъ кредита въ обыкновенномъ смыслѣ слова, кредита обоюду выгоднаго, коммерчески выгоднаго, и для кредитора и для должника, — коммерческій міръ ожидаетъ отъ банка кредита раздаваемаго правительствомъ торгующимъ лицамъ, сообразно съ видами не коммерческими, а государственными и филантропическими. Въ этихъ видахъ купецъ, до-тла промотавшійся и нуждающійся въ кредитѣ, для спасенія отъ погибели своего семейства и своихъ кредиторовъ, считаетъ за собою право на кредитъ не только не въ меньшей, но даже въ большей мѣрѣ нежели вполнѣ состоятельный купецъ, нуждающійся въ кредитѣ не для своего спасенія, а единственно для увеличенія своихъ коммерческихъ прибылей. Таковы воззрѣнія на государственный банкъ. Смѣемъ думать, что мы ихъ нисколько не преувеличиваемъ, что они лежатъ въ основаніи распространенныхъ въ коммерческомъ мірѣ сужденій объ кредитныхъ операціяхъ банка. Намъ нѣтъ надобности говорить, что за изложенныя воззрѣнія мы никого не думаемъ обвинять; они приводятся нами какъ послѣдствіе силы вещей, въ которой никто не виноватъ: это достаточно ясно изъ всего нами сказаннаго. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы нисколько не думаемъ обвинять и распорядителей банка, когда они не могутъ безусловно уступить этимъ воззрѣніямъ, когда, не взирая на свою свободу отъ коммерческой отвѣтственности за банкъ, они, по чувству долга, стремятся поставить его операціи въ границы коммерческихъ кредитныхъ операцій, отъ рисковъ которыхъ не можетъ быть свободенъ какой бы то ни было банкъ, хотя бы и казенный; съ другой стороны нельзя обвинять ихъ и въ томъ случаѣ, когда они не успѣваютъ въ своихъ усиліяхъ. Для насъ все дѣло заключается въ недоразумѣніи, къ которому подаетъ поводъ смѣшанный характеръ

такого учрежденія, какъ государственный банкъ, смѣшанный изъ двухъ совершенно различныхъ элементовъ: учрежденія правптельственнаго и коммерческаго, — правительственнаго при чисто коммерческихъ, чуждыхъ правительству интересахъ своихъ занятій, и коммерческаго—при государственныхъ, чуждыхъ коммерческому расчету, интересахъ, обусловливающихъ его существованіе.

Покидая однако эти общія разсужденія, перейдемъ къ ихъ практическимъ результатамъ. Эти практическіе результаты понятій коммерческаго міра о государственномъ банкѣ — заключаются вообще въ томъ, что банкъ *обязанъ помогать* торговлѣ и торгующимъ людямъ, что послѣдніе имѣютъ право на эту помощь, право истекающее не изъ коммерческихъ условій кредита каждаго лица, не изъ *кредитности* его, а *отвлеченное право* на помощь государства въ награду и поощреніе за необходимыя для государства коммерческія занятія; другими словами банкъ обязанъ раздавать торгующимъ *какъ можно болѣе денегъ*. Раздача наличныхъ денегъ дѣйствительно всего болѣе способна оживлять торговые обороты. Теперь посмотримъ, какъ производится учетная операція, чрезъ посредство которой преимущественно раздаются ссуды торгующимъ лицамъ.

Прислушиваясь къ жалобамъ коммерческихъ людей на банкъ мы долго не могли понять самой обыкновенной ихъ жалобы: „Банкъ *долженъ* мнѣ 5.000 р., а выдалъ только 3.000 р., мнѣ остается получить 2.000“. *Долженъ* значитъ здѣсь вовсе не то что банкъ дѣйствительно долженъ столько-то такому-то лицу, т. е. что послѣднее *имѣетъ получить* съ банка по такому-то долговому обязательству столько-то, (напримѣръ по текущему счету или вкладу и т. п.). Долженъ 5.000 р. — значитъ здѣсь, что высшій размѣръ кредита, какой можетъ быть открытъ этому лицу, опредѣленъ по книгамъ банка въ 5.000 р. Все то что̀ не додано банкомъ до этой суммы разсматривается рѣшительно какъ долгъ банка, какъ обязательство принятое на себя банкомъ и имѣющее право на удовлетвореніе. Эта сумма кредита, на которую записанъ каждый торгующій по соображеніямъ банка, получаетъ такимъ образомъ совершенно превратный смыслъ; она въ понятіяхъ коммерческаго міра вовсе не является какъ предѣлъ наибольшаго кредита, до котораго могутъ доходить ссуды данному лицу, (*при удовлетвореніи* въ каждой

отдѣльной ссудѣ всѣмъ нужнымъ для ссуды условіямъ); но получаетъ значеніе суммы, которая во чтòбы то ни стало должна быть выдана банкомъ, какія бы ни были условія кредитности каждой сдѣлки, по которой выдается ссуда. Къ сожалѣнію, такое понятіе о правѣ на кредитъ въ банкѣ сдѣлалось преобладающимъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ провинціяльныхъ учетныхъ операціяхъ, которыя мы имѣли случай видѣть. Торгующіе привыкаютъ чрезъ это соразмѣрять свои коммерческіе обороты съ наибольшимъ количествомъ кредита, какого могутъ они достичь въ банкѣ, и не думаютъ о томъ, чтобы добиваться кредита, на сколько онъ нуженъ для коммерческихъ оборотовъ каждаго и на сколько онъ можетъ быть ими оправданъ.

Характеръ самыхъ документовъ, по которымъ получаются большею частію учетныя ссуды изъ банка, соотвѣтствуетъ описанному нами характеру кредита.

Векселя, предъявляемые къ учету въ государственномъ банкѣ, въ противность сущности учетной операціи, бываютъ весьма рѣдко (скорѣе въ видѣ исключенія) *товарные*, или основанные на дѣйствительныхъ торговыхъ сдѣлкахъ; векселя, дисконтируемые въ государственномъ банкѣ, даже пишутся послѣ того, какъ получено отъ должностныхъ лицъ банка частнымъ образомъ удостовѣреніе, что будетъ учтено векселей выданныхъ такимъ-то лицомъ и на такую-то сумму. Подобное удостовѣреніе сдѣлалось дѣйствительно необходимостью, чтобы уберечь коммерческихъ людей отъ напрасныхъ расходовъ на гербовую бумагу: одна изъ самыхъ обыкновенныхъ жалобъ на банкѣ, въ случаѣ отказа въучетѣ, состоитъ въ томъ, что были напрасно израсходованы гербовыя пошлины. Итакъ векселя всегда нарочно пишутся для банка. Можно сказать положительно, что векселя, дисконтированные въ банкѣ, суть бумаги, а съ тѣмъ вмѣстѣ и сдѣлки между купцами, обязанныя своимъ происхожденіемъ исключительно учетной операціи банка, а не на оборотъ, какъ слѣдуетъ предполагать во всякой учетной операціи и какъ требуетъ того даже самый уставъ банка *. Съ каждымъ учетомъ векселей всегда связана извѣстная сдѣлка между лицами, подписывающими векселя (векселедателемъ и век-

---

* По 27 § устава векселя, не основанные на товарныхъ сдѣлкахъ, не должны быть допускаемы къ учету.

селепредъявителемъ) относительно раздѣла получаемой ссуды. Этого рода сдѣлки, если отчасти и обусловлены существующими между этими лицами торговыми сдѣлками, то развѣ только отчасти и косвенно: упомянутыя сдѣлки основаны прежде всего на разныхъ соображеніяхъ и предварительныхъ соглашеніяхъ съ должностными лицами банка относительно подписей, которыя будутъ приняты или не приняты банкомъ. Эти соображенія главнѣйше и почти исключительно основаны на исчисленіи тѣхъ суммъ, которыя уже выданы или не выданы въ границахъ кредита опредѣленнаго для каждой подписи. Впрочемъ, для учета нарочно составляются цѣлыя компаніи торговцевъ, осаждающія конторы, добывающія изъ нихъ деньги и раздѣляющія ихъ между своими членами, смотря по цѣнности подписи каждаго, по надобности его въ деньгахъ и проч. Существуютъ даже подписи на векселяхъ, за которыя просто платятъ или которыя нанимаютъ, въ родѣ того какъ нанимаютъ свидѣтелей для разныхъ бумагъ въ присутственныхъ мѣстахъ. Все это ни мало не служитъ въ нашихъ глазахъ къ обвиненію людей, имѣющихъ дѣло съ банкомъ, тѣмъ болѣе что все это дѣлается даже не тайно, а открыто. Такое направленіе приняло дѣло и измѣнить его не зависитъ отъ воли отдѣльныхъ лицъ. При этомъ направленіи нельзя требовать, чтобы купцы несли въ банкъ къ учету настоящіе или товарные свои векселя, хранящіеся въ ихъ портфеляхъ: это было бы для нихъ явно убыточно; подъ такіе векселя они, въ случаѣ надобности, всегда могутъ найти кредитъ (или у частныхъ лицъ, занимающихся учетомъ *, или у самихъ векселедателей, посредствомъ частныхъ уплатъ), такія бумаги они называютъ *чистыми деньгами* и оставляютъ ихъ у себя на крайніе случаи, а изъ-банка все-таки ничто не мѣшаетъ имъ получать деньги (при томъ при гораздо низшемъ учетѣ, чѣмъ у частныхъ лицъ) если не для себя, такъ для пріятеля.

---

* Вездѣ есть много такихъ лицъ, называемыхъ дисконтерами. Они берутъ весьма высокій учетный процентъ, смотря по обстоятельствамъ, отъ 10% до 20%; ниже 8% мы не слыхали частнаго учетнаго процента. Должно замѣтить, что многіе предпочитаютъ имѣть дѣла съ частными дисконтерами нежели съ банкомъ; сравнительно низкой учетъ въ банкѣ вознаграждается у частныхъ учетниковъ: гораздо меньшими формальностями, льготами при взысканіи и платежѣ, отсутствіемъ огласки, сопровождающей всякое дѣло съ банкомъ и проч.

Итакъ, въ противность существующимъ правиламъ и въ противность самой теоріи учета, въ банкѣ дисконтируются преимущественно бумаги не происшедшія *изъ торговыхъ сдѣлокъ*, или *не товарныя*, не *сдѣланныя* бумаги (papier fait) какъ ихъ называютъ (т.-е. бумаги существующія до учета), а дисконтируются преимущественно бумаги вымышленныя или какъ ихъ называютъ *дутыя* (по французски болѣе учтиво papier de complaisance, по англійски *выданныя на вѣтеръ*). Мы сказали, что при существующихъ и глубоко вкоренившихся воззрѣніяхъ публики на государственный банкъ, воззрѣніяхъ истекающихъ впрочемъ изъ устройства самаго банка, мы не можемъ ставить этого обстоятельства въ упрекъ торгующему міру. Но можно ли обвинять распорядителей банка? Полагаемъ, что также нельзя. Мы не будемъ говорить о намѣренныхъ злоупотребленіяхъ, къ устраненію которыхъ приняты, въ послѣднее время, со стороны центральнаго управленія государственнаго банка, нѣкоторыя мѣры, посредствомъ строгаго выбора при назначеніи мѣстныхъ распорядителей; злоупотребленія, всегда и во всемъ возможныя, еще не составляютъ сущности дѣла, хотя въ казенномъ коммерческомъ предпріятіи, при громадныхъ размѣрахъ нашего банка и нашихъ разстояніяхъ, затрудняющихъ контроль, злоупотребленія болѣе удобны чѣмъ въ частныхъ и менѣе крупныхъ банкахъ.

Распознаваніе свойствъ коммерческихъ бумагъ, предъявляемыхъ къ учету и различеніе ихъ для пріема къ учету или отказа составляютъ одну изъ труднѣйшихъ обязанностей въ банковомъ дѣлѣ; на этотъ предметъ не можетъ существовать никакихъ общихъ правилъ, и почти никакихъ наружныхъ признаковъ, свойственныхъ тѣмъ или другимъ бумагамъ. Здѣсь банкиръ можетъ руководствоваться только продолжительнымъ практическимъ навыкомъ, и своими личными коммерческими связями, посреди которыхъ онъ живетъ, которыя находятся совершенно *внѣ* сферы дѣятельности государственныхъ должностныхъ лицъ и которыя даже пріобрѣтаются вполнѣ только собственнымъ коммерческимъ опытомъ. Не говоря уже о томъ, что должностныя лица въ государственномъ учрежденіи живутъ и дѣйствуютъ внѣ коммерческаго міра и не могутъ имѣть точныхъ свѣдѣній о положеніи дѣла, ежечасно измѣняющемся; между этими лицами и тѣми, кто нуждается въ учетѣ

не можетъ быть тѣхъ коммерческихъ отношеній и разговоровъ какъ между частнымъ банкиромъ и его публикою. Въ первомъ случаѣ могутъ быть только формальные, оффиціяльные переговоры, въ которыхъ всякія ближайшія, необходимыя изысканія относительно предъявленной бумаги принимаютъ (вредный для частнаго кредита и обидный для лицъ) характеръ оффиціяльнаго, правительственнаго вмѣшательства въ частныя дѣла. Во второмъ же случаѣ же между частнымъ банкиромъ и его публикою происходитъ коммерческая сдѣлка, торгъ, въ которомъ кредитующій имѣетъ полное право принять всѣ предосторожности для обезпеченія своего личнаго интереса. И послѣдствія какъ пріема къ учету, такъ и отказа, въ томъ и другомъ случаѣ, совершенно различны: довѣріе или недовѣріе частнаго банкира къ нуждающемуся въ немъ лицу есть его личное дѣло, которое никто не имѣетъ право судить и которое остается тайною между ними. Частный банкиръ можетъ отказать или дать денегъ просто потому, что онъ хочетъ дать или отказать. Въ кредитныхъ сдѣлкахъ часто иначе и не можетъ быть, ибо иногда нѣтъ никакой возможности объяснить почему имѣешь и почему не имѣешь довѣрія къ какому-либо лицу или дѣлу. Отказъ государственнаго банка въ учетѣ имѣетъ своимъ послѣдствіемъ гораздо болѣе чѣмъ непріятность неполученія нужнаго кредита: этотъ отказъ весьма серіозный публичный фактъ, имѣющій вліяніе на весь кредитъ и ходъ дѣлъ купца, иногда на всю его судьбу. Между тѣмъ подобный отказъ, въ общей сложности случаевъ, бываетъ гораздо менѣе основателенъ чѣмъ отказъ частнаго банкира. Все нами сказанное извлечено изъ нашихъ личныхъ наблюденій, а не изъ какихъ-либо предположеній, и приводитъ между прочимъ къ тому общему заключенію, что никакъ не должно быть поставляемо въ вину мѣстнымъ распорядителямъ банка (какъ это нерѣдко дѣлается коммерческимъ міромъ), когда они исключительно держутся въ своихъ дѣйствіяхъ по учету формальныхъ, наружныхъ признаковъ и буквы правилъ, составляющихъ для добросовѣстнаго исполненія этой трудной обязанности единственное безукоризненное основаніе; съ другой стороны, не должно также удивляться и обвинять распорядителей банка, что учетная его операція приняла подобное направленіе,

нисколько не соотвѣтствующее строгимъ коммерческимъ понятіямъ объ учетѣ и сдѣлалась скорѣе раздачею денегъ съ государственно-благотворительными цѣлями, нежели настоящею коммерческою кредитною операціей. Распорядителей банка можно было бы винить лишь въ томъ единственно случаѣ, когда бы они не хотѣли этого видѣть. Чтобы по возможности исчерпать этотъ важный во многихъ отношеніяхъ вопросъ, особенно важный для установленія настоящихъ воззрѣній на банкъ и для указанія возможныхъ въ немъ преобразованій въ будущемъ — мы должны сообщить еще нѣсколько замѣчаній.

Для разсмотрѣнія достоинства предъявляемыхъ къ учету векселей и вообще для обсужденія кредита заемщиковъ, учреждены при конторахъ государственнаго банка учетные и ссудные комитеты, къ числу членовъ которыхъ принадлежатъ лица избранныя изъ среды самого купечества; эти лица должны, по мысли учрежденія, какъ бы внести въ банковую администрацію тотъ коммерческій элементъ и тѣ свѣдѣнія о положеніи дѣлъ, которыхъ не достаетъ чисто-бюрократической администраціи, и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлаться посредствующимъ, примиряющимъ звеномъ между государственнымъ учрежденіемъ и коммерческимъ міромъ. Призванные сами, въ лицѣ своихъ выборныхъ представителей, въ комитетъ подавать голосъ при разрѣшеніи каждой ссуды, коммерческіе люди должны, казалось бы, живѣе чувствовать взаимность своихъ личныхъ интересовъ съ интересами банка и войдти въ болѣе тѣсную связь съ правительственнымъ учрежденіемъ; въ то же время, опираясь на мнѣніе самихъ коммерческихъ людей, распорядители банка могутъ дѣйствовать рѣшительнѣе и строже въ выборѣ учитываемыхъ бумагъ и въ отказахъ учета. Такъ можетъ однако представляться дѣло лишь въ отвлеченной теоріи *; на практикѣ, сколько мы могли замѣтить, оказываются совершенно противоположные результаты. Учетные комитеты если они не ограничиваются безусловнымъ молчаніемъ, большею частію (сколько по крайней мѣрѣ мы видѣли) причиняютъ новыя недоразумѣнія, ведущія только къ усложненію и безъ того труднаго хода учетной операціи. Учетные комитеты служатъ поводомъ къ усиленію при-

---

* То-есть теоріи совершенно фальшиво построенной.

тязаній коммерческаго міра и къ антагонизму его съ бюрократическимъ элементомъ банка, безъ всякой пользы для дѣла. Членами комитетовъ отъ купечества по необходимости бываютъ наиболѣе крупные коммерческіе люди, то-есть такіе, которыхъ личный интересъ преимущественно замѣшанъ въ учетной операціи банка (такъ напримѣръ при учетѣ векселей, выданныхъ или предъявленныхъ лицами, покупающими товаръ у членовъ комитета). Здѣсь члены отъ купечества поставлены въ самыя противоестественныя отношенія къ банку и къ учетной операціи. Они должны для сколько-нибудь безпристрастнаго разсмотрѣнія предъявленныхъ векселей, не только жертвовать всѣми своими вещественными, и даже самыми насущными интересами, но должны вовсе забыть о существованіи этихъ интересовъ, во время своего засѣданія въ комитетѣ, и притомъ забыть свои интересы ради весьма отвлеченнаго для нихъ интереса государственнаго банка. Пренебречь десятками, сотнями тысячъ убытковъ, изъ-за чести засѣданія въ комитетѣ, еще пожалуй возможно; но возможно ли, напримѣръ, для купца-члена учетнаго комитета сказать, что подпись N не заслуживаетъ довѣрія, или заслуживаетъ довѣрія менѣе M, когда съ N, каковъ бы онъ ни былъ, этотъ членъ комитета имѣетъ дѣло, когда N забираетъ у него товары, а съ M онъ никакихъ дѣлъ не имѣетъ и не хочетъ имѣть.

Управленіе банка при пріемѣ векселей къ учету, весьма рѣдко полагается на заключенія учетныхъ комитетовъ и не можетъ на нихъ полагаться; а это послѣднее обстоятельство возбуждаетъ неудовольствія, переходящія иногда въ открытую борьбу между чиновниками банка и членами комитетовъ. Взаимныя жалобы, порождаемыя этими столкновеніями кажутся намъ, по причинамъ уже достаточно нами выясненнымъ, одинаково неосновательными съ обѣихъ сторонъ.

Изъ всего нами сказаннаго можно заключить, что учетная операція государственнаго банка, по крайней мѣрѣ въ его провинціяльныхъ конторахъ, не находится въ нормальныхъ условіяхъ; впрочемъ въ этомъ нѣтъ ничего новаго. Объ этомъ уже было не разъ заявляемо и въ правительственныхъ и въ коммерческихъ сферахъ; къ сожалѣнію, однако, и жалобы, и указанія на возможное улучшеніе дѣла весьма разнообразны, начиная отъ мнѣній о необходимости

вовсе прекратить эту операцію въ государственномъ банкѣ до желаній, высказываемыхъ въ нѣкоторыхъ коммерческихъ кругахъ, чтобы банкъ принималъ къ учету векселя *съ одною подписью*, что̀ будто бы должно значительно облегчить банкъ, требующій нынѣ не менѣе двухъ подписей. Послѣдняго рода желаніе, какъ оно ни странно, весьма любопытно въ томъ отношеніи, что вполнѣ уясняетъ существующія у насъ воззрѣнія на учетную операцію государственнаго банка. То или другое количество подписей на коммерческомъ векселѣ не есть только условіе бо́льшаго или ме́ньшаго обезпеченія его кредитности, или исправности платежа по векселю; различіе въ количествѣ подписей (и въ особенности отъ одной до трехъ подписей включительно) есть категорическое различіе въ самомъ характерѣ векселя. Такое, по крайней мѣрѣ, значеніе имѣетъ количество подписей на векселяхъ, когда подписи и самый вексель возникли изъ настоящихъ коммерческихъ сдѣлокъ, а не выдуманы для исполненія одной формальности при учетѣ. Вексель за одною подписью есть нечто́ иное, какъ простая расписка, которая, при учетѣ, можетъ свидѣтельствовать единственно о томъ, что лицу, выдающему ее, нужны наличныя деньги, на которыя онъ только имѣетъ намѣреніе или желаніе закупить товаръ или вступить въ товарную сдѣлку въ будущемъ; но расписка или вексель за одною подписью еще не могутъ свидѣтельствовать о сдѣлкѣ уже оконченной, о товарѣ уже закупленномъ. Ссуда подъ таку́ю бумагу есть *бланковый* кредитъ, и не можетъ быть называема *учетомъ*, который не составляетъ самъ по себѣ новой ссуды, новой кредитной сдѣлки, а есть только переводъ уже существующаго долговаго обязательства на новаго кредитора, на банкъ. Вексель съ двумя подписями свидѣтельствуетъ о совершившейся уже сдѣлкѣ между двумя торгующими лицами, сдѣлкѣ, если даже (въ самомъ худшемъ случаѣ) и не прямо заключенной на товаръ, то все-таки связанной съ существующими товарными оборотами. Такой вексель можетъ быть предметомъ учета, въ настоящемъ смыслѣ этого слова; учетъ или ссуда наличныхъ денегъ подъ такой вексель есть не болѣе какъ платежъ до срока чрезъ посредство третьяго лица, замѣнъ одной сдѣлки другою. Далѣе, третья подпись на векселѣ (или вторая бла-

ковая надпись) свидѣтельствуетъ не только о довѣріи третьяго, посторонняго (банку) коммерческаго лица къ сдѣлкѣ и кредитности двухъ первыхъ лицъ; но эта третья подпись свидѣтельствуетъ еще объ одномъ особомъ обстоятельствѣ, въ высшей степени важномъ для операцій всякаго оборотнаго банка, именно о томъ, что вексель уже вступилъ въ публичное, денежное и товарное обращеніе, сдѣлался платежнымъ знакомъ, ибо, какъ таковой, онъ принятъ третьимъ лицомъ. Такой вексель, вызванный естественною потребностію самой торговли въ орудіи мѣны и оборотовъ, есть прямое доказательство этой потребности, и во всякомъ случаѣ представляетъ собою весьма прочное обезпеченіе противъ искусственнаго возбужденія коммерческихъ оборотовъ банковымъ учетомъ. При этомъ новыя наличныя деньги, новые оборотные знаки, появляющіеся на рынкѣ путемъ учета, лишь замѣняютъ кредитныя бумаги, уже вступившія въ обращеніе, начавшія исполнять роль наличныхъ денегъ и уже породившія извѣстное движеніе товарныхъ и денежныхъ сдѣлокъ, долженствующихъ служить фундаментомъ для дальнѣйшаго обращенія денежныхъ знаковъ, выдаваемыхъ банкомъ подъ учетъ. Какъ все это (совершенно независимо отъ большей степени довѣрія, внушаемаго большимъ количествомъ подписей) важно собственно для правильнаго денежнаго обращенія, мы уже говорили; это очевидно само по себѣ даже и въ томъ случаѣ, когда банкъ, производящій учетную операцію, не выпускаетъ для нея въ обращеніе новыхъ билетовъ, а довольствуется ихъ количествомъ *. Сказанное вполнѣ подтверждается опытомъ: бо́льшая часть банковъ (и въ томъ числѣ всѣ банки, въ особенности выпускающіе въ обращеніе собственные билеты, какъ прусскій, вѣнскій и французскій) принимаютъ къ учету векселя не менѣе какъ съ тремя подписями.

И у насъ былъ возбуждаемъ вопросъ о третьей подписи на векселяхъ, учитаемыхъ государственнымъ банкомъ. Само собою разумѣется, что еслибы требованіе третьей подписи етало исполняться также какъ до сихъ поръ испол-

---

* Здѣсь необходимо имѣть въ виду, что хотя бы банкъ и не увеличивалъ посредствомъ учета (какъ и всѣхъ своихъ ссудъ) общей массы билетовъ, выпущенныхъ въ обращеніе, онъ все-таки чрезъ это увеличиваетъ количество билетовъ, находящихся внѣ банка, то-есть, уменьшаетъ банковый резервъ билетовъ или свою оборотную билетную кассу.

няется требованіе относительно двухъ подписей, т. е., если третья подпись будетъ нарочно заказываема, или нанимаема для банка а не будетъ знакомъ дѣйствительно существующихъ сдѣлокъ, то и эта третья подпись нисколько не измѣнитъ сущности дѣла.

Третья подпись на коммерческихъ бумагахъ, учитаемыхъ государственнымъ банкомъ, могла бы получить особенно важное для банка значеніе въ томъ случаѣ, когда бы она была послѣдствіемъ другой учетной операціи, предшествовавшей учету въ банкѣ; въ этомъ смыслѣ банкъ сталъ бы только переучитывать векселя, уже учтенные другими банками или частными лицами. Нѣтъ сомнѣнія, что подобное правило послужило бы къ самому существенному улучшенію учетной операціи государственнаго банка, дало бы ей прочную опору и въ то же время могло бы содѣйствовать столь желательному во всѣхъ отношеніяхъ развитію у насъ учетныхъ операцій внѣ государственнаго банка, а вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствовало бы и развитію частныхъ банковъ, банкирскихъ домовъ и вообще частныхъ банковыхъ и кредитныхъ предпріятій. Въ такомъ случаѣ, коммерческія кредитныя операціи государственнаго банка значительно утратили бы характеръ соперничества, какой они могутъ имѣть нынѣ относительно частныхъ банковыхъ операцій, и не только не подавляли бы ихъ, а напротивъ того, на первое время, могли бы служить къ значительному ихъ оживленію. Въ уставѣ учрежденнаго въ 1862 г. въ С.-Петербургѣ общества взаимнаго кредита, получившаго нѣкоторыя преимущества по учету своихъ векселей въ государственномъ банкѣ, сдѣланъ какъ бы первый шагъ въ указанномъ нами направленіи. Чрезвычайно распространившіеся у насъ въ послѣднее время городскіе общественные банки могли бы служить для той же цѣли; тамъ, гдѣ существуютъ такіе банки, государственный банкъ могъ бы, съ большою для себя и для нихъ пользою, ограничиться въ учетной операціи переучетомъ бумагъ, предъявленныхъ ему и уже учтенныхъ городскими банками. Въ такія же отношенія могъ бы войдти государственный банкъ и къ частнымъ банкирамъ. Въ указанномъ направленіи учетной операціи заключается едва ли не единственное средство для государственнаго банка произвести коренное улучшеніе въ этой, самой

для него трудной отрасли дѣятельности и едва ли не единственное средство имѣть настоящій, не мнимый контроль надъ представляемыми ему коммерческими бумагами. Притомъ только подобный характеръ учетной операц и свойственъ обширнымъ и центральнымъ банкамъ, дѣйствующимъ, какъ нашъ, на пространствѣ цѣлаго государства.

Впрочемъ какіе бы ни были придуманы способы къ улучшенію учетной операціи государственнаго банка, хотя бы она сдѣлалась дѣйствительно только переучетомъ коммерческихъ бумагъ, все-таки не можетъ быть увѣренности, чтобы измѣнилась та характеристическая черта коммерческихъ операцій государственнаго банка, которая выставлена нами выше и которая заключается вообще въ томъ, что банкъ раздаетъ денежныя пособія торговлѣ, а не входитъ въ кредитныя сдѣлки, обоюдно выгодныя для кредитора и должника, вслѣдствіе чего распорядителямъ банка, какъ государственнымъ должностнымъ лицамъ, не достаетъ условій свойственныхъ частному банковому предпріятію. Прибавимъ, впрочемъ, что нынѣшній характеръ учетныхъ ссудъ банка, столь вредный для коммерческихъ оборотовъ, которыхъ развитіе онъ ставитъ въ зависимость не отъ внутреннихъ условій промышленности, а отъ бюрократическихъ, иной разъ даже своекорыстныхъ соображеній администраціи, — этотъ фальшивый характеръ можетъ сохраниться и при превращеніи учета въ *переучетъ*; послѣдній, еслибъ онъ остался такою же казенною, формальною операціей какъ и нынѣшній учетъ, могъ бы сдѣлаться источникомъ еще бо́льшихъ злоупотребленій и даже монополіей въ пользу учрежденій и лицъ, которыя получатъ преимущественное право переучета своихъ бумагъ въ банкѣ. Такой фальшивый характеръ учетныхъ, какъ и вообще всѣхъ коммерческихъ операцій государственнаго банка можетъ прочнымъ образомъ измѣниться лишь съ кореннымъ преобразованіемъ въ самомъ устройствѣ банка, т. е. чрезъ введеніе въ него настоящаго коммерческаго элемента, посредствомъ передачи его въ распоряженіе частныхъ лицъ, коммерчески отвѣтственныхъ и коммерчески въ немъ заинтересованныхъ, хотя бы и при нѣкоторомъ участіи и контролѣ со стороны правительства. Здѣсь остается сдѣлать одно замѣчаніе относительно не разъ высказаннаго мнѣнія, что характеръ нынѣшней учетной операціи въ

государственномъ банкѣ обусловленъ не столько казеннымъ характеромъ банка, сколько тѣмъ обстоятельствомъ, что у насъ вообще *нѣтъ въ торговлѣ настоящихъ товарныхъ векселей* и коммерческихъ бумагъ, *годныхъ для учета*. Это мнѣніе только отчасти справедливо. Выше мы уже упоминали, что торгующіе берегутъ въ своихъ портфеляхъ настоящіе векселя, полученные ими въ платежъ за товары. У насъ дѣйствительно существуетъ между купцами, огромное количество кредитныхъ сдѣлокъ отчасти вовсе обходящихся безъ всякихъ кредитныхъ бумагъ и ограничивающихся занесеніемъ въ счетъ (какъ впрочемъ и вездѣ), отчасти производимыхъ съ помощью бумагъ, не имѣющихъ формальныхъ, наружныхъ условій векселя, или узаконенной коммерческой бумаги. Такими бумагами служатъ вообще *расписки*. Замѣчательно, что расписки, какія намъ случилось видѣть и какихъ чрезвычайно много, имѣютъ всѣ свойства настоящихъ товарныхъ векселей: онѣ даже пишутся на особыхъ нарочно для нихъ отлитографированныхъ бланкахъ, и даже по формѣ тождественны съ векселями, исключая соблюденія узаконенныхъ формальностей, въ томъ числѣ исключая и гербовой бумаги. Послѣднее обстоятельство, лишающее эти расписки достоинства долговыхъ документовъ охраняемыхъ закономъ, заслуживаетъ особеннаго вниманія: оно доказываетъ до какой степени торгующіе мало дорожатъ законною охраной кредита, такъ что они даже не хотятъ сдѣлать сравнительно ничтожной издержки на уплату гербовыхъ пошлинъ. Разницы отъ этого, какъ насъ удостовѣряли, въ обезпеченіи исполненія долговаго обязательства нѣтъ никакой. Такія расписки даже обращаются между торгующими посредствомъ передаточныхъ надписей (съ оборотомъ на бланко-надписателя и безъ оборота) и конечно гораздо болѣе похожи на настоящіе векселя нежели векселя, принимаемые къ учету въ государственномъ банкѣ. Говорить о крайне бѣдственныхъ условіяхъ нынѣ дѣйствующаго у насъ порядка судебной и полицейской охраны кредитныхъ договоровъ и порядка взысканія по нимъ—было бы излишне; это слишкомъ извѣстно. Мы можемъ сказать только, что коммерческій міръ полонъ разказовъ о томъ, какъ отъ воли каждаго зависитъ отказаться отъ своей надписи на коммерческомъ документѣ и

затѣять безконечное дѣло и споръ по самому безспорному обязательству.

Улучшеніе дѣйствующаго законодательства по кредитной части, а вмѣстѣ съ тѣмъ и развитіе учетной операціи въ частныхъ банкахъ и у банкировъ, могутъ и должны расширить въ нашей торговлѣ обращеніе коммерческихъ кредитныхъ бумагъ, такъ-называемое *вексельное обращеніе*, столь важное само по себѣ для торговли, но также чрезвычайно важное, какъ существенное пособіе и прочная основа для банковаго или билетнаго денежнаго обращенія.

Мы коснулись операцій государственнаго банка лишь на столько, на сколько это было необходимо для нашего предмета. Для насъ было особенно важно указать на условія учетной операціи государственнаго банка, какъ той банковой операціи, которая находится всегда въ самомъ тѣсномъ взаимнодѣйствіи съ денежнымъ обращеніемъ и признается наиболѣе правильною для соединенія съ операціей по выпуску безпроцентныхъ банковыхъ билетовъ. Послѣ всего того, что̀ мы сказали объ учетной операціи государственнаго банка, уже не представляетъ, кажется, никакихъ затрудненій отвѣтъ на вопросъ весьма часто у насъ возбуждаемый: не можетъ ли быть предоставлено государственному банку нынѣ же право выпуска новыхъ кредитныхъ билетовъ подъ учетъ векселей? Оставляя даже въ сторонѣ всѣ другія обстоятельства нашего денежнаго обращенія, не допускающія пока и мысли о новыхъ выпускахъ кредитныхъ билетовъ, (а именно: избытокъ билетовъ въ обращеніи превозмогающій въ настоящую минуту всякіе иные недостатки денежной системы; безпрестанно возникающая неразмѣнность нашихъ денежныхъ знаковъ на звонкую монету, и узаконенный курсъ имъ безусловно присвоенный и придающій денежному знаку даже при полной его размѣнности нѣкоторую привилегію въ обращеніи), мы должны убѣдиться, что нынѣшнія условія учетной операціи въ государственномъ банкѣ вовсе *не таковы, какія признаются необходимыми для сколько-нибудь благонадежнаго выпуска билетовъ подъ учетъ векселей.* Когда коммерческія бумаги принимаемыя къ учету не представляютъ собою дѣйствительныхъ торговыхъ сдѣлокъ, предшествовавшихъ учету, а искусственно порождены самою учетною операціей, и когда бумаги, принятыя къ учету, не представляютъ собою дѣйстви-

тельныхъ капиталовъ, обращающихся въ торговлѣ, тогда учетная операція, нисколько не можетъ обезпечить рынка отъ потрясеній, производимыхъ выпусками оборотныхъ знаковъ, несоразмѣрными съ его дѣйствительною потребностью. Банковые выпуски билетовъ, соединенные съ учетною операціей подобною описанной нами выше, мало чѣмъ отличались бы отъ ассигнаціонныхъ выпусковъ и произвели бы только спекуляцію и ажіотажъ на товарныхъ рынкахъ. Все это въ особенности относится къ кредитнымъ билетамъ, которыхъ обращеніе, даже при размѣнности, искусственно поддерживается узаконеннымъ курсомъ и обязательнымъ пріемомъ во всѣ казенные платежи. Освобожденіе же кредитныхъ билетовъ отъ этихъ послѣднихъ свойствъ едва ли можетъ подлежать серіозному обсужденію въ настоящее время, когда предстоитъ еще разрѣшеніе иныхъ, болѣе настоятельныхъ вопросовъ нашей денежной системы и пока мы должны избавить ее отъ иныхъ болѣе опасныхъ недостатковъ. Ненормальныя условія учетной операціи въ государственномъ банкѣ заслуживаютъ однако вниманія, даже и независимо отъ вопроса о выпускѣ подъ учетъ новыхъ кредитныхъ билетовъ; эти ненормальныя условія отзываются на денежномъ обращеніи даже и при нынѣшнихъ его обстоятельствахъ, т.-е. и безъ новыхъ банковыхъ выпусковъ. Поэтому мы и сочли необходимымъ коснуться учетной операціи, говоря о нынѣшнихъ условіяхъ нашей бумажной денежной системы. Еслибы подъ вліяніемъ коммерческихъ кредитныхъ операцій государственнаго банка и не измѣнялась общая цифра кредитныхъ билетовъ выпущенная въ обращеніе, то во всякомъ случаѣ безпрестанно измѣняется та цыфра кредитныхъ билетовъ, которая представляетъ собою такъ-называемое *активное* денежное обращеніе или цифру билетовъ дѣйствительно находящуюся въ рукахъ публики въ данный моментъ времени.* На измѣненіе цифры этого

---

* Цифра *активнаго* денежнаго обращенія есть общая цифра билетовъ, выпущенныхъ и неизъятыхъ изъ обращенія, *за исключеніемъ билетовъ, находящихся въ кассѣ* (оборотной) *самаго банка и его конторъ* (это послѣднее количество билетовъ можно назвать *пассивною* цифрою денежнаго обращенія). Эта цифра активнаго денежнаго обращенія всегда показывается въ перечневыхъ счетахъ, публикуемыхъ государственнымъ банкомъ. Очевидно, что различіе между *активнымъ* и *воловымъ* или нарицательнымъ денежнымъ обращеніемъ возникаетъ тамъ, гдѣ съ одной стороны обращеніе бумажныхъ денежныхъ знаковъ находится въ распоряженіи банковаго

активнаго денежнаго обращенія учетная операція государственнаго банка можетъ имѣть большое вліяніе, въ особенности въ отношеніи различія этой цифры въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Послѣднее обстоятельство усиливается тѣмъ, что общая цифра учетовъ по всѣмъ конторамъ государственнаго банка значительно превосходитъ учетъ самого банка въ Петербургѣ. *

Очевидно, что учетъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи въ отдѣльности и въ общемъ результатѣ во всей Россіи можетъ имѣть могущественное вліяніе на расширеніе и сокращеніе денежныхъ оборотовъ, на торговлю и промышленность въ отношеніи къ ихъ зависимости отъ того или другого количества наличныхъ денегъ, находящагося на рынкѣ. Описанныя нами выше обстоятельства учета, къ сожалѣнію, именно таковы, что расширеніе и сокращеніе денежныхъ оборотовъ, могутъ производиться искусственно, независимо отъ естественныхъ потребностей торговли и промышленности и порождать весьма серіозные мѣстные коммерческіе кризисы. Какъ на примѣръ такого рода явленій, мы можемъ указать на извѣстный намъ ходъ учетной операціи въ Харьковской конторѣ въ 1862 г. Операціи Харьковской конторы отзываются на огромныхъ пространствахъ Украинскаго ярморочнаго торга, захватывающаго собою не менѣе $^1/_3$ Россіи и обусловливающаго собою мануфактурную дѣятельность центральной ея части. Чрезъ неосторожныя дѣйствія Харьковской конторы (преимущественно во время Крещенской ярмаркѣ) учетъ векселей былъ въ 1862 г. чрезвычайно расширенъ, а именно въ первые девять мѣсяцевъ до 5.767.237 съ 1.714.719 (какъ было въ тѣ же мѣсяцы въ 1861 г.); въ Полтавскомъ отдѣленіи (составляющемъ важнѣйшую отрасль дѣйствій Харьковской конторы и открывающемся на время Ильинской ярмарки) въ ту же эпоху года учетъ возвысился съ 1.514.106 (какъ было въ 1861 г.) до 3.327.264. Такое страшное расширеніе учета въ эпоху, требовавшую напротивъ того сокращенія кредита (послѣ неумѣреннаго его развитія въ

учрежденія, а съ другой стороны, ему не дозволены новые выпуски билетовъ и цифра ихъ въ обращеніи опредѣлена. Такое различіе *активнаго* денежнаго обращенія отъ воловаго и пассивнаго существуетъ и относительно билетовъ Англійскаго банка.

* Такъ въ 1862 г. учтено векселей въ банкѣ на 20.037.288 р., а во всѣхъ конторахъ на 53.566.319 р.

эпоху промышленнаго возбужденія) не могло не отозваться плачевными послѣдствіями: оно произвело искусственное возбужденіе торговли на всемъ Украинскомъ рынкѣ. Приливъ векселей къ учету, породившій такое несоразмѣрное расширеніе учетной операціи нисколько не доказывалъ возрастанія самыхъ коммерческихъ сдѣлокъ на Украинскомъ рынкѣ, а напротивъ того именно усиленіе учета, возникнувшее единственно изъ расположенія банковой конторы къ щедрой раздачѣ денегъ, искусственно увеличило количество товарныхъ сдѣлокъ. Векселя не доказывали собою ни спроса на товаръ, ни предложенія товаровъ, а напротивъ учетъ повелъ къ заказамъ новыхъ товаровъ сверхъ всякаго спроса на нихъ и сверхъ вѣроятностей сбыта. Въ 1862 г., послѣ Крещенской ярмарки уже признано было необходимымъ сократить кредитъ, и это сокращеніе * началось съ Ильинской Полтавской ярмарки и отозвалось величайшими затрудненіями для торгующихъ, хотя собственно учетъ на Ильинской ярмаркѣ болѣе чѣмъ вдвое превосходилъ учетъ 1861 г. (какъ мы видѣли). Изъ всего, что̀ мы сказали, ясно, что какъ сокращеніе, такъ и расширеніе здѣсь учетовъ, не были и не могли быть основаны на сущности коммерческихъ бумагъ, предъявленныхъ къ учету, а были лишь плодомъ административныхъ соображеній, чуждыхъ естественному ходу и потребностямъ торговли.

Такимъ образомъ значеніе учетной операціи для денежнаго обращенія даже и безъ выпуска новыхъ денежныхъ знаковъ весьма велико. Мы обращаемъ вниманіе на это обстоятельство въ особенности потому, что цифры учетовъ представляютъ значительныя колебанія въ разные періоды времени, и слѣдовательно дѣйствіе учета на обстоятельства денежнаго обращенія въ разныя эпохи и въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи можетъ быть весьма измѣнчиво**. Посто-

---

* Нельзя при этомъ не замѣтить, что при этомъ сокращеніи 800.000 р. векселей было пересрочено со взносомъ 10% въ счетъ капитала. Такой порядокъ кажется намъ несогласнымъ съ условіями кратко-срочнаго и коммерческаго кредита и могущимъ породить большія затрудненія для банка.

** Чтобы судить до какой степени можетъ быть различно это дѣйствіе, достаточно привести слѣдующія цифры. Въ 1862 г., было вообще учетовъ въ банкѣ съ конторами, въ сравненіи съ 1862 г., менѣе на 14 милл. Такая цифра, въ предѣлахъ которой, значитъ, можетъ колебаться масса

яннымъ и неизмѣннымъ остается одно только обстоятельство: полнѣйшій разладъ учетной операціи съ ходомъ торговли и искусственное вліяніе первой на торговлю и на денежное обращеніе.

Въ какой степени важно движеніе учета для денежнаго обращенія уже достаточно явствуетъ изъ того соображенія, что отъ тѣхъ или другихъ условій учета зависятъ цѣна оборотныхъ капиталовъ, заимствуемыхъ торговлею отъ кредита, и колебанія цѣнъ наличныхъ денегъ и товаровъ. Такъ, всякія облегченія учета удешевляютъ цѣны наличныхъ денегъ и если даже не производятъ дороговизны товаровъ, то во всякомъ случаѣ даютъ возможность держаться товарнымъ цѣнамъ. Учетъ есть именно та операція, посредствомъ которой банки могутъ имѣть самое могущественное и самое быстрое вліяніе на денежное обращеніе и въ особенности на обращеніе своихъ собственныхъ оборотныхъ знаковъ.

Поэтому мы въ особенности и занялись учетомъ, не упоминая о другихъ коммерческихъ операціяхъ государственнаго банка—подъ залогъ товаровъ и бумагъ государствен-

---

учетовъ изъ года въ годъ, можетъ показаться ничтожною въ сравненіи съ 700 милл. всей массы кредитныхъ билетовъ; но значеніе ея нельзя признать маловажнымъ уже потому, что вся цифра учетовъ въ 1862 г., составляла всего до 73 м., и потому болѣе 10% всей массы билетовъ и сверхъ того главнѣйше потому, что цифра денежнаго обращенія, находящаяся въ распоряженіи учетной операціи, представляетъ собою качественно самый дѣятельный элементъ денежнаго обращенія, имѣющій непосредственное вліяніе на всѣ обстоятельства народнаго хозяйства и на отношенія денегъ къ товарамъ.

Для разныхъ отдѣльныхъ мѣстностей колебанія цифръ учетовъ еще значительнѣе:

Учтено векселей по конторамъ:

съ 1-го января по 1-е октября:

	въ 1861 г.		въ 1862 г.	
	Р.	К.	Р.	К.
Московской	15.509.136	5	12.404.412	30
Архангельской	1.912.120	10	1.778.970	—
Одесской	7.544.982	—	6.180.648	94
Рижской	1.575.162	53	2.081.523	66
Кіевской	5.916.123	38	3.618.380	41
Рыбинской.	400.350	—	275.600	—
Нижегородской	5.292.435	45	4.181.257	13
Ирбитской	4.077.758	35	2.522.996	58
Полтавской	1.514.106	90	3.327.264	33

ныхъ и частныхъ. Относительно всѣхъ этихъ операцій замѣтимъ только, что банкъ, вслѣдствіе своего государственнаго характера, можетъ быть вынужденъ оказывать покровительство однѣмъ бумагамъ передъ другими, что это можетъ также неравномѣрно дѣйствовать на денежное обращеніе и что вообще колебанія въ денежномъ обращеніи, происходящія каналомъ этихъ операцій, какъ каналомъ не чисто коммерческимъ, могутъ также отзываться искусственнымъ вліяніемъ на торговлю. Пока эти операціи не соединены съ выпускомъ новыхъ билетовъ, несовмѣстимымъ съ подобными операціями, обстоятельство это не такъ важно. Нельзя также не замѣтить здѣсь, что ссуды подъ залогъ товаровъ, кажущіяся съ перваго взгляда болѣе благонадежными въ кредитномъ отношеніи чѣмъ учетъ, для оборотнаго и коммерческаго банка гораздо менѣе прочны чѣмъ учетъ: закладываемый товаръ есть непремѣнно товаръ не находящій сбыта; усиленіе предложенія наличныхъ денегъ на счетъ такого товара гораздо болѣе опасно, чѣмъ появленіе на рынкѣ новыхъ наличныхъ денегъ вслѣдъ за учетомъ товарнаго векселя, который представляетъ собою *проданный* товаръ, нашедшій для себя сбытъ и въ своемъ дальнѣйшемъ движеніи соотвѣтствующій дѣйствительнымъ потребностямъ рынка. Съ другой стороны само собою разумѣется, что товаръ благонадежнѣе чѣмъ дутый, не товарный вексель.

Каковы бы ни были однако недостатки коммерческихъ кредитныхъ операцій государственнаго банка, обусловленные характеромъ этого учрежденія, передача кредитныхъ билетовъ въ его распоряженіе была все-таки улучшеніемъ въ нашемъ бумажномъ денежномъ обращеніи. Сверхъ всѣхъ хорошихъ послѣдствій этой мѣры выше нами указанныхъ, здѣсь остается сказать въ заключеніе, что она важна какъ шагъ къ превращенію нашихъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ въ банковыя бумаги и къ уничтоженію характера ихъ какъ государственныхъ ассигнацій или бумажныхъ денегъ. Уже теперь, какія бы ни послѣдовали дальнѣйшія мѣры правительства на этомъ пути, наше бумажное денежное обращеніе пріобрѣло нѣкоторую *подвижность* банковаго. Такъ, подъ вліяніемъ коммерческихъ операцій государственнаго банка и движенія вкладовъ цифра *активнаго* обра-

щенія * сдѣлалась весьма измѣнчивою. Соображая свои операціи такъ или иначе и въ особенности посредствомъ измѣненія условій дисконта, банкъ можетъ давать денежному обращенію то или другое направленіе согласно потребностямъ и обстоятельствамъ времени и въ томъ числѣ можетъ имѣть вліяніе на ходъ размѣнной операціи, важной всегда, а при нашихъ обстоятельствахъ въ особенности важной. До учрежденія государственнаго банка наше бумажное денежное обращеніе не имѣло этихъ качествъ и это есть положительное пріобрѣтеніе нашей нынѣшней финансовой эпохи.

Отъ дальнѣйшихъ намѣреній и дѣйствій правительства будетъ зависѣть воспользоваться новыми условіями для денежной нашей системы, обусловливаемыми банковымъ механизмомъ, и придать этому механизму настоящую дѣятельную силу, заключающуюся единственно въ личномъ коммерческомъ интересѣ и коммерческой отвѣтственности, совершенно чуждыхъ казенной организаціи банка.

V.

Общее заключеніе.

Каждая отдѣльная часть нашихъ изслѣдованій, являясь передъ публикой послѣ нѣкотораго промежутка времени, представляла собою отдѣльное замкнутое цѣлое; потому, казалось бы, на насъ и не лежитъ прямой обязанности представить, съ окончаніемъ нашего труда, общее обозрѣніе его результатовъ. Отъ этой обязанности мы тѣмъ легче могли бы освободить себя, что въ изложеніи каждой части были постоянно указываемы соотношенія ея спеціяльныхъ вопросовъ съ вопросами всѣхъ прочихъ частей, а потому важнѣйшіе общіе выводы относительно обстоятельствъ нашей бумажной денежной системы легко могутъ быть сдѣ-

---

* Такъ, активное обращеніе было:

1862 г.		1863 г.	
Іюль . .	681,1	Январь . .	682,1
Августъ .	686,5	Февраль . .	677,1
Сентябрь	681,6	Мартъ . .	666,8
Октябрь	682,9	Апрѣль . .	658,3
Ноябрь .	686,3	Май . . .	646,2
Декабрь .	683,8	Іюнь . . .	640,1
		Іюль . . .	637,1

лаиы самими читателями. Наконецъ всякое окончательное и общее заключеніе могло бы быть отклонено нами уже и по тому поводу, что нашъ трудъ, какъ и явствуетъ изъ его заглавія, имѣлъ своею задачею изслѣдовать преимущественно лишь тѣ *нѣкоторыя* явленія нашего денежнаго обращенія, относительно коихъ было нами лично собрано достаточно фактическихъ матеріяловъ, и мы никакъ не предполагали возможнымъ исчерпать этотъ предметъ во всемъ его историческомъ и теоретическомъ объемѣ, столь *великомъ и столь сложномъ*. Ко всѣмъ этимъ соображеніямъ, избавляющимъ насъ отъ трудной обязанности заявлять публично нашъ общій взглядъ на денежную систему Россіи, мы присовокупимъ еще и то обстоятельство, о которомъ мы не разъ уже упоминали,—что мы никогда не намѣревались ставить цѣлію нашего труда *начертаніе какой-либо программы* для правительственныхъ дѣйствій, сюда относящихся. Интересъ этого труда (по крайней мѣрѣ въ намѣреніяхъ автора) чисто-теоретическій; если онъ можетъ заключать въ себѣ какія-либо практическія указанія и отношенія къ будущимъ правительственнымъ мѣрамъ, то во всякомъ случаѣ помимо нашихъ прямыхъ намѣреній. Разъяснить нѣкоторыя изслѣдованныя нами явленія нашего народнаго хозяйства и осмыслить ихъ общими началами науки — таково было наше прямое желаніе. Если мы сколько-нибудь успѣли въ этихъ усиліяхъ, то общая связь явленій и общій на нихъ взглядъ должны истекать сами собою; формулировать этотъ взглядъ въ краткихъ, рѣшительныхъ выраженіяхъ, есть гораздо менѣе требованіе науки нежели практики. При современномъ своемъ характерѣ экономическая наука, подобно всѣмъ другимъ наукамъ, старается быть возможно болѣе воздержною и умѣренною въ общихъ выводахъ и возможно болѣе сосредоточивать свое вниманіе на отдѣльныхъ, фактическихъ явленіяхъ и взаимной ихъ связи. Въ то же самое время практика ищетъ общихъ руководящихъ началъ, безъ которыхъ нынѣ невозможна никакая государственная дѣятельность. Такимъ образомъ, замѣтимъ кстати, духъ нашего времени заставляетъ теорію и практику трудиться, какъ будто въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ и даже въ такихъ направленіяхъ, которыми и та и другая какъ будто обмѣнялись между собою.

Однако оба указанныя направленія — финансовой практики, всюду въ образованныхъ государствахъ стремящейся опереться на общія, систематическія и послѣдовательныя начала, и теоріи остановившейся преимущественно на тщательной провѣркѣ своихъ общихъ понятій въ разрозненныхъ явленіяхъ жизни,—оба эти направленія не такъ противоположны и чужды другъ другу, какъ можетъ казаться съ перваго взгляда. То и другое направленіе рѣшительно помогаютъ другъ другу.

Практическій финансовый опытъ у всѣхъ европейскихъ народовъ ежедневно подтверждаетъ необходимость общей системы для финансовой практики, а система не мыслима безъ какихъ-нибудь общихъ практическихъ началъ, которыя въ своей сущности непремѣнно отвлеченны, хотя бы и не сознавались таковыми въ умахъ близорукихъ практиковъ. Наука же, на какой бы временной фазѣ своего развитія она ни останавливалась, никогда не можетъ отречься отъ признанія какихъ-нибудь общихъ, непреложныхъ началъ, приходящихъ въ забвеніе лишь въ умахъ тѣхъ служителей науки, которые посреди разныхъ временныхъ ея обстоятельствъ не замѣчаютъ общаго, неуклоннаго ея движенія. Съ другой стороны, наука, трудясь надъ частными вопросами и явленіями жизни, отвлекаясь даже отъ общихъ и основныхъ своихъ задачъ къ частнымъ вопросамъ, задаваемымъ практическими надобностями текущаго дня, подаетъ руку практикѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ она никакъ не можетъ забыть, что единственными прочными основами этого союза могутъ быть только общія начала, общіе экономическіе законы, равно необходимые и для науки и для практики.

Въ признаніи этихъ непреложныхъ экономическихъ законовъ, въ такъ-называемой силѣ вещей, на которую безпрестанно ссылаются, каждый по своему, и люди науки и люди практическаго дѣла, въ этой силѣ вещей заключается соприкосновеніе и примиреніе обѣихъ сферъ человѣческой дѣятельности. Услѣдить и открыть эту силу, этотъ законъ природы, въ каждомъ отдѣльномъ, видимомъ явленіи — такова задача современной науки; сообразовать съ этою силой свои дѣйствія, согласить съ нею неотложныя надобности текущаго дня, такъ чтобы нарушеніе закона не ото-

звалось непреложными бѣдствіями будущаго дня — такова задача здравой практики.

Въ этихъ мысляхъ, мы не можемъ воздержаться отъ изложенія нѣкоторыхъ общихъ выводовъ, какіе могутъ быть сдѣланы изъ всей совокупности нашихъ изысканій. Мы всячески старались представлять общія экономическія начала лишь какъ результаты изслѣдованія частныхъ и дѣйствительныхъ фактовъ нашего народнаго и государственнаго хозяйства; мы всячески старались выводить необходимость этихъ общихъ связующихъ началъ изъ необходимостей самой жизни, не могущей примириться нынѣ съ *случайнымъ* сцѣпленіемъ обстоятельствъ, съ вопросами, не объясненными наукой. Смѣемъ думать, что мы успѣли выяснить въ этомъ кажущемся хаосѣ нашихъ экономическихъ обстоятельствъ послѣдняго времени дѣйствіе нѣкоторыхъ общихъ причинъ, дѣйствіе экономической силы вещей. Въ этомъ же направленіи были употреблены не одни только наши усилія; другіе, и можетъ-статься съ бо́льшимъ успѣхомъ *, также старались доказать экономическую законность всѣхъ многочисленныхъ финансовыхъ событій, которыхъ намъ пришлось быть очевидцами въ послѣднее время. Во всѣхъ явленіяхъ нашего денежнаго обращенія не только не было ничего исключительнаго и уродливаго съ точки зрѣнія науки; но въ нихъ замѣчается даже чрезвычайная правильность и послѣдовательность, какъ ни печальны были многія изъ этихъ явленій и какъ ни вредны были они для нашего народнаго хозяйства. Многія изъ этихъ явленій были даже предусмотрѣны задолго впередъ, такъ что здѣсь съ одной стороны подтверждается зрѣлость науки, лучшимъ свидѣтельствомъ которой можетъ служить эта возможность предсказаній; съ другой стороны, здѣсь открывается возможность пользованія предвидѣніями науки для практическихъ государственныхъ цѣлей, на будущее время.

Независимо отъ всѣхъ этихъ соображеній, одно особое обстоятельство, отчасти даже личное, побуждаетъ насъ

---

* Мы въ особенности имѣемъ здѣсь въ виду передовыя экономическія статьи *Московскихъ Вѣдомостей* 1863 г.; эти статьи выяснили нѣкоторыя стороны нашего денежнаго обращенія съ особенною силой. Одни вопросы были разсматриваемы нами въ томъ же направленіи; другіе — въ нѣсколько иномъ.

высказать въ заключеніе нѣсколько общихъ выводовъ изъ всѣхъ нашихъ изысканій и разсужденій о денежномъ обращеніи. Наши статьи выходили въ свѣтъ чрезъ довольно значительные промежутки времени; такимъ образомъ съ самаго начала нашихъ занятій этимъ предметомъ до сихъ поръ протекло уже болѣе полутора года. Въ этомъ именно періодѣ произошли въ нашемъ денежномъ обращеніи нѣкоторыя новыя явленія, какъ напримѣръ, сокращеніе, въ теченіи 1863 г., сроковъ пониженія курсовъ для размѣна кредитныхъ билетовъ на звонкую монету въ государственномъ банкѣ, размѣнъ по номинальной ихъ цѣнѣ съ 1-го августа, чрезвычайно усилившееся въ 1863 г. предъявленіе билетовъ къ обмѣну, потомъ выдача въ обмѣнъ на билеты одного только серебра и пріостановленіе выдачи золота, прекращеніе размѣнной операціи съ 6-го ноября, значительная трассировка заграничныхъ векселей государственнымъ банкомъ, новые, вынужденные политическими обстоятельствами, выпуски государственныхъ процентныхъ бумагъ (серій), имѣющихъ во многихъ отношеніяхъ свойства бумажныхъ денегъ, и т. д. Все это, въ совокупности взятое, нѣсколько измѣнило наружную обстановку дѣла, хотя сущность его нимало отъ этого не измѣнилась. Но внѣшнія событія и въ особенности ощущенія и настроенія духа, производимыя ими въ публикѣ, обусловливаютъ собою самыя понятія массы публики о томъ или другомъ вопросѣ и заставляютъ часто, подъ вліяніемъ минутныхъ, сильныхъ впечатлѣній, видѣть въ положеніи вопроса только его наружную обстановку, а не то что̀ подъ нею скрывается — не сущность дѣла. Такъ благопріятные въ 1863 г. результаты размѣнной операціи, начатой 1-го мая 1862 и описанные нами въ первой главѣ нашего труда, нисколько не потеряли своего значенія даже и теперь, когда можетъ казаться, что потрясенія, происшедшія во второй половинѣ 1863 г. (паденіе заграничныхъ вексельныхъ курсовъ и пріостановленіе размѣна), были какъ будто послѣдствіемъ открытія размѣнной кассы въ 1862 г. Напротивъ того, все сказанное нами въ самомъ началѣ настоящаго труда, взятое изъ подлинныхъ нашихъ наблюденій надъ дѣйствительными фактами, должно именно теперь выиграть своимъ значеніемъ. Благопріятные результаты размѣнной операціи, въ первомъ ея періодѣ, съ одной стороны, должны

лучше всего выяснить противоположныя послѣдствія *неразмѣнности* кредитныхъ билетовъ, отчасти уже обнаружившіяся (на вексельныхъ курсахъ) совокупно со всѣми условіями, ограничившими свободное дѣйствіе размѣна, и готовыя нынѣ, съ прекращеніемъ размѣна, вступить въ полную свою силу. Съ другой стороны благопріятные результаты возобновившейся было въ 1863 г. размѣнности нашихъ денежныхъ знаковъ должны нынѣ еще болѣе заставлять сожалѣть о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя воспрепятствовали правильному и естественному ходу этой операціи и должны заставлять желать возможно скорѣйшаго устраненія этихъ обстоятельствъ и упроченія за нашими бумажными денежными знаками *безусловной размѣнности ихъ на звонкую монету*, — этого *основнаго, непреложнаго условія* (справедливо названнаго въ этомъ смыслѣ *первичнымъ* *) *всякой правильной* и *здоровой бумажной денежной системы*. Положительно извѣстныя намъ теперь и изъ собственнаго опыта и изъ умозрѣній науки, для всѣхъ теперь очевидныя послѣдствія *принудительнаго* или насильственнаго курса бумажныхъ денегъ (неразмѣнности въ соединеніи съ узаконеннымъ курсомъ) должны, казалось бы, придавать этому вопросу характеръ самой вопіющей государственной необходимости и самыхъ недоброжелательныхъ къ наукѣ, такъ-называемыхъ практическихъ людей, привлечь въ лагерь науки, столь рѣшительной и столь безпрекословной, именно въ этомъ вопросѣ **. Однако, подобно тому какъ многое происходитъ у насъ на глазахъ, на перекоръ здравому смыслу, такъ случилось, къ сожалѣнію, въ настоящемъ случаѣ: по поводу недавнихъ денежныхъ потрясеній, раздались у насъ голоса, не только обвинявшіе науку за непредвидѣніе этихъ потрясеній, но даже чуть-чуть не возлагавшіе на нее самоё отвѣтственность за всѣ эти потрясенія. Намъ по неволѣ приходитъ здѣсь на умъ случай весьма сходный съ настоящимъ: представьте себѣ, что врачи признали первою необ-

---

* См. редакц. статью *Русс. Вѣстн.* № 7, 1859 г. (*Русскій государственный долгъ*, стр. 204).

** Въ теоріи денежнаго обращенія нѣтъ вопроса *болѣе безспорнаго* и болѣе соединяющаго въ одномъ мнѣніи людей всѣхъ оттѣнковъ школъ и воззрѣній, какъ вопросъ о необходимости размѣна бумажныхъ денежныхъ знаковъ на звонкую монету по востребованію.

ходимостью для больнаго пріемы прописаннаго ими *лѣкарства* и *діэту*, и при этомъ разказали чрезвычайно полезные результаты такого лѣченія и противоположные результаты непріема лѣкарства и неумѣренной пищи; представьте себѣ далѣе, что больной сталъ слѣдовать совѣту врачей и благодаря его хорошей натурѣ, оказались весьма скоро хорошіе результаты лѣченія; но вотъ вдругъ, когда лѣченіе далеко еще не окончилось, оно было прервано по какимъ-нибудь обстоятельствамъ, отчасти, можетъ-быть, предвидѣннымъ, отчасти даже вовсе не предвидѣннымъ; положимъ напр., больной пересталъ акуратно принимать лѣкарство или, на оборотъ, принялъ его въ дозахъ, далеко превзошедшихъ прописанные врачами, или же онъ принималъ лѣкарство безъ соблюденія діэты, которая была необходима для дѣйствія лѣкарства и безъ которой дѣло обошлось лишь въ началѣ лѣченія, благодаря доброй натурѣ больнаго и т. д.; положимъ вообще, что были всякіе перерывы лѣченія по разнымъ обстоятельствамъ, зависѣвшимъ или не зависѣвшимъ отъ воли больнаго, и тогда спрашивается, въ чемъ виноваты врачи и, тѣмъ болѣе, въ чемъ винована медицина?... Отъ этого примѣра, хотя и взятаго изъ совершенно иной области явленій, но тѣмъ не менѣе весьма близкаго къ исторіи нашего денежнаго обращенія за послѣднее время, мы уже прямо перейдемъ къ сжатому перечню всего изложеннаго по этому предмету въ нашихъ статьяхъ.

Въ основаніе всего нашего труда мы положили мысль о необходимости различить *три разныя стороны* бумажной денежной системы: 1, внутренняя *цѣнность* бумажныхъ денежныхъ знаковъ, то что̀ мы назвали *качественными* отношеніями денежнаго обращенія; 2, *количество* денежныхъ знаковъ въ народномъ обращеніи, то что̀ мы назвали *количественными* его отношеніями, и наконецъ 3, *способъ выпуска* знаковъ или то что̀ можно назвать самою *системою* бумажнаго денежнаго обращенія. Мысль различенія и отдѣльнаго разсмотрѣнія группъ, явленій и вопросовъ, относящихся къ каждой изъ этихъ трехъ сторонъ нашей денежной системы послужила намъ не только какъ наиболѣе удобный методъ изслѣдованія и изложенія предмета столь сложнаго и запутаннаго какъ настоящій, но эта мысль обусловила собою и самое разрѣшеніе всѣхъ поставленныхъ нами вопросовъ.

По нашему мнѣнію, постоянное и общепринятое смѣшеніе и въ теоріи и въ практикѣ, трехъ упомянутыхъ выше сторонъ всякой бумажной денежной системы, — качества, количества и способа выпуска оборотныхъ безпроцентныхъ знаковъ, — есть одна изъ главныхъ и многихъ причинъ чрезвычайной запутанности всѣхъ сужденій по нашему предмету и трудности его пониманія въ массѣ публики.

Однако различныя условія и свойства денежной системы, относящіяся къ каждой изъ этихъ трехъ ея сторонъ находятся при всемъ своемъ различіи и при всей самостоятельности своего значенія въ самомъ тѣсномъ между собою *взаимодѣйствіи*, и въ этомъ собственно заключается вся трудность и сложность вопросовъ о бумажномъ денежномъ обращеніи; такъ мѣновая цѣнность безпроцентныхъ оборотныхъ знаковъ прежде всего коренится въ ихъ *внутренней металлической* цѣнности, въ отношеніяхъ ихъ къ звонкой монетѣ, въ ихъ *размѣнности*, и потомъ во всѣхъ свойствахъ оборотнаго знака, какъ *узаконеннаго*, платежнаго способа или орудія, но послѣ всего этого мѣновая цѣнность оборотныхъ денежныхъ знаковъ значительно обусловлена и количествомъ ихъ въ народномъ обращеніи; наконецъ какъ размѣнность бумажнаго денежнаго знака на звонкую монету, и присвоеваемый ему характеръ узаконенной государственной монеты, такъ и количество выпускаемыхъ знаковъ и его отношенія къ потребностямъ обращенія (самое значеніе количества для цѣнности или степень, въ которой первое обусловливаетъ вторую) въ свою очередь зависятъ отъ *способа* выпуска знаковъ въ народное обращеніе; система выпуска въ обращеніе и изъятія (или погашенія) изъ обращенія безпроцентныхъ денежныхъ знаковъ даетъ тотъ или другой категорически различный типъ (*ассигнаціонный* или *банковый*) всему механизму бумажнаго денежнаго обращенія и въ окончательномъ результатѣ подчиняетъ себѣ всѣ относящіеся къ нему теоретическіе и практическіе вопросы. Уже изъ этого бѣглаго указанія видна внутренняя органическая связь всѣхъ сторонъ и вопросовъ денежнаго обращенія,—связь достаточно, мы полагаемъ, развиваемая во всемъ нашемъ трудѣ и проникающая всѣ отдѣльныя его части. Несмотря однако на эту связь и единство всѣхъ раз-

нообразныхъ и разнохарактерныхъ явленій денежнаго обращенія, каждая группа явленій, мы должны это еще разъ напомнить, и каждый видъ недуговъ и сотрясеній, ими порожденныхъ въ нашемъ народномъ хозяйствѣ, должны быть разобраны отдѣльно и независимо одни отъ другихъ; только путемъ подобнаго отвлеченія однихъ явленій, однихъ условій денежной системы отъ другихъ и можетъ выясниться ихъ взаимная связь и единство.

Повторимъ вкратцѣ самые крупные результаты сдѣланнаго нами анализа явленій нашего бумажнаго денежнаго обращенія, по тремъ взятымъ нами главнымъ категоріямъ вопросовъ, и посмотримъ затѣмъ въ какой степени сдѣланные нами выводы прилагаются къ дѣйствительнымъ обстоятельствамъ этого дѣла, въ настоящую минуту,* послѣ того какъ мы были очевидцами нѣкоторыхъ, какъ будто новыхъ и неожиданныхъ явленій.

Въ первой главѣ мы разсматривали послѣдствія принудительнаго курса кредитныхъ билетовъ,—ихъ узаконеннаго хожденія наравнѣ съ звонкою монетой въ соединеніи съ прекращеніемъ размѣна въ 1856—1862 гг. Мы видѣли, что эти послѣдствія заключались преимущественно въ возникновеніи и постоянномъ возрастаніи во всѣхъ частныхъ коммерческихъ сдѣлкахъ разницы въ цѣнѣ металлической денежной единицы и кредитной или бумажной, несмотря на тождество ихъ, установленное закономъ и охраняемое всѣми его угрозами противъ частныхъ сдѣлокъ, заключенныхъ вопреки этому узаконенному и подписанному на билетахъ *единству денежной единицы*. Эти послѣдствія противодѣйствія силы вещей, экономическихъ законовъ природы, произвольному ихъ нарушенію, составили группу болѣзненныхъ явленій, которыя всего лучше можно обозначить общимъ названіемъ: *колебаній монетной единицы*; эти явленія обнаружились у насъ главнѣйше слѣдующимъ образомъ: во внутреннемъ денежномъ обращеніи, *лажъ* на звонкую монету при промѣнѣ ея на кредитные билеты или *паденіе цѣнности* кредитныхъ билетовъ (депреціація ихъ), постоянно возраставшее съ 1856 по май 1862 г., безусловное исчезновеніе звонкой монеты изъ народнаго обращенія, посредствомъ сбереженія, накопленія, переплава и вывоза; превращеніе звонкой

---

* Ноябрь 1863 г.

монеты въ товаръ и страшное повсемѣстное у насъ развитіе спекуляціи и торга на монету; въ международномъ денежномъ обращеніи: постоянно возраставшее съ принудительнымъ курсомъ билетовъ *паденіе иностранныхъ вексельныхъ курсовъ*, т.-е., то же самое паденіе нашей бумажной денежной единицы въ обмѣнѣ на всемірную металлическую; разстройство международнаго кредита и торговли, избѣгающихъ помѣщенія капиталовъ въ монетѣ, подверженной колебаніямъ и паденію; бѣгство капиталовъ изъ Россіи за границу, болѣзненное развитіе ввоза иностранныхъ товаровъ на счетъ вывоза русскихъ, поощряемое относительными выгодами обмѣна иностранныхъ товаровъ на русскую звонкую монету, вздорожавшую сравнительно менѣе прочихъ русскихъ товаровъ вслѣдствіе искусственной (правительственной) поддержки иностраннаго вексельнаго курса.—Таковы были указанныя нами, на основаніи собранныхъ нами фактическихъ данныхъ, послѣдствія колебаній нашей узаконенной монетной единицы (бумажной) или *принудительнаго*, такъ-называемаго насильственнаго курса кредитныхъ билетовъ, охраняемаго оружіемъ закона, посреди различествующихъ съ нимъ на иностранныхъ и отечественныхъ рынкахъ *вольныхъ курсовъ* билетовъ.

Когда мы описывали всѣ эти болѣзненныя явленія, посреди которыхъ принята была важная государственная мѣра—открытіе *размѣна билетовъ на звонкую монету* съ 1 мая 1862 г., мы могли уже наблюдать и отмѣтить благопріятные результаты размѣна, въ первую эпоху его дѣйствія. Мы видѣли, что эти результаты *весьма быстро* заявили себя рядомъ явленій, противоположныхъ явленіямъ періода шестилѣтняго прекращенія размѣна. Настоятельность размѣна для денежныхъ знаковъ, цѣнность которыхъ условно обезпечена искусственными преимуществами узаконеннаго курса, настоятельность этого единственнаго способа отвращенія колебаній этой цѣнности была засвидѣтельствована рѣшительными симптомами, въ которыхъ недугъ, казалось, спѣшилъ уступить приложенному къ нему лѣченію.

Но принудительнымъ курсомъ кредитныхъ билетовъ и его специфическимъ послѣдствіемъ, колебаніями монетной единицы, недугомъ, противъ котораго и было употреблено специфическое его лѣченіе — размѣнная операція — еще не ограничивались всѣ болѣзненныя обстоятельства нашего

денежнаго обращенія. Было еще другое зло — *избытокъ* денежныхъ знаковъ противъ потребностей народнаго обращенія. Этотъ избытокъ требовалъ также финансовыхъ мѣръ, спеціяльно противъ него направленныхъ; онъ обусловливалъ собою, какъ мы говорили *, окончательный успѣхъ размѣнной операціи, и готовъ былъ, съ теченіемъ времени, подвергнуть ее опасности, обрушиваясь на размѣнный фондъ, въ которомъ излишніе кредитные билеты могли, посредствомъ превращенія въ звонкую монету, искать для себя исхода съ нашихъ денежныхъ рынковъ. Сверхъ того, способъ лѣченія направленный противъ неразмѣнности билетовъ, самъ собою еще усиливалъ зло, заключавшееся уже въ *количествѣ* денежныхъ знаковъ.

Усиленіе этого зла происходило отъ одного обстоятельства, сопровождавшаго открытіе размѣнной операціи. Совокупно съ возстановленіемъ размѣнности кредитныхъ билетовъ, предположено было возстановить и *первоначальную* или нарицательную ихъ цѣнность, относительно звонкой монеты. Задача эта, при значительномъ паденіи кредитнаго рубля (14%—15% средняя цифра обезцѣненія или лажа) въ періодѣ закрытія размѣнной кассы и при чрезвычайномъ избыткѣ билетовъ, была особенно трудна. Эта задача усложнила ходъ размѣнной операціи. Чрезъ постепенное возвышеніе цѣнности кредитныхъ билетовъ, необходимое для разрѣшенія этой задачи, общая масса денежныхъ знаковъ (по отношенію къ международной денежной, то-есть, металлической единицѣ, и къ всемірному денежному обращенію) стала по необходимости сама собою и безъ всякихъ новыхъ выпусковъ возрастать, соразмѣрно съ возвышеніемъ курсовъ размѣна въ государственномъ банкѣ. Чрезъ это обстоятельство усиливалось дѣйствіе *количества* кредитныхъ билетовъ на размѣнную кассу, дѣйствіе и безъ того уже сильное, вслѣдствіе ихъ избытка во внутреннемъ народномъ обращеніи.

Во второй части нашего труда мы представили полную картину движенія цифръ кредитныхъ билетовъ, съ самаго ихъ учрежденія до настоящаго времени и изобразили отношенія *количества* нашихъ денежныхъ знаковъ къ потребностямъ нашего народнаго обращенія въ разные его пері-

---

* См. заключеніе первой главы.

оды. Мы видѣли экономическія потрясенія, произведенныя чрезвычайными выпусками періода восточной войны, и отозвавшіяся въ связи съ государственными преобразованіями современной намъ эпохи, преимущественно во внутреннихъ обстоятельствахъ нашего народнаго хозяйства. Мы видѣли послѣдствія чрезмѣрнаго возрастанія бумажныхъ денегъ, лихорадочное оживленіе потребленія, а съ нимъ промышленности, торговли и кредита и вскорѣ потомъ наступившую реакцію — застой въ дѣлахъ, ослабленіе духа предпріимчивости и довѣрія, сжатіе кредита. Эти послѣдствія чрезвычайныхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ, болѣе чѣмъ удвоившихъ цифру денежнаго обращенія, выразились у насъ въ самыхъ рѣшительныхъ, несомнѣнныхъ, для всѣхъ очевидныхъ фактахъ; и мы, кажется, съ достаточною убѣдительностію доказали, что эти факты не только дѣйствительно были послѣдствіемъ чрезмѣрнаго возрастанія массы билетовъ въ обращеніи, но что они и не могли не быть такимъ послѣдствіемъ, въ силу экономическихъ законовъ, которымъ подчинено денежное обращеніе, и которые всюду производили то же самое.

Послѣ опустошеній, причиненныхъ избыткомъ кредитныхъ билетовъ противъ потребностей народнаго обращенія, равновѣсіе начало устанавливаться рядомъ болѣзненныхъ явленій, въ томъ числѣ преимущественно посредствомъ *дороговизны* товаровъ (или дешевизны денегъ), которая обрушилась на всѣхъ потребителей нашихъ товаровъ, отечественныхъ и иностранныхъ, и затѣмъ парализировала самое производство, страдавшее отъ неравномѣрнаго движенія дороговизны и отъ паденія иностранныхъ сбытовъ. Вмѣстѣ съ дороговизною, равновѣсіе количества денегъ съ потребностію въ нихъ устанавливалось и посредствомъ такъ-называемаго *безденежья*, составляющаго предметъ всеобщихъ жалобъ и выражающаго собою сокращеніе и дороговизну кредита и въ сущности капиталовъ, недостающихъ для соразмѣрности съ знаками, искусственно созданными, чтобъ ихъ представлять и передвигать.

Мы старались доказать, что избытокъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ продолжаетъ у насъ существовать и донынѣ, что всѣ обстоятельства, которыми онъ содержится въ наружномъ равновѣсіи съ потребностями народнаго обращенія, суть обстоятельства ненормальныя, подобныя

дороговизнѣ и безденежью, что для успѣховъ нашего народнаго хозяйства необходимо, чтобъ эти обстоятельства измѣнились, что правильный, здоровый ростъ всего организма народнаго хозяйства невозможенъ при такомъ болѣзненномъ равновѣсіи количества орудій мѣны съ потребностями мѣны, равновѣсіи, существующемъ благодаря лишь нѣкоторымъ *патологическимъ* элементамъ, нынѣ заключающимся въ этомъ организмѣ. Мы говорили, что организмъ народнаго хозяйства будетъ, благодаря своимъ естественнымъ силамъ, стремиться, во что̀ бы то ни стало, къ выздоровленію, что избытокъ денежныхъ знаковъ воспользуется первымъ удобнымъ случаемъ для своего исхода изъ обращенія, что онъ будетъ съ постоянно возрастающею силой, по мѣрѣ образованія излишковъ наличныхъ денегъ въ частныхъ рукахъ, заявлять себя у дверей открывшейся размѣнной кассы. Говоря объ этомъ угрожающемъ характерѣ избытка нашихъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ, мы наконецъ замѣтили, что этотъ характеръ значительно усилился въ самое послѣднее время, сверхъ возвышенія цѣнности кредитныхъ билетовъ (ниспадавшими курсами размѣна), значительнымъ размноженіемъ государственныхъ процентныхъ бумагъ (серій и 4% металлическихъ), служащихъ у насъ для покрытія текущихъ государственныхъ долговъ. Эти бумаги, вопреки неотъемлемымъ свойствамъ всякой процентной бумаги, снабжены привилегіями, придающими имъ свойства бумажныхъ денегъ или оборотныхъ, безпроцентныхъ знаковъ.

Въ изслѣдованіи послѣдствій излишества кредитныхъ билетовъ, мы безпрестанно встрѣчались съ вопросомъ: о самыхъ *причинахъ* чрезмѣрныхъ выпусковъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ и объ условіяхъ бумажной денежной системы, способныхъ устранить самую возможность такихъ выпусковъ и установить равновѣсіе между потребностями народнаго обращенія и количествомъ орудій мѣны. Такимъ образомъ мы перешли къ третьей части нашего труда и подвергнули подробному разсмотрѣнію самый *способъ* выпуска оборотныхъ знаковъ, дѣйствовавшій у насъ до сихъ поръ, способъ *ассигнаціонный*, рѣзко отличающійся отъ банковаго, преобладающаго нынѣ во всѣхъ образованныхъ государствахъ. Мы старались доказать, что различіемъ этихъ двухъ способовъ обусловливаются различіе двухъ

совершенно противоположныхъ системъ бумажнаго денежнаго обращенія и всѣ политическія особенности, отличающія *государственныя ассигнаціи* отъ *банковыхъ безпроцентныхъ билетовъ*. Мы указали на послѣдствія этихъ особенностей въ обстоятельствахъ нашего денежнаго обращенія, столь несходныхъ и между тѣмъ часто смѣшиваемыхъ съ денежными и коммерческими потрясеніями современной Западной Европы. Между прочимъ мы видѣли главнѣйшія спеціяльныя послѣдствія ассигнаціоннаго способа выпуска кредитныхъ билетовъ въ томъ особомъ значеніи, которое пріобрѣтаетъ *количество* ихъ въ обращеніи и котораго никогда не можетъ имѣть количество банковыхъ билетовъ. Послѣдніе, въ какомъ бы количествѣ они ни выпускались, изъемлются изъ обращенія или погашаются сами собою, путемъ тѣхъ же самыхъ банковыхъ операцій, которыя послужили поводомъ къ выпуску билетовъ, путемъ платежей по ссудамъ банка. Мы выставили этотъ послѣдній фактъ, *возвратное* движеніе банковыхъ билетовъ (отъ публики въ банкъ) какъ въ высшей степени важное *регулирующее начало* банковаго денежнаго обращенія, безусловно недостающее ассигнаціонному и чрезвычайно содѣйствующее быстротѣ и относительной безвредности денежныхъ кризисовъ въ Западной Европѣ и Сѣверной Америкѣ. Вслѣдствіе отсутствія этого начала въ ассигнаціонной денежной системѣ, присвоеніе ассигнаціоннымъ знакамъ *размѣнности*, составляющей неотъемлемую принадлежность банковыхъ билетовъ, дѣлается особенно затруднительнымъ; но для *нормальнаго погашенія* и изъятія изъ обращенія банковыхъ билетовъ посредствомъ возвратнаго теченія ихъ въ банкъ по платежамъ, размѣнная операція служитъ для этихъ билетовъ лишь совершенно случайнымъ и исключительнымъ способомъ изъятія изъ обращенія; напротивъ того размѣнъ ассигнацій можетъ сдѣлаться, при малѣйшемъ ихъ избыткѣ, нормальнымъ каналомъ выхода ихъ изъ обращенія, и можетъ постоянно подвергать несостоятельности размѣнный металлическій фондъ. Мы уже были свидѣтелями такого направленія нашей размѣнной операціи въ 1863 г., направленія, вынудившаго совокупно со всѣми обстоятельствами, политическими и финансовыми, усилившими дѣйствіе избытка кредитныхъ билетовъ и напоръ ихъ къ размѣнной кассѣ, — *пріостановленіе размѣна съ 6 ноября.*

Мы не будемъ, по самой цѣли нашего труда, входить въ разсмотрѣніе всѣхъ побочныхъ обстоятельствъ, предшествовавшихъ этому событію и усложнившихъ дѣйствіе главной причины — избытка денежныхъ знаковъ и отсутствія мѣръ, спеціяльно противъ избытка направленныхъ. Необходимость открытія, подлѣ размѣнной кассы, иного канала для отлива съ денежныхъ рынковъ кредитныхъ билетовъ, необходимость такого отлива, долженствующаго парализировать напоръ билетовъ, ищущихъ въ размѣнѣ собственно не монеты, а своего изъятія изъ обращенія,— *необходимость* эта сдѣлалась, кажется, для всѣхъ очевиднымъ фактомъ.

Самое прямое удовлетвореніе этой необходимости, истекающее изъ хода всѣхъ нашихъ финансовыхъ событій, представляется въ *превращеніи избытковъ кредитныхъ билетовъ въ государственныя процентныя бумаги*. Передача такихъ бумагъ въ распоряженіе государственнаго банка, въ его портфель, для покрытія части долга государственнаго казначейства банку и для предложенія этихъ бумагъ владѣльцамъ кредитныхъ билетовъ, напирающимъ на размѣнную кассу, — такая мѣра кажется намъ самою естественною, самою раціональною и самою удобною. Не намъ впервые приходится указывать на эту мѣру, но она по необходимости истекаетъ изъ всѣхъ изслѣдованныхъ нами фактовъ *.

---

* Мы полагаемъ, что эта мѣра можетъ быть удобна лишь для дополнительнаго покрытія кредитныхъ билетовъ и что ей долженъ предшествовать заемъ по подпискѣ. Никакъ нельзя желать, чтобы банкъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ продавалъ пяти-процентные билеты по дешевой цѣнѣ. Это былъ бы подрывъ для всѣхъ тѣхъ, у кого есть эти билеты,—подрывъ совершенно несправедливый. Съ другой стороны эта мѣра, несправедливая относительно публики, была бы опасна и для самого банка. Продавая по низкой цѣнѣ процентныя бумаги, банкъ побуждалъ бы безсрочные вклады къ востребованію. Словомъ, упоминаемая въ текстѣ статьи передача процентныхъ бумагъ въ распоряженіе государственнаго банка для предложенія этихъ бумагъ въ обмѣнъ на кредитные билеты вмѣсто золота, можетъ оказаться удобною лишь въ томъ случаѣ когда избытокъ обращающихся кредитныхъ билетовъ не великъ. Если же избытокъ великъ,— а въ дѣйствительности онъ великъ, — и особенно если не предполагается понизить внутреннее достоинство рубля, то безъ займа по подпискѣ обойдтись нельзя. Ожиданіе хорошихъ послѣдствій отъ передачи процентныхъ бумагъ банку основано на томъ же заблужденіи, на которомъ основывалось ожиданіе хорошихъ послѣдствій отъ размѣна, — именно на заблужденіи, что избытокъ кредитныхъ билетовъ у насъ не великъ. Было бы очень удивительно еслибы намъ вторично пришлось поплатиться за это заблужденіе. *Ред.*

Эта мѣра есть единственная, могущая, безъ всякихъ чрезмѣрныхъ усилій и безъ всякихъ невозможныхъ для государства пожертвованій, побороть избытокъ кредитныхъ билетовъ, ввести въ нормальныя границы размѣнную операцію, возобновленіе которой такъ необходимо, и замѣнить для нашихъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ то возвратное теченіе ихъ въ банкъ и погашеніе, которое недостаетъ имъ, какъ знакамъ, выпущеннымъ по ассигнаціонному способу.

Эта мѣра должна еще болѣе приблизить нашу бумажную систему къ *банковой*, которая единственно можетъ безусловно обезпечить наше народное хозяйство отъ ассигнаціонныхъ денежныхъ кризисовъ, періодически повторяющихся у насъ въ нынѣшнемъ столѣтіи. Банковая же система денежнаго обращенія необходима для всѣхъ успѣховъ нашего народнаго хозяйства, поставленнаго чрезъ недостатокъ настоящаго банковаго кредита въ самыя невыгодныя условія конкурренціи съ Западною Европой.

Мы видѣли существующія у насъ условія превращенія кредитныхъ билетовъ въ настоящіе банковые; мы замѣтили нѣкоторыя благопріятныя въ этомъ отношеніи свойства, приданныя нашему денежному обращенію, посредствомъ учрежденія государственнаго банка, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны были убѣдиться и въ недостаткахъ его положенія и операцій для окончательнаго упроченія нашей денежной системы на банковыхъ основаніяхъ. Такое упроченіе зависитъ отъ кореннаго преобразованія въ самомъ устройствѣ банка, котораго нынѣшній чисто правительственный характеръ чуждъ главнымъ условіямъ коммерческихъ банковыхъ операцій, въ свою очередь обусловливающихъ самый механизмъ банковой денежной системы. Этотъ правительственный характеръ государственнаго банка, съ самаго его учрежденія, разсматривается самимъ правительствомъ какъ *временный*; онъ гораздо болѣе обременяетъ собою операціи государственнаго казначейства нежели ихъ облегчаетъ, и потому должно надѣяться, что при первыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ этотъ характеръ банка уступитъ другому, *частному и коммерческому*.

Итакъ *избытокъ* бумажныхъ денежныхъ знаковъ (какъ собственно кредитныхъ билетовъ, такъ и другихъ нашихъ, подобныхъ имъ, бумагъ) выставляется во всѣхъ нашихъ изысканіяхъ, какъ *первенствующій фактъ* посреди всѣхъ

золъ нашего денежнаго обращенія, въ нынѣшнемъ его періодѣ. Этотъ избытокъ сдѣлался главною причиной, парализировавшею размѣнъ, это первое условіе оборотныхъ денежныхъ знаковъ, и потому главною *практическою* заботой нынѣшняго дня. Такимъ образомъ вопросъ о *количествѣ* или избыткѣ кредитныхъ билетовъ есть теперь первенствующій практическій вопросъ въ нашей денежной системѣ.

Коренная причина, породившая избытокъ денежныхъ знаковъ, заключается въ самомъ способѣ ихъ выпуска, въ *самой системѣ* и потому дальнѣйшій вопросъ будетъ окончательное превращеніе этой системы *изъ ассигнаціонной въ банковую*.

Поэтому въ *настоящую минуту* всѣ финансовыя мѣры по нашему денежному обращенію должны быть направлены: къ возобновленію размѣна, къ предотвращенію напора на него избытка кредитныхъ билетовъ и къ консолидаціи какъ части кредитныхъ билетовъ, такъ и процентныхъ бумагъ, покрывающихъ наши текущіе государственные долги и увеличивающихъ собою количество оборотныхъ денежныхъ знаковъ.

Совокупно съ этимъ, всѣ *дальнѣйшія* финансовыя мѣры по этому предмету должны клониться къ окончательному превращенію кредитныхъ билетовъ въ настоящіе банковые билеты.

Этими словами, выражающими, по нашему мнѣнію, сущность нашего положенія, мы ограничимъ наши практическія указанія и заключимъ нашъ трудъ.

3P